

НОВЫЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Ежеквартальный научно-правовой журнал

№ 4
(октябрь-декабрь)
2026 г.

Учредитель и издатель:

Грудцына Людмила Юрьевна
Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Основан в 2023 году
Выходит ежеквартально
ISSN 3034-4395 (online)



Журнал зарегистрирован в
Федеральной службе по надзору в сфере
связи, информационных технологий и
массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
Свидетельство о регистрации СМИ
Эл № ФС 77-85528 от 04.07.2023 г.

Журнал включен в Российский
Индекс научного цитирования (РИНЦ) и
зарегистрирован в Научной электронной
библиотеке eLIBRARY.RU

НОВЫЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Ежеквартальный
научно-правовой
журнал

Ежеквартальный научно-правовой РИНЦ-журнал, посвященный теоретическим и практическим вопросам конституционного (государственного права), теории и истории права и государства, вопросам теоретико-правового изучения институтов гражданского общества, конституционному развитию государства и общества, методологии правотворчества и правоприменения, а также актуальным вопросам государственно-правовых наук.

Председатель редакционного совета:

Эриашвили Н.Д.

Главный редактор:

Сангаджиев Б.В.

Заместитель главного редактора:

Шайхуллин М.С.

Литературный редактор:

Медведева Е.А.

Корректор:

Дребезгова Ю.Д.

Компьютерная верстка:

Ерошина Е.А.

Дизайн обложки:

Ерцев Р.А.

Главный бухгалтер:

Антипова Е.А.

Адрес редакции:

121596, г. Москва, ул. Горбунова,
д. 2, стр. 3. Офис В 218. Этаж 2.
Бизнес-центр «Гранд Сетунь Плаза».
м. Сетунь. м. Молодежная.

Тел.: 8-800-700-45-88 (по России)

WhatsApp: 8-900-155-56-05

Сайт журнала: <https://new-law.ru>

E-mail: info@law-books.ru

При использовании опубликованных материалов ссылка на «новый юридический журнал» обязательна. Материалы, опубликованные в журнале, могут быть размещены в электронных правовых базах и справочных системах.

Все присланные рукописи проходят обязательное рецензирование, после которого Редакционная коллегия принимает решение о принятии рукописи или ее отклонении. Автор рукописи извещается о принятом решении. Мнение редакции может не совпадать с мнением автора.

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Председатель: **Н.Д. Эриашвили** – доктор экономических наук, кандидат юридических наук, кандидат исторических наук, профессор, профессор кафедры гражданско-правовых дисциплин Академии Генеральной прокуратуры РФ, профессор кафедры предпринимательского и трудового права Института государственного управления и права Государственного университета управления.

Ж.А. Бокоев - кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного и административного права юридического факультета Кыргызского национального университета имени Жусупа Баласагына, Член Совета по судебной реформе при президенте Кыргызской Республики.

А.П. Галоганов – доктор юридических наук, Заслуженный юрист России, президент Адвокатской палаты Московской области, президент Федерального союза адвокатов России, вице-президент Международного союза (содружества) адвокатов.

С.Д. Каракозов - доктор педагогических наук, профессор, проректор, директор Института математики и информатики Московского педагогического государственного университета.

В.В. Комарова – доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой конституционного и муниципального права РФ Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).

Г.Б. Мирзоев – доктор юридических наук, профессор, президент Гильдии российских адвокатов, ректор Российской академии адвокатуры и нотариата, академик РАЕН, Почетный доктор Бриджпортского Университета (США), Почётный доктор философии университета «EuroSwiss».

Р.М. Мырзалимов - доктор юридических наук, профессор кафедры конституционного и административного права юридического факультета Кыргызского национального университета имени Жусупа Баласагына, член Редакционного совета Вестника Конституционной палаты Верховного суда Кыргызской Республики.

К.Х. Рахимбердин - доктор юридических наук, председатель правления Палаты юридических консультантов Восточно-Казахстанской области, профессор кафедры уголовного права и уголовного процесса ВКГУ им. С. Аманжолова, обладатель звания «Лучший преподаватель вуза» Министерства образования и науки Республики Казахстан (2007 г., 2013 г.).



EDITORIAL COUNCIL:

Chairman: **N.D. Eriashvili** — Doctor of Economics, Candidate of Legal Sciences, Candidate of Historical Sciences, Professor, Professor of the Department of Civil Law Disciplines of the Academy of the General Prosecutor's Office of the Russian Federation, Professor of the Department of Entrepreneurial and Labor Law of the Institute of Public Administration and Law of the State University of Management

A. Bokoev - Candidate of Legal Sciences, Associate Professor of Constitutional and Administrative Law, Faculty of Law, Zhusup Balasagyn Kyrgyz National University, Member of the Council on Judicial Reform under the President of the Kyrgyz Republic

P. Galoganov - Doctor of Law, Honored Lawyer of Russia, President of the Moscow Region Bar, President of the Federal Union of Lawyers of Russia, Vice President of the International Union (Commonwealth) of Lawyers.

D. Karakozov - Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Vice-Rector, Director of the Institute of Mathematics and Informatics of Moscow Pedagogical State University.

V. Komarova - a doctor of jurisprudence, professor managing department of the constitutional and municipal right of the Russian Federation of the Moscow state legal university of O.E. Kutafin (MGYuA).

M. Myrzalimov - Doctor of Law, Professor, Department of Constitutional and Administrative Law, Faculty of Law, Zhusup Balasagyn Kyrgyz National University, Member of the Editorial Council of the Bulletin of the Constitutional Chamber of the Supreme Court of the Kyrgyz Republic.

Kh. Rakhimberdin - Doctor of Law, Chairman of the Board of the Chamber of Legal Advisors of the East Kazakhstan Region, Professor of the Department of Criminal Law and Criminal Procedure, VKSU named after S. Amanzholova, holder of the title «Best University Teacher» of the Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan (2007, 2013).



РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор: **Б.В. Сангаджиев**, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой конституционного и международного права ФГБОУ ВО «Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)»

Заместитель главного редактора: **М.С. Шайхуллин**, доктор юридических наук, доцент, руководитель Центра государственно-правовых исследований Евразийского научно-исследовательского института проблем права

Специальность: 5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки.

О.Н. Булаков – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой конституционного и международного права Российского государственного гуманитарного Университета

Л.Ю. Грудцына – доктор юридических наук, профессор, профессор ФГБОУ ВО «Российская государственная академия интеллектуальной собственности», профессор кафедры конституционного и международного права ФГБОУ ВО «Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)», Почетный адвокат России, эксперт РАН

Б.В. Сангаджиев – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой конституционного и международного права ФГБОУ ВО «Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)»

Л.А. Тхабисимова – доктор юридических наук, профессор, директор, заведующая кафедрой конституционного и муниципального права Юридического института Пятигорского государственного университета, директор Северо-Кавказского центра избирательного права и процесса, руководитель Северо-Кавказского научно-образовательного центра политико-правовых проблем, Академик АМАН, Почетный работник сферы образования Российской Федерации, Заслуженный юрист Республики Адыгея.

М.С. Шайхуллин – доктор юридических наук, доцент, руководитель Центра государственно-правовых исследований Евразийского научно-исследовательского института проблем права.

Специальность: 5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки.

А.В. Барков - доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры гражданского права Саратовской государственной юридической академии, Заслуженный юрист России.

Л.В. Андреева - доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры предпринимательского и корпоративного права МГЮА имени О.Е. Кутафина, Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации.

В.Е. Белов - доктор юридических наук, доцент, доцент кафедры правового обеспечения рыночной экономики отделения «Высшая школа правоведения» Института государственной службы и управления ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации».

С.А. Иванова - доктор юридических наук, профессор, профессор Департамента правового регулирования экономической деятельности ФГБОУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации».

Д.П. Стригунова - доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры международного и интеграционного права Института права и национальной безопасности ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации».

EDITORIAL BOARD:

Editor-in-chief: **B.V. Sangadzhiev**, Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Constitutional and International Law of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «All-Russian State University of Justice (RPA Ministry of Justice of Russia)»

Deputy Editor-in-Chief: **M.S. Shaikhullin**, Doctor of Law, Associate Professor, Head of the Center for State Legal Research of the Eurasian Research Institute of Law Problems

Specialty: 5.1.2. Public law (state legal) sciences.

O.N. Bulakov - Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Constitutional and International Law, Russian State University for the Humanities

L.Yu. Grudtsyna - Doctor of Law, Professor, Professor of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Russian State Academy of Intellectual Property», Professor of the Department of Constitutional and International Law of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «All-Russian State University of Justice (RPA Ministry of Justice of Russia)», Honorary Lawyer of Russia, expert of the Russian Academy of Sciences

B.V. Sangadzhiev - Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Constitutional and International Law of the All-Russian State University of Justice (RPA of the Ministry of Justice of Russia)

L.A. Tkhabisimova - Doctor of Law, Professor, Director, Head of the Department of Constitutional and Municipal Law of the Law Institute of Pyatigorsk State University, Director of the North Caucasus Voter Center for Electoral Law and Process, Head of the North Caucasus Scientific and Educational Center for Political Legal Problems, Academician of the AMAN, Honorary Worker of Education of the Russian Federation, Honored Lawyer of the Republic of Adygea.

M.S. Shaikhullin - Doctor of Law, Associate Professor, Head of the Center for State Legal Research of the Eurasian Research Institute of Law Problems.

Specialty: 5.1.3. Private law (civil) sciences.

A.V. Barkov - Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Civil Law of the Saratov State Law Academy, Honored Lawyer of Russia.

L.V. Andreeva - Doctor of Law, Professor, Professor, Department of Business and Corporate Law, Moscow State Law Academy named after O.E. Kutafina, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation.

V.E. Belov - Doctor of Law, Associate Professor, Associate Professor, Department of Legal Support of Market Economics, Higher School of Law, Institute of Public Administration and Management, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation».

S.A. Ivanova - Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Legal Regulation of Economic Activities of the Federal State Budgetary Institution of Higher Education «Financial University under the Government of the Russian Federation».

D.P. Strigunova - Doctor of Law, Associate Professor, Professor, Department of International and Integration Law, Institute of Law and National Security, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation».

РУБРИКИ ЖУРНАЛА

- ТЕОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА
- ПРАВА ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО
- КОНСТИТУЦИОННОЕ (ГОСУДАРСТВЕННОЕ) ПРАВО
- ПРОБЛЕМЫ КОНСТИТУЦИОННОГО ПРАВА
- ТЕОРИЯ ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА
- ТЕОРИЯ УПРАВЛЕНИЯ
- ГРАЖДАНСКОЕ И ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ ПРАВО
- ОБЯЗАТЕЛЬСТВЕННОЕ ПРАВО
- ПРАВО ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ
- ПРАВО И ЭКОНОМИКА
- ПОЛИТИКА И ПРАВО
- ПРАВОСУДИЕ И СУДЕБНАЯ ПРАКТИКА
- ПРОБЛЕМЫ ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА
- АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО
- УГОЛОВНОЕ ПРАВО И ПРОЦЕСС
- ЦИФРОВИЗАЦИЯ ПРАВА
- ПРОБЛЕМЫ РОССИЙСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА
- ПРИМЕНЕНИЕ РОССИЙСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА
- ПРАВОВАЯ РЕФОРМА
- ЮРИДИЧЕСКИЙ АРХИВ

JOURNAL CATEGORIES

- THEORY OF STATE AND LAW
- HUMAN RIGHTS AND CIVIL SOCIETY
- CONSTITUTIONAL (STATE) LAW
- CONSTITUTIONAL LAW ISSUES
- CIVIL LAW THEORY
- CONTROL THEORY
- CIVIL AND BUSINESS LAW
- BINDING LAW
- INTELLECTUAL PROPERTY LAW
- LAW AND ECONOMICS
- POLITICS AND LAW
- JUSTICE AND JURISPRUDENCE
- CIVIL LAW ISSUES
- ADMINISTRATIVE LAW
- CRIMINAL LAW AND PROCEDURE
- DIGITALIZATION OF LAW
- PROBLEMS OF RUSSIAN LEGISLATION
- APPLICATION OF RUSSIAN LEGISLATION
- LEGAL REFORM
- LEGAL ARCHIVE

СОДЕРЖАНИЕ:

ПОЛИТИКА И ПРАВО

Дементьев М. Д. * Новшества в системе государственных закупок: переход на платформу ГОС-ТЕХ 10

Ахмерова Д. И. * Трансформация концепции баланса сил в современной теории международных отношений 14

ПРАВА ЧЕЛОВЕКА

Искра О. С. * Влияние правового регулирования информационного пространства на формирование ценностей современного общества 20

КОНСТИТУЦИОННОЕ (ГОСУДАРСТВЕННОЕ) ПРАВО

Коцюруба А. А. * Правовые позиции Конституционного Суда РФ в механизме обеспечения конституционности уголовно-правовых норм 26

ГРАЖДАНСКОЕ И ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ ПРАВО

Кузнецова М. Л. * Гражданско-правовое регулирование ответственности физических лиц 32

Беспрозванных М. Г. * Преимущественное право приобретения доли в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью: правовая природа, реализация и судебная практика ... 38

Грачевцова И. С. * Возмещение вреда, причиненного жизни и здоровью по законодательству зарубежных стран 43

ПРАВО И ЭКОНОМИКА

Резникова А. В. * Кадастровая стоимость как экономико-правовая основа расчета арендной платы за земельные участки публичной собственности 47

ПРАВОСУДИЕ И СУДЕБНАЯ ПРАКТИКА

Рябова А. Д. * Формирование адвокатом правовой позиции при рассмотрении жалоб на действия (бездействие) арбитражного управляющего 60

Фомичева М. В., Романова Н. В. * Процессуальные пробелы в главе 31 ГПК РФ: обратный процесс восстановления дееспособности как «недостающее звено» 66

Остапенко Я. В. * Гражданско-правовая природа договора технологического присоединения к электрическим сетям как основание для определения эффективного способа судебной защиты 76

ПРОБЛЕМЫ РОССИЙСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Иксанов А. Р. * Проблемы установления статуса контролирующего должника лица в деле о банкротстве 85

Иксанов А. Р. * Основания и пределы субординации требований контролирующих должника лиц 92

Юсупова М. К. * Прекращение исполнительного производства: сравнительный анализ практики разных стран 97

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И ПРОЦЕСС

Котельникова А. А. * Уголовная ответственность за незаконную охоту 105

Князькова В. А. * Дискуссионные вопросы криминализации незаконного предпринимательства 111

Голубева Ю. Д. * Проблемы выявления, раскрытия и расследования преступлений, связанных с современным наркобизнесом 117

CONTENT:

POLITICS AND LAW

Dementyev M. D. * Innovations in the Public Procurement System: Transition to the GovTech Platform	10
Akhmerova D. I. * Transformation of the Balance of Power Concept in Modern International Relations Theory	14

HUMAN RIGHTS

Iskra O. S. * The Impact of Legal Regulation of Information Space on the Formation of Contemporary Society's Values	20
---	----

CONSTITUTIONAL (STATE) LAW

Kotsyuruba A. A. * Legal Positions of the Constitutional Court of the Russian Federation in the Mechanism for Ensuring the Constitutionality of Criminal Law Norms	26
--	----

CIVIL AND BUSINESS LAW

Kuznetsova M. L. * Civil Regulation of Liability of Individuals	32
Besprozvannykh M. G. * The Priority Right to Purchase a Share in the Authorized Capital of a Limited Liability Company: Legal Nature, Implementation and Judicial Practice	38
Grachevczova I. S. * Compensation for Harm Caused to Life and Health under the Legislation of Foreign Countries	43

LAW AND ECONOMICS

Reznikova A. V. * Cadastral Value as a Financial-Legal Basis for Calculating Rent for Publicly Owned Land Plots	47
---	----

JUSTICE AND JUDICIAL PRACTICE

Ryabova A. D. * Formation of an Advocate's Legal Position in Considering Complaints Against the Actions (Inaction) of an Insolvency Practitioner	60
Fomicheva M. V., Romanova N. V. * Procedural Gaps in Chapter 31 of the Code of Civil Procedure of the Russian Federation: Reverse Process of Restoring Capacity as a "Missing Link"	66
Ostapenko Ya. V. * The Civil Nature of the Contract for Technological Connection to Electric Networks as a Basis for Determining an Effective Method of Judicial Protection	76

ISSUES IN RUSSIAN LEGISLATION

Iksanov A. R. * Problems of Establishing the Status of a Person Controlling the Debtor in Bankruptcy Proceedings	85
Iksanov A. R. * Grounds and Limits of Subordination of Claims of Persons Controlling the Debtor	92
Yusupova M. K. * Termination of Enforcement Proceedings: A Comparative Analysis of Practices in Different Countries	97

CRIMINAL LAW AND PROCEDURE

Kotelnikova A. A. * Criminal Liability for Illegal Hunting	105
Knyazkova V. A. * Discussed Issues Regarding the Criminalization of Illegal Entrepreneurship ...	111
Golubeva Yu. D. * Challenges in Detecting, Solving, and Investigating Crimes Related to the Modern Drug Trade	117

Дата поступления рукописи в редакцию: 01.09.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 14.10.2026 г.

DOI: 10.24412/3034-4395-2026-4-10-13

ДЕМЕНТЬЕВ Михаил Дмитриевич,
магистрант, Российский государственный университет
правосудия имени В.М. Лебедева,
г. Хабаровск, Россия,
e-mail: vera.dementeva.2011@mail.ru

НОВШЕСТВА В СИСТЕМЕ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ЗАКУПОК: ПЕРЕХОД НА ПЛАТФОРМУ ГОСТЕХ

Аннотация. В статье рассматривается текущее положение в сфере технического обеспечения государственных закупок. В настоящее время стремительно развиваются информационные технологии, в том числе в сфере искусственного интеллекта, в связи с чем возникает необходимость модернизации существующих государственных информационных систем с целью обеспечения надлежащей защиты и оптимизации работы соответствующих систем. Преследуя данные цели, законодателем разработан порядок разработки и внедрения единой цифровой платформы ГосТех, которая должна отвечать современным технологическим требованиям, а также обеспечивать надлежащую защиту от киберугроз.

Ключевые слова: государственные информационные системы, единая информационная система, государственные закупки, единая цифровая платформа ГосТех, искусственный интеллект.

DEMENTYEV Mikhail Dmitrievich,
Master's student, Russian State University
of Justice named after V.M. Lebedev,
Khabarovsk, Russia

INNOVATIONS IN THE PUBLIC PROCUREMENT SYSTEM: TRANSITION TO THE GOVTECH PLATFORM

Annotation. The article examines the current state of affairs in the field of technical support for public procurement. Currently, information technologies are developing rapidly, including in the field of artificial intelligence, which creates the need to modernize existing state information systems in order to ensure proper protection and optimize the operation of the relevant systems. Pursuing these goals, the legislator has developed a procedure for the development and implementation of a unified digital platform, GovTech, which must meet modern technological requirements and also ensure proper protection against cyber threats.

Key words: state information systems, unified information system, public procurement, GOVTECH Unified Digital Platform, artificial intelligence.

Электронные торговые и информационные площадки способствуют поддержанию нормальной конкуренции на рынке государственных закупок и снижению коррупционных рисков. Первые электронные процедуры были введены законом от 21 июля 2005 года № 94. Перевод закупок в цифровую пло-

скость требовал наличия электронных площадок для осуществления таковых. В перечень первых федеральных электронных торговых площадок в 2010 году вошли восемь таких площадок, самыми известными из которых были «Единая электронная торговая площадка» (ныне называемая «Росэлторг»), «Сбер-

банк-АСТ», «РТС-Тендер». Данные торговые площадки и в настоящее время используются лицами для осуществления закупок. После принятия Федерального закона от 5 апреля 2013 года № 44-ФЗ была разработана и введена в эксплуатацию единая информационная система, ставшая обязательной для участников закупки при проведении электронных закупок.

Развитие данной системы продолжается и в настоящий момент. Однако в целях стабилизации работы единой информационной системы осуществляется подготовка к плановому переходу единой информационной системы на новую архитектуру. В соответствии с распоряжением правительства РФ от 21.10.2022 № 3102-р «Об утверждении Концепции создания и функционирования единой цифровой платформы Российской Федерации «ГосТех», плана мероприятий («дорожной карты») по созданию единой цифровой платформы Российской Федерации «ГосТех» (далее – Концепция) срок реализации указанного перехода рассчитан на период с 2024 по 2034 годы.

Первоначально данные работы проходили в рамках оценки защищенности и модернизации государственных информационных систем на основании постановления Правительства РФ от 13 мая 2022 года № 860 «О проведении эксперимента по повышению уровня защищенности государственных информационных систем федеральных органов исполнительной власти и подведомственных им учреждений». Позднее постановлением Правительства РФ от 24 марта 2023 года № 469 «О внесении изменений в постановление Правительства Российской Федерации от 13 мая 2022 г. N 860» (далее – постановление Правительства № 469) к целям реализации названного эксперимента добавлено создание единой цифровой платформы Российской Федерации «ГосТех».

Переход на новую платформу планировался к 2023 году. К этому времени планировалось завершить тестирование системы и устранение выявленных недочетов, однако, из-за технической сложности в соответствии с постановлением Правительства № 469 срок проведения тестовой апробации системы был перенесен на 2024 год, а после, как отмечала газета «Коммерсантъ» 4 апреля 2023 года неофициально был отложен на более длительный

период. Между тем, в Концепцию не вносились изменения относительно срока окончательного перехода государственных информационных систем на платформу «ГосТех» до 2034 года.

Следующей проблемой реализации проекта перехода на новую платформу стало несовершенство используемых при проектировании системы технологий. В частности, не была заложена возможность интеграции с системами искусственного интеллекта, а поскольку данная отрасль в настоящий момент развивается семимильными шагами и приносит значительный вклад в оптимизацию различных процессов, полный переход всех информационных систем, в том числе и единой информационной системы в сфере государственных закупок (далее – ЕИС), отложен на определенный срок. В данной связи ФКУ «ГосТех» разработана платформа ГосТех 2.0, которая лишена недостатков первоначальной модели, освещенных выше.

Существенный шаг на пути стабильной реализации проекта стало определение ПАО «Ростелеком» единственным исполнителем закупок работ, услуг, необходимых для создания, развития и эксплуатации государственных информационных систем на единой цифровой платформе Российской Федерации «ГосТех», а ООО «Единая цифровая платформа» единым оператором платформы «ГосТех» в соответствии с распоряжением Правительства РФ от 02.12.2025 № 3541-р. Срок реализации контрактов с указанными лицами ограничен 2027 годом. Таким образом, законодатель планирует завершить полный переход государственных информационных систем на платформу «ГосТех» к концу 2027 года и предпринимает действенные шаги в этом направлении.

Переход на новую платформу должен улучшить функционирование основных систем ЕИС - сократится время ожидания при различных запросах, повысится защищенность системы в целом. Так больше не будет необходимости выгружать каждый документ на компьютер, они будут открывать непосредственно в системе. При направлении документов через систему предусмотрено комплексное шифрование, которое делает невозможным расшифровку файла без ключа, хранящегося в центре обработки данных Федеральной налоговой

службы.

Переход на новую платформу, безусловно, выведет взаимодействие через единую информационную систему на новый уровень, дав большую оперативность действий и лучшую защищенность. Однако для использования новой системы потребуются более совершен-

ное техническое оснащение. В данной связи на первых этапах запуска системы количество трудностей у участников закупок и заказчиков только увеличится. В долгосрочной перспективе трудностей должно быть значительно меньше, в том числе в сравнении с действующей в настоящее время системой.

Список литературы:

[1] Стырин Е.М., Родионова Ю.Д. Единая информационная система в сфере закупок как государственная цифровая платформа: современное состояние и перспективы // Вопросы государственного и муниципального управления. 2020. №3. С.49-70.

[2] Постановление Правительства РФ от 13.05.2022 № 860 «О проведении эксперимента по повышению уровня защищенности государственных информационных систем федеральных органов исполнительной власти и подведомственных им учреждений» Постановление Правительства РФ от 16.12.2022 г. № 2338 «Об утверждении Положения о единой цифровой платформе Российской Федерации "ГосТех", о внесении изменений в постановление Правительства Российской Федерации от 6 июля 2015 г. N 676 и признании утратившим силу пункта 6 изменений, которые вносятся в требования к порядку создания, развития, ввода в эксплуатацию, эксплуатации и вывода из эксплуатации государственных информационных систем и дальнейшего хранения содержащейся в их базах данных информации, утвержденных постановлением Правительства Российской Федерации от 11 мая 2017 г. N 555» // СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_416932/92d969e26a4326c5d02fa79b8f9cf4994ee5633b/ (дата обращения: 18.09.2026).

[3] Распоряжение Правительства от 02.12.2025 № 3541-р «Об определении ПАО "Ростелеком" единственным исполнителем закупок работ, услуг, необходимых для создания, развития и эксплуатации государственных информационных систем на единой цифровой платформе Российской Федерации «ГосТех». // СПС КонсультантПлюс. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=EXP&n=885921> (дата обращения: 18.09.2026).

[4] Распоряжение Правительства РФ от 21.10.2022 г. № 3102-р «Об утверждении Концепции создания и функционирования единой цифровой платформы Российской Федерации "ГосТех" и плана мероприятий ("дорожной карты") по ее созданию» // СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_429719/ (дата обращения: 18.09.2026).

[5] Федеральный закон от 10.06.2026 № 166-ФЗ «О технологической платформе создания, развития и эксплуатации информационных систем» // СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_536484/ (дата обращения: 18.09.2026).

References:

[1] Styryn E.M., Rodionova Yu.D. The Unified Information System in the Sphere of Procurement as a State Digital Platform: Current State and Prospects // Public Administration Issues. 2020. No. 3. P. 49–70.

[2] Decree of the Government of the Russian Federation No. 860 dated May 13, 2022, "On Conducting an Experiment to Enhance the Security Level of State Information Systems of Federal Executive Bodies and Institutions Subordinate to Them"; Decree of the Government of the Russian Federation No. 2338 dated December 16, 2022, "On Approving the Regulation on the Unified Digital Platform of the Russian Federation 'GosTech,' on Amending Decree of the Government of the Russian Federation No. 676 dated July 6, 2015, and on Repealing Item 6 of the Amendments to the Requirements for the Procedure of Creation, Development, Commissioning, Operation, and Decommissioning of

State Information Systems and the Subsequent Storage of Information Contained in Their Databases, Approved by Decree of the Government of the Russian Federation No. 555 dated May 11, 2017" // ConsultantPlus Legal Reference System. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_416932/92d969e26a4326c5d02fa79b8f9cf4994ee5633b/ (accessed: September 18, 2026). [3] Government Directive No. 3541-r dated December 2, 2025, "On Designating PJSC Rostelecom as the Sole Contractor for the Procurement of Works and Services Required for the Creation, Development, and Operation of State Information Systems on the 'GosTech' Unified Digital Platform of the Russian Federation" // ConsultantPlus Legal Reference System. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=EXP&n=885921> (accessed: September 18, 2026).

[4] Directive of the Government of the Russian Federation No. 3102-r dated October 21, 2022, "On Approving the Concept for the Creation and Operation of the 'GosTech' Unified Digital Platform of the Russian Federation and the Action Plan ('Roadmap') for Its Creation" // ConsultantPlus Legal Reference System. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_429719/ (accessed: September 18, 2026).

[5] Federal Law No. 166-FZ dated June 10, 2026, "On the Technological Platform for the Creation, Development, and Operation of Information Systems" // ConsultantPlus Legal Reference System. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_536484/ (accessed: September 18, 2026).



Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

АХМЕРОВА Д.И.,
БРА2в-22-01 Востоковедение.
Международное публичное и деловое администрирование
Уфимский государственный нефтяной технический университет,
г. Уфа, Россия,
e-mail: dilaraahmerova23@gmail.com

Научный руководитель:
ЧЕКРЫЖОВ А.В.,
старший преподаватель кафедры международных отношений,
истории и востоковедения,
e-mail: mail@law-books.ru

ТРАНСФОРМАЦИЯ КОНЦЕПЦИИ БАЛАНСА СИЛ В СОВРЕМЕННОЙ ТЕОРИИ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Аннотация. В статье прослеживается, как в современной теории международных отношений меняется представление о балансе сил. Классическая идея сдерживания чрезмерной концентрации мощи по-прежнему помогает объяснять международную политику, но нынешние практики балансирования уже не сводятся к военной сфере. Технологическое соперничество, экономическая взаимозависимость, международные объединения и возрастание роли региональных держав делают связь между ресурсами и влиянием гораздо менее прямой. На этом фоне обсуждается спор об одно-, би- и многополярности. В итоге баланс сил все чаще понимается как подвижное сочетание возможностей, зависимостей и коалиционных связей.

Ключевые слова: баланс сил, теория международных отношений, реализм, неореализм, полярность, многополярность, стратегическая конкуренция, международный порядок.

AKHMEROVA D.I.,
BRA2v-22-01 Oriental Studies:
Public International and Business Administration
Ufa State Petroleum Technological University,
Ufa, Russia

Academic Supervisor:
CHEKRYZHOV A.V.,
Senior Lecturer, Department of International Relations,
History, and Oriental Studies

TRANSFORMATION OF THE BALANCE OF POWER CONCEPT IN MODERN INTERNATIONAL RELATIONS THEORY

Annotation. The article traces how the balance-of-power idea has changed in contemporary international relations theory. Classical balancing still matters, but present-day practice reaches far beyond military competition. Technological rivalry, economic interdependence, international groupings, and the growing role of regional powers all make the link between resources and influence more complex. In the debate over unipolarity, bipolarity, and multipolarity, balance now looks less like a fixed state and more like a shifting configuration of capabilities, dependencies, and coalition ties.

Key words: balance of power, international relations theory, realism, neorealism, polarity, multipolarity, strategic competition, international order.

Введение

Баланс сил относится к тем понятиям теории международных отношений, которые живут в научном языке дольше, чем исторические конфигурации, породившие их. Европейская система государств, концерт держав, биполярность холодной войны и период американского преобладания заметно отличались друг от друга, однако вопрос о том, как сдерживать чрезмерную концентрацию возможностей у одного центра силы, снова и снова возвращался в теоретические споры. Долговечность этой концепции объясняется не неизменностью международной среды, а тем, что проблема неравного распределения ресурсов и связанных с ним рисков остается устойчивой.

Современное распределение сил трудно описать одним показателем. Соперничество США и Китая затрагивает военную сферу, экономику и технологии, тогда как другие государства сохраняют заметное влияние в отдельных регионах и международных объединениях. При этом экономические связи и производственные цепочки соединяют даже тех участников, чьи политические интересы расходятся. В этих условиях вновь возникает вопрос о том, какие возможности государства следует учитывать при оценке баланса сил и как соотносить их с реальным влиянием на международные процессы.

Сегодня важно точнее понять, что именно означает баланс сил и насколько эта категория вообще помогает объяснять международную динамику, не сводясь при этом к универсальной метафоре. В статье ставится задача показать, как меняется сама концепция баланса сил в современной теории международных отношений. Для этого сопоставляются классическое и неореалистическое понимание балансирования, рассматривается сдвиг в составе ресурсов силы, разбирается спор о полярности и показывается, как экономические, технологические и институциональные инструменты перестраивают механизм уравнивания.

Реалистическое понимание баланса сил исходит из того, что над государствами нет политического центра, способного гарантировать их безопасность. Поэтому государства

сравнивают собственные возможности с возможностями других участников и реагируют на такое сосредоточение мощи, которое угрожает их автономии. У Г. Моргантау баланс сил одновременно обозначает фактическое распределение силы, принцип международной политики и практику, с помощью которой государства не дают одному участнику установить господство [3]. Многозначность понятия позволяет применять его к разным сторонам международной политики. Вместе с тем она требует каждый раз уточнять, о чем идет речь: о распределении возможностей, действиях государств или результате этих действий.

Неореализм сделал объяснение строже. К. Уолтц перенес внимание с мотивов отдельных правительств на устройство международной системы. В условиях анархии государства, которые хотят сохранить себя, получают системный толчок не допускать, чтобы соперник надолго вышел вперед; поэтому балансирование здесь понимается не как редкий дипломатический прием, а как повторяющийся результат взаимодействия самостоятельных единиц [4]. В таком понимании главное значение приобретает полярность - число ведущих центров, между которыми распределены основные возможности.

При этом даже внутри одной теоретической традиции смысл баланса сил не всегда одинаков. В. В. Миронов показывает это на примере дискуссии Г. Баттерфилда и М. Уайта: для первого баланс был основой осмысления международной политики, тогда как второй рассматривал его как один из элементов межгосударственного взаимодействия [5].

Изменился и сам предмет сравнения. Экономика создает основу для развития вооруженных сил и технологий, но объем производства еще не показывает, насколько быстро государство сможет использовать свои ресурсы в случае кризиса. Военный потенциал позволяет сдерживать противника, однако влияние на финансовые расчеты или технологические стандарты зависит от других возможностей. Даже численность населения приобретает политическое значение с учетом качества образования, производительности труда и работы государственных институтов. Поэтому оценка баланса сил требует учитывать не отдельный показатель, а способность

государства превратить имеющиеся ресурсы в результат.

Параллельно складывается подход, который считает вертикальную схему мирового порядка недостаточной. Б. Уомак говорит о «многоузловом» мире и поясняет, что современная взаимозависимость формирует несколько центров и сетей, где одно и то же государство в одной сфере может быть сильным, а в другой - зависимым [6]. Такая логика не убирает иерархию возможностей, но распределяет ее неравномерно по разным функциональным областям. Поэтому государство, которое не сопоставимо с крупнейшими державами по глобальной военной силе, все равно может иметь критически важный ресурс, региональное влияние или контроль над отдельным звеном производственной цепочки.

Различие между ресурсами и возможностью использовать их проявляется в споре о полярности. Дж. Линд относит современную систему к биполярной: по совокупности значимых возможностей США и Китай заметно превосходят остальных участников [1]. П. Ререн приходит к другому выводу, поскольку при определении полюсов отдает предпочтение уже созданному военному потенциалу, а экономические и демографические ресурсы рассматривает как основу для его возможного наращивания [2]. Разногласие связано с выбором критерия. Если оценивать широкий набор ресурсов, усиление Китая меняет картину распределения сил уже сейчас; если учитывать прежде всего возможности, пригодные для военного применения, вывод о смене полярности требует большей осторожности.

Сторонники тезиса о многополярности обращают внимание на самостоятельность нескольких центров принятия решений и изменения отношений между ними. Т. Виджая и К. Джаясурия [7] связывают новый многополярный порядок с более глубокими изменениями политико-экономических структур и интересов, а не просто с арифметическим ростом числа великих держав. При таком устройстве государства могут сотрудничать по одним вопросам и расходиться по другим.

И. Н. Бурганова предлагает описывать происходящие изменения через переход от баланса сил к балансу интересов. Она связывает его с усложнением международной системы

и растущей потребностью государств согласовывать позиции по общим проблемам [10]. Этот подход обращает внимание на ту часть международных отношений, которую трудно объяснить одним лишь сопоставлением ресурсов. Вместе с тем согласование интересов и балансирование решают разные задачи: участие в переговорах само по себе еще не означает стремления ограничить усиление другого государства.

Сопоставление этих подходов показывает, что каждый из них описывает свой уровень одной и той же реальности. Узкое понятие полярности отвечает на вопрос о том, как распределяются совокупные возможности между ведущими державами. Более широкое представление о полицентричности показывает, как между многими участниками делятся влияние, автономия и переговорная сила. Эти два уровня не следует смешивать. Военные возможности могут быть сосредоточены у немногих держав, тогда как экономическое и региональное влияние распределяется между более широким кругом государств.

Экономическая взаимозависимость меняет способы ограничения чужого влияния. Так, принятый в ЕС в 2024 г. акт о критически важном сырье предусматривает развитие собственной добычи, переработки и повторного использования материалов, а также диверсификацию поставок [11]. Эти меры вызваны риском зависимости от небольшого числа внешних поставщиков. В данном случае задача состоит в том, чтобы сохранить доступ к ресурсам, необходимым для промышленности и обороны, даже при ухудшении отношений с торговым партнером. Такой пример показывает, как снижение уязвимости становится частью политики поддержания баланса сил, хотя само по себе не меняет соотношения вооруженных сил.

Значение технологий особенно хорошо видно на примере полупроводников. В декабре 2024 г. США ужесточили экспортный контроль в отношении оборудования и технологий, применяемых при выпуске передовых микросхем в Китае. Американское ведомство прямо связывало эти ограничения с возможным использованием таких микросхем в современных вооружениях и системах искусственного интеллекта [12]. Одновременно

США направляли государственные средства на развитие собственного производства полупроводников [13]. Сочетание внешних ограничений и вложений в национальную промышленность показывает две стороны технологического соперничества: государство стремится затруднить наращивание возможностей конкурента и укрепить собственную производственную базу.

Международные организации дают государствам возможность согласовывать позиции, вырабатывать правила и искать партнеров. Связь таких институтов с балансом сил давно обсуждается в теории международных отношений. Х. Булл относил баланс сил к институтам международного общества наряду с дипломатией, международным правом и ролью великих держав [8]. Сегодня значение этих площадок особенно заметно там, где решение зависит от поддержки нескольких государств. Конкурирующие центры участвуют в действующих объединениях и одновременно развивают другие форматы сотрудничества. Их институциональное влияние следует оценивать по тому, какие возможности для совместных действий они получают.

Роль государств, которые не входят в число двух ведущих центров силы, наглядно проявляется в политике Индии. Она участвует и в БРИКС, и в формате Quad; индийский министр иностранных дел отмечал способность страны сочетать работу на этих площадках [14]. Такое участие нельзя автоматически считать балансированием против какой-либо одной державы: задачи объединений различаются. Однако оно дает Индии возможность выстраивать отношения с несколькими центрами силы и сохранять пространство для самостоятельных решений. Этот случай помогает уточнить роль крупных региональных держав: их влияние определяется также тем, как они используют связи с разными партнерами.

Региональный масштаб баланса сил рассматривает А. Вахшитех на примере Ближнего Востока. В центре его анализа находятся отношения государств региона между собой и с внешними участниками [9]. Этот ракурс важен для статьи: государство может не быть самостоятельным полюсом глобальной системы, но его решения влияют на состав партнерств и распределение возможностей в конкретном регионе. Поэтому глобальный и региональный уровни баланса сил следует различать.

Заключение

Баланс сил сохраняет значение для объяснения международных отношений, поскольку государства по-прежнему учитывают возможности друг друга и стремятся сохранить свободу собственных решений. Однако оценка этих возможностей уже не ограничивается военным потенциалом. Для понимания поведения государств приходится учитывать, от каких поставок и технологий они зависят, какие ресурсы способны развивать самостоятельно и на поддержку каких партнеров могут рассчитывать.

При этом расширение перечня ресурсов не должно размывать само понятие баланса сил. Экономическую, технологическую или коалиционную меру можно рассматривать как балансирование, когда она направлена на снижение уязвимости перед другим участником либо на ограничение его способности устанавливать условия взаимодействия. Именно эта цель связывает рассмотренные практики с классическим вопросом о предотвращении чрезмерной концентрации силы. Если же сотрудничество или торговая мера не имеют такой направленности, относить их к балансированию нет оснований. Такой критерий позволяет учитывать изменения международной политики, сохраняя различие между балансом сил и другими формами взаимодействия государств.

Список литературы:

- [1] Lind J. *Back to Bipolarity: How China's Rise Transformed the Balance of Power* // *International Security*. 2024. Vol. 49, No. 2. P. 7–55.
- [2] Røren P. *Unipolarity Is Not Over Yet* // *Global Studies Quarterly*. 2024. Vol. 4, No. 2. Article ksae018.
- [3] Morgenthau H. J. *Politics Among Nations: The Struggle for Power and Peace*. 7th ed. New

York: McGraw-Hill, 2006. 752 p.

[4] Waltz K. N. *Theory of International Politics*. Long Grove, IL: Waveland Press, 2010. 251 p.

[5] Миронов В. В. Баланс балансу рознь: две интерпретации одного концепта. Из истории формирования Английской школы международных отношений // Новая и новейшая история. 2022. № 1. С. 7-17.

[6] Womack B. *Strategic Principles for Co-existence in a Multinodal World* // *China International Strategy Review*. 2024. Vol. 6. P. 22–38.

[7] Wijaya T., Jayasuriya K. *A New Multipolar Order: Combined Development, State Forms and New Business Classes* // *International Affairs*. 2024. Vol. 100, No. 5. P. 2133–2152. DOI: 10.1093/ia/iaae135.

[8] Bull H. *The Anarchical Society: A Study of Order in World Politics*. 4th ed. London: Red Globe Press, 2012. 329 p.

[9] Вахшитов А. Баланс сил на Ближнем Востоке после украинского кризиса // Власть. 2024. Т. 32, № 2. С. 234–237.

[10] Бурганова И. Н. От баланса сил к балансу интересов: эволюция системы международных отношений // *Via in tempore*. История. Политология. 2026. Т. 53, № 2. С. 497–510.

[11] *The Critical Raw Materials Act* // Council of the European Union. – URL: <https://www.consilium.europa.eu/en/infographics/critical-raw-materials/> (дата обращения: 25.09.2026).

[12] *Commerce Strengthens Export Controls to Restrict China's Capability to Produce Advanced Semiconductors for Military Applications* // Bureau of Industry and Security. – URL: <https://www.bis.gov/press-release/commerce-strengthens-export-controls-restrict-chinas-capability-produce-advanced-semiconductors-military> (дата обращения: 25.09.2026).

[13] *Two Years Later: Funding from CHIPS and Science Act Creating Quality Jobs, Growing Local Economies, and Bringing Semiconductor Manufacturing Back to America* // U.S. Department of Commerce. – 2024. – URL: <https://www.commerce.gov/news/blog/2024/08/two-years-later-funding-chips-and-science-act-creating-quality-jobs-growing-local> (дата обращения: 25.09.2026).

[14] *Remarks by External Affairs Minister, Dr. S. Jaishankar, at Nani Palkhivala Memorial Lecture «India and the World»* // Ministry of External Affairs, Government of India. – 2025. – URL: https://www.mea.gov.in/Speeches-Statements?dtl/38925/Remarks_by_External_Affairs_Minister_Dr_S_Jaishankar_at_Nani_Palkhivala_Memorial_Lecture_India_and_the_World (дата обращения: 25.09.2026).

References:

[1] Lind J. *Back to Bipolarity: How China's Rise Transformed the Balance of Power* // *International Security*. 2024. Vol. 49, No. 2. P. 7–55.

[2] Røren P. *Unipolarity Is Not Over Yet* // *Global Studies Quarterly*. 2024. Vol. 4, No. 2. Article ksae018.

[3] Morgenthau H. J. *Politics Among Nations: The Struggle for Power and Peace*. 7th ed. New York: McGraw-Hill, 2006. 752 p.

[4] Waltz K. N. *Theory of International Politics*. Long Grove, IL: Waveland Press, 2010. 251 p.

[5] Mironov V. V. *Not All Balances Are Alike: Two Interpretations of a Single Concept. From the History of the Formation of the English School of International Relations* // *Modern and Contemporary History*. 2022. No. 1. P. 7–17.

[6] Womack B. *Strategic Principles for Co-existence in a Multinodal World* // *China International Strategy Review*. 2024. Vol. 6. P. 22–38.

[7] Wijaya T., Jayasuriya K. *A New Multipolar Order: Combined Development, State Forms and New Business Classes* // *International Affairs*. 2024. Vol. 100, No. 5. P. 2133–2152. DOI: 10.1093/ia/iaae135.

[8] Bull H. *The Anarchical Society: A Study of Order in World Politics*. 4th ed. London: Red Globe Press, 2012. 329 p.

[9] Vakhshiteh A. *Balance of Power in the Middle East After the Ukraine Crisis* // *Vlast*. 2024. Vol. 32, No. 2. P. 234–237.

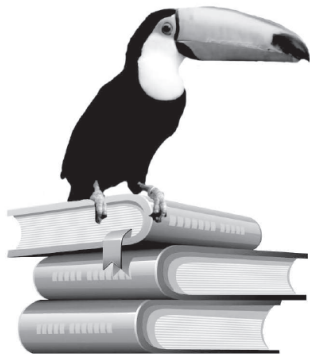
[10] Burganova I. N. *From Balance of Power to Balance of Interests: Evolution of the International Relations System* // *Via in tempore. History. Political Science*. 2026. Vol. 53, No. 2. P. 497–510.

[11] *The Critical Raw Materials Act* // Council of the European Union. – URL: <https://www.consilium.europa.eu/en/infographics/critical-raw-materials/> (accessed: 25.09.2026).

[12] *Commerce Strengthens Export Controls to Restrict China's Capability to Produce Advanced Semiconductors for Military Applications* // Bureau of Industry and Security. – URL: <https://www.bis.gov/press-release/commerce-strengthens-export-controls-restrict-chinas-capability-produce-advanced-semiconductors-military> (accessed: 25.09.2026).

[13] *Two Years Later: Funding from CHIPS and Science Act Creating Quality Jobs, Growing Local Economies, and Bringing Semiconductor Manufacturing Back to America* // U.S. Department of Commerce. – 2024. – URL: <https://www.commerce.gov/news/blog/2024/08/two-years-later-funding-chips-and-science-act-creating-quality-jobs-growing-local> (accessed: 25.09.2026).

[14] *Remarks by External Affairs Minister, Dr. S. Jaishankar, at Nani Palkhivala Memorial Lecture "India and the World"* // Ministry of External Affairs, Government of India. – 2025. – URL: https://www.mea.gov.in/Speeches-Statements?dtl/38925/Remarks_by_External_Affairs_Minister_Dr_S_Jaishankar_at_Nani_Palkhivala_Memorial_Lecture_India_and_the_World (accessed: 25.09.2026).



Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

ИСКРА Оксана Сергеевна,
ассистент кафедры права, факультета гуманитарных наук, экономики и права
ФГБОУ ВО Азовский государственный педагогический университет им. П. Д. Осипенко,
Россия, Запорожская область, г. Бердянск, ул. Шмидта 4,
e-mail: iskraocsana@yandex.ru

ВЛИЯНИЕ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ИНФОРМАЦИОННОГО ПРОСТРАНСТВА НА ФОРМИРОВАНИЕ ЦЕННОСТЕЙ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА

Аннотация. Статья посвящена анализу взаимосвязи между правовым регулированием информационного пространства и трансформацией ценностных ориентаций российского общества. Рассматривается нормативная база, начиная с Указа Президента РФ №809 о традиционных духовно-нравственных ценностях и заканчивая доктринальными подходами к информационному суверенитету. Автор исследует механизмы правового воздействия на цифровую среду, включая регулирование деструктивного контента, цифровых прав и вопросов информационной безопасности. Особое внимание уделено проблемам фрагментарности законодательства и его адаптации к темпам технологического развития. Новизна работы заключается в системном рассмотрении права не только как инструмента запрета, но и как механизма позитивного ценностного конструирования. Сделан вывод о необходимости комплексного подхода, объединяющего образовательные, технологические и собственно правовые меры защиты ценностного ядра общества.

Ключевые слова: правовое регулирование, информационное пространство, традиционные ценности, информационная безопасность, цифровой суверенитет, информационное право, деструктивный контент.

ISKRA Oksana Sergeevna,
Assistant at the Department of Law, Faculty of Humanities, Economics and Law
Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education Azov State Pedagogical
University named after P. D. Osipenko

THE IMPACT OF LEGAL REGULATION OF INFORMATION SPACE ON THE FORMATION OF CONTEMPORARY SOCIETY'S VALUES

Annotation. The article examines the relationship between legal regulation of the information space and the transformation of value orientations in Russian society. It analyzes the regulatory framework, from Presidential Decree No. 809 on traditional spiritual and moral values to doctrinal approaches to information sovereignty. The author explores mechanisms of legal influence on the digital environment, including regulation of destructive content, digital rights, and information security issues. Special attention is paid to the fragmentation of legislation and its adaptation to the pace of technological development. The novelty lies in a systemic view of law not merely as a prohibitive tool but as a mechanism of positive value construction. The conclusion emphasizes the need for a comprehensive approach combining educational, technological, and legal measures to protect society's value core.

Key words: legal regulation, information space, traditional values, information security, digital sovereignty, information law, destructive content.

Нормативные основания защиты ценностного ядра в цифровой среде

9 ноября 2022 года был подписан документ, определивший вектор государственной политики в информационной сфере на десятилетия вперед. Указ Президента РФ №809 закрепил перечень традиционных российских духовно-нравственных ценностей, к которым отнесены следующие категории:

- жизнь, достоинство, права и свободы человека;
- патриотизм, гражданственность, служение Отечеству и ответственность за его судьбу;
- крепкая семья и созидательный труд;
- приоритет духовного над материальным, гуманизм, милосердие и справедливость;
- историческая память и преемственность поколений, единство народов России [6].

Этот перечень не остался декларацией. Он стал отправной точкой для последующего законодательного развития, встроившись в логику Доктрины информационной безопасности и целого ряда подзаконных актов. Возникает вопрос: способно ли право, инструмент по своей природе формально-процедурный, действительно формировать ценностные установки миллионов людей, ежедневно взаимодействующих с цифровым контентом? Практика, впрочем, демонстрирует иное – правовая норма редко работает сама по себе, она встроена в систему институтов, от системы образования до платформенного модерирования.

Полякова и Троян, рассматривая обеспечение суверенитета в информационном пространстве как стратегическую задачу национальной политики, отмечают трансформацию общественных отношений и появление новых атак в информационной среде, требующих законодательного реагирования [8]. Речь идет не столько о точечных запретах отдельных ресурсов, сколько о выстраивании целостной архитектуры регулирования, охватывающей и технологический, и содержательный уровень информационного обмена.

Здесь стоит сделать оговорку: далеко не всякое правовое предписание автоматически меняет поведенческие паттерны аудитории. Законодательный запрет пропаганды деструк-

тивного контента, зафиксированный, в частности, применительно к социальным сетям и мессенджерам, работает эффективно лишь при наличии инфраструктуры выявления такого контента [9]. Цимбал, анализируя распространение деструктивной информации в цифровых каналах коммуникации, указывает на специфику отбора аудитории экстремистскими группами по возрасту, вероисповеданию, социальному положению и психологическим особенностям [9]. Получается своеобразный парадокс: закон формулирует запрет в общем виде, а правоприменение сталкивается с крайне дифференцированной, персонализированной практикой распространения нежелательного контента.

Мещерякова, обращаясь к вопросам правовой охраны традиционных ценностей в контексте духовно-нравственной и религиозной безопасности, фиксирует существование реальных угроз для развития российского общества, корни которых она связывает с навязываемой деструктивной идеологией извне [4]. Формулировка резкая, но она отражает вполне устойчивую тенденцию в отечественной юридической доктрине последних лет – рассматривать информационное пространство не как нейтральную технологическую среду, а как поле идеологического противостояния.

Механизмы правового воздействия: от запретительных норм к цифровому суверенитету

Картина здесь неоднородная. С одной стороны, законодатель выстраивает запретительные барьеры – от требований к маркировке контента до блокировки ресурсов, распространяющих информацию, вредную для развития детей. С другой стороны, все активнее развивается позитивное регулирование, направленное на создание условий для формирования собственного, суверенного информационного контента.

Концепция информационного суверенитета занимает в этой архитектуре центральное место. Батулин, Полякова, Минбалеев и другие авторы коллективной монографии связывают правовое обеспечение суверенитета с необходимостью кодификации разрозненного информационного законодательства, накопившего за десятилетия существенный объем

противоречий и пробелов [1]. Кодификация – задача не техническая, а содержательная: она требует согласования норм, принятых в разное время и исходивших из разных представлений о балансе между свободой информации и защитой общественных интересов.

Камалова, рассматривая вопросы правового обеспечения информационной безопасности в контексте развития цифровых сервисов, подчеркивает нарастающую сложность правового регулирования по мере распространения новых форматов взаимодействия пользователей с информацией [3]. Действительно, если десять лет назад основным объектом правового внимания были сайты и форумы, то сегодня регулятору приходится работать с алгоритмическими рекомендательными системами, формирующими персонализированную информационную повестку для каждого пользователя индивидуально. Возможно ли в принципе законодательно предписать, каким образом алгоритм должен ранжировать контент с точки зрения ценностной нейтральности? Однозначного ответа юридическая наука пока не предложила.

Отдельного внимания заслуживает институт цифровых прав. Дахаева, исследуя место цифровых прав в системе объектов гражданских прав, обращает внимание на незавершенность правового регулирования этой относительно новой категории в российском законодательстве [2]. Цифровые права – это не только имущественные конструкции наподобие токенов или криптоактивов, но и, в более широком смысле, права личности на информационное самоопределение, на защиту персональных данных, на доступ к достоверной информации. Именно через эту призму право приобретает ценностно-формирующую функцию: закрепляя определенный объем гарантий, оно тем самым транслирует представление о том, что считается социально приемлемым и защищаемым.

Заслуживает внимания и позиция Минбалеева, который связывает формирование экономики данных в условиях многополярного мира с проблемами правового обеспечения технологической самостоятельности [5]. Тезис не бесспорный – некоторые исследователи указывают на риск избыточной изоляции национального информационного простран-

ства при чрезмерном увлечении суверенизацией, что может ограничить доступ граждан к разнообразным источникам знаний и культурного опыта. Здесь, прямо скажем, все неоднозначно: суверенитет и открытость информационного пространства образуют не столько альтернативу, сколько сложное диалектическое единство, требующее постоянной калибровки правовых инструментов.

Полякова и Камалова, обращаясь к проблемам формирования правовой политики в сфере применения технологий искусственного интеллекта, отмечают необходимость выработки специальных механизмов, учитывающих специфику алгоритмического принятия решений [7]. Искусственный интеллект способен как усиливать существующие ценностные искажения – например, воспроизводя предвзятости, заложенные в обучающих данных, – так и служить инструментом продвижения выверенной, соответствующей национальным приоритетам информационной политики. Двойственность этой технологии ставит перед законодателем задачу, которая пока далека от окончательного решения.

Проблемы правоприменения и перспективы совершенствования законодательства

Фрагментарность – вот, пожалуй, ключевая характеристика современного информационного законодательства России. Чубукова, разрабатывая концепцию развития системы субъектов информационного права в условиях цифровой трансформации, указывает на необходимость пересмотра традиционных представлений о круге участников информационных правоотношений [10]. Действительно, если раньше субъектами регулирования выступали преимущественно операторы связи и средства массовой информации, то сегодня в этот круг входят владельцы социальных сетей, разработчики программного обеспечения, операторы больших данных и даже отдельные блогеры с многомиллионной аудиторией.

Можно заметить, что законодатель реагирует на новые вызовы преимущественно точно, принимая отдельные федеральные законы под конкретные технологические явления – от регулирования деятельности агре-

гаторов информации до требований к маркировке рекламы у блогеров. На практике это нередко проявляется в том, что нормы принимаются с определенным временным лагом относительно момента возникновения проблемы, а к моменту вступления в силу технологическая реальность уже успевает измениться.

Один принципиальный момент здесь необходимо выделить особо.

Правовое регулирование информационного пространства работает эффективно лишь в связке с несколькими сопутствующими институтами – без этой связки закон рискует остаться формальной декларацией. Речь идет не столько о самой норме, сколько о совокупности условий ее реализации:

- наличие технической инфраструктуры мониторинга и выявления запрещенного контента;
- достаточная квалификация правоприменителей, способных работать на стыке юридических и технологических компетенций;
- система образовательных программ, формирующих у населения навыки критического восприятия информации;
- международное взаимодействие в части трансграничного характера большинства информационных угроз.

Последний пункт особенно проблематичен, поскольку интернет-среда изначально устроена трансграничным образом, а юрисдикция национального законодателя, естественно, ограничена территорией государства. Отдельные исследователи, обращаясь к нормативным основам регулирования информационной сферы, фиксируют несоответствие ряда действующих актов современным темпам развития информационно-коммуникационных технологий, что затрудняет правоприменение и усложняет нормативный массив в целом. Эта проблема, впрочем, характерна не только для России – аналогичные сложности переживает практически любая национальная правовая система, пытающаяся регулировать глобальную по своей природе цифровую среду.

Что касается перспектив, здесь напрашивается несколько направлений развития. Во-первых, продолжение работы над кодификацией информационного законодательства,

о необходимости которой писали Батурин, Полякова и Минбалеев [1]. Во-вторых, углубление регулирования искусственного интеллекта с учетом его возрастающей роли в формировании персонализированной информационной среды [7]. В-третьих – и это, возможно, наиболее дискуссионный аспект темы – выработка баланса между защитой традиционных ценностей и сохранением плюрализма мнений, без которого само понятие открытого общества теряет смысл.

Данные по эффективности отдельных правовых мер пока недостаточны для однозначных выводов – мониторинговые исследования правоприменительной практики в этой сфере ведутся фрагментарно, а методология оценки воздействия конкретных норм на реальные ценностные установки граждан находится на стадии становления. Это, разумеется, не означает бесполезности самого регулирования, но требует определенной сдержанности в оценках его немедленной результативности.

Заключение

Правовое регулирование информационного пространства выступает сегодня одним из ключевых механизмов воздействия на систему ценностей российского общества, действуя одновременно в двух логиках – запретительной, направленной на ограничение деструктивного контента, и созидательной, ориентированной на укрепление традиционных духовно-нравственных ориентиров, закреплённых Указом №809 [6]. Анализ доктринальных подходов, представленных в работах Поляковой, Троян, Камаловой, Минбалеева и других исследователей, показывает, что законодатель постепенно движется от разрозненных точечных норм к более системному видению информационного суверенитета [8, 3, 5].

Практическая значимость подобного системного взгляда состоит в возможности выстраивания более согласованной государственной политики, объединяющей усилия различных ведомств – от Роскомнадзора до профильных министерств образования и культуры. Фрагментарность законодательства, на которую указывают Чубукова и другие авторы, остается серьезным барьером на пути к такой согласованности [10].

Дальнейшие исследования, вероятно,

должны сосредоточиться на эмпирической оценке реального воздействия конкретных правовых норм на ценностные установки различных социальных групп, прежде всего молодежи как наиболее вовлеченной в цифровую среду категории населения. Без такой

эмпирической базы дискуссия о правовом регулировании информационного пространства рискует оставаться преимущественно нормативной, оторванной от фактических социальных эффектов принимаемых решений.

Список литературы:

[1] Батури́н Ю.М., Полякова Т.А., Минбале́ев А.В. [и др.] *Правовое обеспечение суверенитета и кодификация информационного законодательства: монография*. М.: Институт государства и права РАН, 2024. // CyberLeninka. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovye-aspekty-informatsionnoy-bezopasnosti-gosudarstva-teoreticheskie-problemy-i-perspektivy-razvitiya> (дата обращения: 21.07.2026).

[2] Дахаева З.И. *Цифровые права в системе объектов гражданских прав: проблемы правового регулирования в Российской Федерации* // Экономика и управление: проблемы, решения. 2025. // Elibrary. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=82517198> (дата обращения: 21.07.2026).

[3] Камалова Г.Г. *Вопросы правового обеспечения информационной безопасности в контексте развития цифровых сервисов* // Информационное право. 2022. № 4 (74). // Правовое государство: теория и практика. URL: <https://pravgos.ru/index.php/journal/article/view/1368> (дата обращения: 21.07.2026).

[4] Мецерыкова А.Ф. *Правовая охрана и защита традиционных ценностей в контексте обеспечения духовно-нравственной и религиозной безопасности* // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2025. № 2 (70). С. 39-44.

[5] Минбале́ев А.В. *Формирование экономики данных в России в условиях многополярного мира: проблемы правового обеспечения* // Экономика и управление. 2023. Т. 29. № 8. С. 956-963.

[6] *Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей: Указ Президента РФ от 09.11.2022 № 809*. // СПС Гарант. URL: <https://base.garant.ru/405679061/> (дата обращения: 21.07.2026).

[7] Полякова Т.А., Камалова Г.Г. *Проблемы формирования правовой политики в сфере применения технологии искусственного интеллекта* // Правовая политика и правовая жизнь. 2023. № 1. С. 28-36.

[8] Полякова Т.А., Троян Н.А. *Обеспечение суверенитета в информационном пространстве – стратегическая задача национальной политики* // Правовая политика и правовая жизнь. 2024. № 1. С. 41-53.

[9] Цимбал В.Н. *Анализ деструктивной информации в социальных сетях и мессенджерах* // Вестник Московского университета МВД России. 2022. № 4. С. 269-274.

[10] Чубукова С. Г. *Концепция развития системы субъектов информационного права в условиях цифровой трансформации* // Право и государство: теория и практика. 2024. № 9 (237). С. 134-137.

References:

[1] Baturin Yu.M., Polyakova T.A., Minbaleev A.V. [et al.] *Legal Support for Sovereignty and the Codification of Information Legislation: A Monograph*. Moscow: Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, 2024. // CyberLeninka. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovye-aspekty-informatsionnoy-bezopasnosti-gosudarstva-teoreticheskie-problemy-i-perspektivy-razvitiya> (accessed: July 21, 2026).

[2] Dakhaeva Z.I. *Digital Rights within the System of Objects of Civil Rights: Issues of Legal Regulation in the Russian Federation* // Economics and Management: Problems and Solutions. 2025. // Elibrary. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=82517198> (accessed: July 21, 2026).

[3] Kamalova G.G. *Issues of Legal Support for Information Security in the Context of Digital Service Development* // *Information Law*. 2022. No. 4 (74). // *The Rule-of-Law State: Theory and Practice*. URL: <https://pravgos.ru/index.php/journal/article/view/1368> (accessed: July 21, 2026).

[4] Meshcheryakova A.F. *Legal Safeguarding and Protection of Traditional Values in the Context of Ensuring Spiritual-Moral and Religious Security* // *Legal Science and Practice: Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Russian Interior Ministry*. 2025. No. 2 (70). Pp. 39–44.

[5] Minbaleev A.V. *Formation of the Data Economy in Russia Amidst a Multipolar World: Issues of Legal Support* // *Economics and Management*. 2023. Vol. 29. No. 8. Pp. 956–963.

[6] *On Approval of the Fundamentals of State Policy for the Preservation and Strengthening of Traditional Russian Spiritual and Moral Values: Decree of the President of the Russian Federation No. 809 dated November 9, 2022.* // *Garant Legal Reference System*. URL: <https://base.garant.ru/405679061/> (accessed: July 21, 2026).

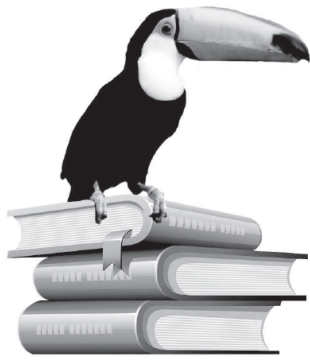
[7] Polyakova T.A., Kamalova G.G. *Issues of formulating legal policy regarding the application of artificial intelligence technology* // *Legal Policy and Legal Life*. 2023. No. 1. Pp. 28–36.

[8] Polyakova T.A., Troyan N.A. *Ensuring sovereignty in the information space: a strategic task of national policy* // *Legal Policy and Legal Life*. 2024. No. 1. Pp. 41–53.

[9] Tsimbal V.N. *Analysis of destructive information on social networks and instant messaging apps* // *Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2022. No. 4. Pp. 269–274.

[10] Chubukova S.G. *Concept for the development of the system of information law subjects amidst digital transformation* // *Law and State: Theory and Practice*. 2024. No. 9 (237). Pp. 134–137.





ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

КОНСТИТУЦИОННОЕ (ГОСУДАРСТВЕННОЕ) ПРАВО

Дата поступления рукописи в редакцию: 07.09.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 14.10.2026 г.

DOI: 10.24412/3034-4395-2026-4-26-31

КОЦЮРУБА А. А.,
магистрант 3 курса,
Крымского филиала ФГБОУВО «РГУП имени В.М. Лебедева»,
г. Симферополь, Россия,
e-mail: a.merginyava@mail.ru

Научный руководитель:
РУБЛЕВ А. Г.,
кандидат юридических наук,
доцент кафедры государственно-правовых дисциплин,
Крымского филиала ФГБОУВО «РГУП им. В.М. Лебедева»,
г. Симферополь, Россия,
e-mail: mail@law-books.ru

ПРАВОВЫЕ ПОЗИЦИИ КС РФ В МЕХАНИЗМЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ КОНСТИТУЦИОННОСТИ УГОЛОВНО-ПРАВОВЫХ НОРМ

Аннотация. В статье рассмотрено значение правовых позиций Конституционного Суда РФ для обеспечения применения и толкования уголовно-правовых норм. Это позволяет ликвидировать возникающие противоречия в законодательной и правоприменительной деятельности, обеспечить установленные Конституцией РФ гарантии реализации прав и свобод личности в уголовно-правовых отношениях, реализовать задачи уголовного законодательства, не выходя за конституционные рамки. В статье показаны способы реализации Конституционным Судом РФ конституционализации уголовного права.

Ключевые слова: уголовное право, Конституционный Суд РФ, преступление, наказание, Конституция РФ, законность, уголовно-правовая норма.

KOTSYURUBA A. A.,
3rd year master's student
Crimean Branch of Federation State Educational Institution
of Higher Education «Russian State University of Justice
named after V.M. Lebedev», Simferopol, Russia

Academic Supervisor:
RUBLEV A. G.,
Candidate of Law, Associate Professor of the Department of State and Legal Disciplines
Crimean Branch of Federation State Educational Institution
of Higher Education «Russian State University of Justice
named after V.M. Lebedev», Simferopol, Russia

LEGAL POSITIONS OF THE CONSTITUTIONAL COURT OF THE RUSSIAN FEDERATION IN THE MECHANISM FOR ENSURING THE CONSTITUTIONALITY OF CRIMINAL LAW NORMS

Annotation. *The article examines the importance of the legal positions of the Constitutional Court of the Russian Federation for ensuring the application and interpretation of criminal law norms. This helps eliminate emerging contradictions in legislative and law enforcement activities, ensure the guarantees established by the Constitution of the Russian Federation for the exercise of individual rights and freedoms in criminal law, and implement the objectives of criminal law without exceeding the constitutional framework. The article demonstrates the methods by which the Constitutional Court of the Russian Federation implements the constitutionalization of criminal law.*

Key words: *criminal law, Constitutional Court of the Russian Federation, crime, punishment, Constitution of the Russian Federation, legality, criminal law norm.*

Уголовный Кодекс Российской Федерации [1] (далее – УК РФ) является единственным нормативным правовым актом, который содержит нормы, определяющие деяния в качестве преступления. Основанием уголовной ответственности является совершение деяния, содержащего все признаки состава преступления, предусмотренного УК РФ. Поэтому материальной основой уголовного судопроизводства является уголовное законодательство.

Сфера уголовного права и процесса в наибольшей степени затрагивает права и свободы человека и гражданина, поэтому является особенно чувствительной к малейшему отступлению от конституционно-правовых гарантий. Уголовное право и уголовное законодательство можно признать качественным и эффективным только при условии полного соответствия фундаментальным идеям, принципам, положениям Конституции Российской Федерации [2].

Нормы Конституции РФ наполнены не только юридическим, но и политическим, идеологическим, ценностным содержанием, оказывая влияние на правовую культуру и правосознание. Для того, чтобы конституционные положения не остались декларативными, они должны воплощаться в отраслевых правовых актах, приобретая при этом силу регулятивного воздействия на общественные отношения. Воплощение конституционных норм в отраслевом законодательстве уточняет конституционные нормы, исходя из специфики отрасли, наполняя при этом соответствующую отрасль права духом Основного закона. Как отмечает В.В. Ершов, «конкретизация права характеризуется его развитием – детализацией, уточнением и т.д. уполномоченными органами и лицами» [3].

Заклучение о соответствии уголовно-пра-

вовых норм, закрепленных в УК РФ и подлежащих правоприменению, может дать только Конституционный Суд РФ (далее – КС РФ) в рамках реализации его основной функции конституционного контроля в соответствии с Федеральным конституционным законом от 21.07.1994 № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации» [4].

Причем до 2020 г. КС был ограничен правом осуществлять только последующий конституционный контроль, проверяя соответствие положений уголовного законодательства по жалобам граждан, разрешение дел которых основывалось на оспариваемых уголовных нормах, и по запросам судов при правоприменении соответствующей нормы. Такое ограничение конституционного контроля связано с презумпцией конституционности и добросовестности законодательного органа, принимающего уголовно-правовые нормы, т.е. уголовно-правовое положение при его принятии считается соответствующим Конституции РФ.

Предварительный конституционный контроль заключается в праве органа конституционного контроля проверять правовые положения на соответствие Конституции на этапе законопроекта.

Федеральным конституционным законом от 09.11.2020 № 5-ФКЗ было установлено, что «по запросу Президента Российской Федерации проверяет конституционность проектов федеральных законов до их подписания Президентом Российской Федерации» [5].

По поводу такого решения О.С. Гузеева, отмечает, что «с одной стороны, оно создает дополнительные и важные гарантии конституционной законности, подчеркивает конституционную роль Президента РФ в качестве «гаранта Конституции». С другой стороны, оно «втягивает» и Президента, и Конститу-

ционный Суд в законодательный процесс, что создает новую конфигурацию воплощения принципа разделения властей; и кроме того, корректирует представления о самом Конституционном Суде РФ как органе правосудия, рассматривающим споры о Конституции РФ» [6].

Предварительный конституционный контроль предполагает деятельность КС РФ, который определяет конституционный смысл проверяемой уголовно-правовой нормы, дает толкование Конституции РФ в рамках данной проверки, что переносится на другие схожие дела, рассмотренные в прошлом и в будущем. Выявленное конституционно-правовое наполнение положения уголовного права приобретает правоустановительную ценность, что делает правовые позиции КС РФ, путеводителем для законотворчества и правоприменения.

В этом заключается значение правовых позиций КС РФ для обеспечения соответствия уголовного права Конституции РФ. Принимая их по поводу уже разработанных законопроектов или действующих законов, ориентирует законодателя в отношении будущих уголовно-правовых положений, развивает конституционное понимание, способность давать конституционную оценку действующим уголовно-правовым нормам, не выступавшим предметом проверки в порядке конституционного судопроизводства.

Правовые позиции КС РФ вносят в правовое поле и юридическую доктрину сведения, которые обязательны к восприятию, исполнению и согласованию с законодательной и правоприменительной деятельностью [7].

По мнению А.В. Елинского, конституционализация уголовного права связана «с выполнением конкретных решений, принятых Конституционным Судом РФ и обеспечением соответствия УК РФ общим требованиям, которые в этих решениях сформулированы» [8].

Если КС РФ находит в содержании или применении положения уголовного закона несоответствия с конституционными нормами, их следует ликвидировать. С одной стороны, устранение происходит на уровне законодательства, с другой стороны, последующая правоприменительная практика должна учитывать правовую позицию КС РФ по поводу

смысла и содержания соответствующей нормы. В отдельных случаях, КС приходилось неоднократно выносить правовые позиции по аналогичному вопросу. Так, КС, давая толкование действовавшей ранее ст. 188 УК РФ в 2008 г., разъяснил особенности применения данной нормы к определению суммы денежных средств, перемещаемых через государственную границу [9]. Однако два года спустя КС РФ пришлось давать аналогичное разъяснение в отношении исчисления стоимости контрабандных товаров [10].

Суды вправе обратиться в КС за разъяснением о соответствии нормы уголовного права Конституции РФ, однако такие обращения встречаются редко. С одной стороны, это может свидетельствовать о высокой степени соответствия уголовного закона конституционным положениям. С другой стороны, выявление подобных неопределенностей подразумевает высочайший уровень профессионального правосознания судей. По этому поводу В.И. Крусс дал очень образное пояснение: «судье недостаточно быть «только» юридически грамотным и добросовестным лицом в механизме публичной власти. Ему требуется достоверная конституционно-правовая образованность, основанием которой выступают не дидактические познания в области законодательства, а нечто иное и гораздо большее: та степень интеллектуально-нравственной причастности к философии права и конституционализма, без которых судья заведомо не сможет – при выработке и принятии своих правосудных решений – руководствоваться буквой и духом национальной конституции как акта прямого действия, актами и положениями международного права прав человека, которые затрагивает его акт правосудия» [11].

Результатом конституционного контроля является мотивированное решение, обладающее высшей юридической силой. Последствием признания норм уголовного права не соответствующим Конституции РФ является утрата их силы, неисполнение и пересмотр принятых на их основе судебных актов.

Тем самым, КС, вынося постановление о соответствии или несоответствии положения уголовного законодательства Конституции РФ, или разъясняя его смысл и содержание, ссылаясь на принятые ранее правовые пози-

ции, обеспечивает соответствие уголовного права Конституции РФ.

Необходимо отметить, что большая часть решений, принятых КС РФ, не связана с признанием уголовно-правовой нормы полностью соответствующей или несоответствующей положениям Конституции РФ. Такая четкость существенно облегчает понимание и применение правовой позиции. В основном КС РФ в своих решениях определяет конституционный смысл нормы уголовного закона в том понимании, которое придает ей правоприменитель. К примеру, в одном из решений КС постановил «признать положения статьи 159.4 УК РФ соответствующими Конституции РФ в той мере, в какой эти положения имеют целью отграничение уголовно наказуемых деяний от собственно предпринимательской деятельности, исключение возможности разрешения гражданско-правовых споров посредством уголовного преследования, создание механизма защиты добросовестных предпринимателей от необоснованного привлечения к уголовной ответственности. Признать положения статьи 159.4 УК РФ не соответствующими Конституции РФ, в той мере, в какой эти положения устанавливают за мошенничество, сопряженное с преднамеренным неисполнением договорных обязательств в сфере предпринимательской деятельности, если оно совершено в особо крупном размере, несоразмерное его общественной опасности наказание» [12]. В другом решении КС постановил «признать статью 212.1 УК РФ не противоречащей Конституции РФ», но данные судом обширные разъяснения из шести пунктов не дают правоприменителям использовать ее

положения непосредственно [13].

Принятие подобных решений не предполагают правовых последствий в виде исключения уголовно-правового положения из законодательства. Но такие разъяснения наполняют уголовное законодательство конституционным смыслом, содержанием, что требует от судов обаятельного учета при рассмотрении дел, основанных на разъясняемом уголовно-правовом положении. Тем самым происходит переориентация и переход правоприменительной деятельности на более конституционный путь. Это имеет не менее важное значение, чем исключение из правового поля неконституционной нормы уголовного закона [14].

Таким образом, только КС наделен правом давать обязательные к исполнению правовые позиции о конституционности положений уголовного законодательства. КС при этом не только оценивает содержание и место нормы уголовного закона в системе права, но и сложившуюся правоприменительную практику. Следовательно, предметом анализа КС РФ становится, как законодательная, так и правоприменительная деятельность. Обеспечение КС соответствия уголовного права Конституции РФ производится двумя способами. Первый связан с исключением неконституционной нормы из уголовного законодательства или возложением обязанности на законодателя внести в нее необходимые изменения. Второй способ связан с разъяснением конституционного содержания нормы, что отражается на ее понимании законодателем, судами и, соответственно, на последующей законодательной и правоприменительной деятельности.

Список литературы:

- [1] Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 17.11.2025) // Собрание законодательства РФ, 1996, № 25, ст. 2954.
- [2] Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ, от 14.03.2020 № 1-ФКЗ, от 04.10.2022 № 5-ФКЗ, от 04.10.2022 № 6-ФКЗ, от 04.10.2022 № 7-ФКЗ, от 04.10.2022 № 8-ФКЗ) // <http://pravo.gov.ru>, 06.10.2022.
- [3] Ершов В.В. Правовое и индивидуальное регулирование общественных отношений: монография. – М.: РГУП, 2022. – С. 327.
- [4] Федеральный конституционный закон от 21.07.1994 № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации» (ред. от 31.07.2023) // Собрание законодательства РФ, 1994, №

13, ст. 1447.

[5] Федеральный конституционный закон от 09.11.2020 № 5-ФКЗ «О внесении изменений в Федеральный конституционный закон «О Конституционном Суде Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ, 2020, № 46, ст. 7196.

[6] Гузеева О.С. Системообразующие конституционные основы уголовного права России и механизмы их реализации: дис. ... докт. юрид. наук. – М., 2022. – С. 41.

[7] Соловьев О.Г., Князьков А.А. Решения Конституционного Суда РФ как специфический источник уголовного права // Вестник Ивановского государственного университета. 2024. № 1. С. 119.

[8] Елинский А.В. Некоторые направления конституционализации российского уголовного законодательства с точки зрения разработки проекта нового Уголовного кодекса // Юридический мир. 2012. № 4. С. 36.

[9] Постановление Конституционного Суда РФ от 27.05.2008 № 8-П «По делу о проверке конституционности положения части первой статьи 188 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки М.А. Асламазян» // Собрание законодательства РФ, 2008, № 24, ст. 2892.

[10] Постановление Конституционного Суда РФ от 13.07.2010 № 15-П «По делу о проверке конституционности положений части первой статьи 188 Уголовного кодекса Российской Федерации, части 4 статьи 4.5, части 1 статьи 16.2 и части 2 статьи 27.11 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с жалобами граждан В.В. Баталова, Л.Н. Валовой, З.Я. Ганиевой, О.А. Красной и И.В. Эпова» // Собрание законодательства РФ, 2010, № 29, ст. 3983.

[11] Крусс В.И. Конституционная судебная дискреция в механизме конституционализации правовой системы России // Российская юстиция. 2012. № 9. С. 40.

[12] Постановление Конституционного Суда РФ от 11.12.2014 № 32-П "По делу о проверке конституционности положений статьи 159.4 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с запросом Салехардского городского суда Ямало-Ненецкого автономного округа" // Собрание законодательства РФ, 2014, № 52 (часть I), ст. 7784.

[13] Постановление Конституционного Суда РФ от 10.02.2017 № 2-П "По делу о проверке конституционности положений статьи 212.1 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина И.И. Дадина" // Собрание законодательства РФ, 2017, № 9, ст. 1422.

[14] Чукин Д.С. Правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации как вектор уголовной политики: справедливость, толкование уголовного закона и судебское усмотрение // Правовая среда в современной России: проблемы и перспективы развития (сборн. статей конф.). – Саратов, 2024. С. 154.

References:

[1] Criminal Code of the Russian Federation No. 63-FZ dated June 13, 1996 (as amended on November 17, 2025) // Collection of Legislation of the Russian Federation, 1996, No. 25, Art. 2954.

[2] Constitution of the Russian Federation (adopted by nationwide vote on December 12, 1993) (incorporating amendments introduced by Laws of the Russian Federation on Amendments to the Constitution of the Russian Federation No. 6-FKZ dated December 30, 2008; No. 7-FKZ dated December 30, 2008; No. 2-FKZ dated February 5, 2014; No. 11-FKZ dated July 21, 2014; No. 1-FKZ dated March 14, 2020; No. 5-FKZ dated October 4, 2022; No. 6-FKZ dated October 4, 2022; No. 7-FKZ dated October 4, 2022; No. 8-FKZ dated October 4, 2022) // <http://pravo.gov.ru>, October 6, 2022.

[3] Ershov V.V. Legal and Individual Regulation of Social Relations: A Monograph. – Moscow: RGUP, 2022. – P. 327.

[4] Federal Constitutional Law No. 1-FKZ of July 21, 1994, "On the Constitutional Court of

the Russian Federation" (as amended on July 31, 2023) // *Collection of Legislation of the Russian Federation*, 1994, No. 13, Art. 1447.

[5] Federal Constitutional Law No. 5-FKZ of November 9, 2020, "On Amendments to the Federal Constitutional Law 'On the Constitutional Court of the Russian Federation'" // *Collection of Legislation of the Russian Federation*, 2020, No. 46, Art. 7196.

[6] Guzeeva O.S. *System-forming constitutional foundations of Russian criminal law and mechanisms for their implementation: Doctoral dissertation (Law)*. – Moscow, 2022. – P. 41.

[7] Solovyev O.G., Knyazkov A.A. *Decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation as a specific source of criminal law* // *Bulletin of Ivanovo State University*. 2024. No. 1. P. 119.

[8] Elinsky A.V. *Some directions of the constitutionalization of Russian criminal legislation from the perspective of drafting a new Criminal Code* // *Legal World (Yuridicheskiy Mir)*. 2012. No. 4. P. 36.

[9] Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation No. 8-P of May 27, 2008, "On the case concerning the review of the constitutionality of the provision of Part 1 of Article 188 of the Criminal Code of the Russian Federation in connection with the complaint of citizen M.A. Aslamazyan" // *Collected Legislation of the Russian Federation*, 2008, No. 24, Item 2892.

[10] Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation No. 15-P dated July 13, 2010, "On the case concerning the review of the constitutionality of the provisions of Part 1 of Article 188 of the Criminal Code of the Russian Federation, Part 4 of Article 4.5, Part 1 of Article 16.2, and Part 2 of Article 27.11 of the Code of the Russian Federation on Administrative Offenses in connection with complaints from citizens V.V. Batalov, L.N. Valueva, Z.Ya. Ganieva, O.A. Krasnaya, and I.V. Epov" // *Collected Legislation of the Russian Federation*, 2010, No. 29, Item 3983.

[11] Kruss V.I. *Constitutional judicial discretion in the mechanism of the constitutionalization of Russia's legal system* // *Rossiyskaya Yustitsiya [Russian Justice]*. 2012. No. 9. P. 40.

[12] Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation No. 32-P dated December 11, 2014, "On the case concerning the review of the constitutionality of the provisions of Article 159.4 of the Criminal Code of the Russian Federation in connection with a request from the Salekhard City Court of the Yamalo-Nenets Autonomous Okrug" // *Collected Legislation of the Russian Federation*, 2014, No. 52 (Part I), Item... 7784.

[13] Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation No. 2-P dated February 10, 2017, "On the Case Concerning the Review of the Constitutionality of the Provisions of Article 212.1 of the Criminal Code of the Russian Federation in Connection with the Complaint of Citizen I.I. Dadin" // **Collection of Legislation of the Russian Federation**, 2017, No. 9, Item 1422.

[14] Chukin D.S. *Legal Positions of the Constitutional Court of the Russian Federation as a Vector of Criminal Policy: Justice, Interpretation of Criminal Law, and Judicial Discretion* // **The Legal Environment in Modern Russia: Problems and Prospects for Development** (Conference Proceedings). – Saratov, 2024, p. 154.



ГРАЖДАНСКОЕ И ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ ПРАВО

Дата поступления рукописи в редакцию: 02.09.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 14.10.2026 г.

DOI: 10.24412/3034-4395-2026-4-32-37

КУЗНЕЦОВА Марина Леонидовна,
магистрант,
e-mail: marinakuznetsova16031987@gmail.com

ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ФИЗИЧЕСКИХ ЛИЦ

Аннотация. В статье осуществляется комплексный анализ гражданско-правового регулирования ответственности физических лиц в Российской Федерации с учетом современных тенденций развития частного права, судебной практики и научной доктрины. Обосновывается, что гражданско-правовая ответственность физических лиц выступает ключевым инструментом восстановления нарушенных прав и обеспечения баланса интересов участников гражданского оборота. Раскрываются теоретические основы института ответственности, включая ее признаки, условия наступления и функции, а также анализируется соотношение договорной и внедоговорной ответственности. Особое внимание уделяется вопросам компенсации морального вреда, ответственности без вины, а также особенностям привлечения к ответственности несовершеннолетних и иных лиц с ограниченной дееспособностью.

В работе исследуются актуальные проблемы правоприменения, в том числе отсутствие единообразия в определении размера компенсации морального вреда, сложности доказывания причинной связи и вины, а также недостаточная адаптация действующего законодательства к условиям цифровизации общественных отношений. На основе анализа статистических данных и судебной практики выявляются тенденции роста числа дел, связанных с гражданско-правовой ответственностью физических лиц, включая процедуры банкротства граждан. Делается вывод о трансформации института ответственности в сторону усиления компенсационной и реабилитационной функций.

В заключение формулируются предложения по совершенствованию законодательства, направленные на повышение правовой определенности, унификацию судебных подходов и развитие регулирования ответственности в цифровой среде. Результаты исследования обладают теоретической и практической значимостью и могут быть использованы в научной и правоприменительной деятельности.

Ключевые слова: гражданско-правовая ответственность, физические лица, возмещение вреда, убытки, моральный вред, гражданский оборот, судебная практика, цифровизация права.

KUZNETSOVA Marina Leonidovna,
Master's student

CIVIL REGULATION OF LIABILITY OF INDIVIDUALS

Annotation. This article provides a comprehensive analysis of the civil law regulation of personal liability in the Russian Federation, taking into account current trends in private law, judicial practice, and scientific doctrine. It is argued that personal civil liability is a key instrument for restoring violated rights and balancing the interests of participants in civil transactions. The

theoretical foundations of liability, including its characteristics, conditions for occurrence, and functions, are revealed, and the relationship between contractual and non-contractual liability is analyzed. Particular attention is paid to compensation for moral damages, liability without fault, and the specifics of holding minors and other persons with limited legal capacity liable.

The paper examines current issues of law enforcement, including the lack of uniformity in determining the amount of compensation for moral damages, the difficulty of proving causation and fault, and the insufficient adaptation of current legislation to the digitalization of social relations. Based on an analysis of statistical data and judicial practice, trends in the growth of cases related to civil liability of individuals, including bankruptcy proceedings, are identified. A conclusion is reached regarding the transformation of the institution of liability toward strengthening compensatory and rehabilitative functions.

In conclusion, proposals are formulated for improving legislation aimed at increasing legal certainty, unifying judicial approaches, and developing liability regulation in the digital environment. The results of the study have theoretical and practical significance and can be used in research and law enforcement activities.

Key words: *civil liability, individuals, compensation for damages, losses, moral damages, civil turnover, judicial practice, digitalization of law.*

Введение. Актуальность исследования обусловлена тем, что гражданско-правовая ответственность физических лиц в Российской Федерации выступает одним из базовых механизмов обеспечения устойчивости частноправового оборота, восстановления нарушенных имущественных и личных неимущественных прав, а также поддержания баланса между свободой осуществления субъективных гражданских прав и недопустимостью причинения вреда другим лицам. Современное значение данной проблематики усиливается вследствие усложнения структуры гражданских правоотношений, расширения сферы потребительских, цифровых, семейно-имущественных, деликтных и обязательственных связей, в которых именно физическое лицо все чаще выступает самостоятельным носителем риска, обязанностей и мер имущественного воздействия. Актуальность темы подтверждается и современной судебной практикой, в которой продолжают уточняться пределы компенсации вреда, критерии доказывания, соотношение вины и риска, а также содержание восстановительной функции гражданской ответственности.

Цель исследования состоит в формировании целостного научного представления о гражданско-правовом регулировании ответственности физических лиц в Российской Федерации, выявлении особенностей ее нормативной конструкции, оснований возникновения, условий реализации и тенденций раз-

вития в современной правоприменительной практике.

Теоретическая значимость исследования заключается в возможности углубления научного понимания гражданско-правовой ответственности физических лиц как многокомпонентного правового явления, сочетающего компенсационное, восстановительное, предупредительное и в отдельных случаях штрафное начала.

Практическая значимость состоит в том, что полученные выводы могут быть использованы при подготовке научных работ, в преподавании гражданского права, в разработке правоприменительных рекомендаций, а также при аргументации правовой позиции по спорам о взыскании убытков, возмещении имущественного вреда, компенсации морального вреда и защите иных гражданских прав.

Степень разработанности темы следует оценить как высокую, однако не завершенную. Общетеоретические основы гражданско-правовой ответственности были заложены в трудах таких выдающихся ученых, как О. С. Иоффе, М. М. Агарков, С. Н. Братусь, а в последующем получили развитие в работах С. С. Алексеева, Е. А. Суханова, М. И. Брагинского, В. В. Витрянского, Ю. К. Толстого, А. П. Сергеева, Л. Ю. Михеевой, П. В. Крашенинникова, А. Г. Карапетова, а также ряда современных исследователей, анализирующих функции, виды и пределы гражданско-правовой ответственности в условиях трансформа-

ции гражданского оборота.

Методы исследования. Методы исследования определяются межотраслевым и комплексным характером рассматриваемой темы. Основным является формально-юридический метод, позволяющий раскрыть содержание норм Конституции РФ и Гражданского кодекса РФ (далее ГК РФ), регулирующих основания и пределы ответственности физических лиц. Системно-структурный метод дает возможность рассмотреть гражданско-правовую ответственность как внутренне упорядоченный институт, включающий общие положения об обязательствах, специальные нормы о возмещении вреда, правила о компенсации морального вреда, а также нормы о защите отдельных нематериальных благ. Сравнительно-правовой метод используется для разграничения договорной и внедоговорной ответственности, ответственности, основанной на вине, и ответственности, возникающей независимо от вины в специально установленных законом случаях.

Результаты исследования. Гражданско-правовое регулирование ответственности физических лиц в Российской Федерации представляет собой один из центральных институтов частного права, поскольку именно через него обеспечиваются восстановление нарушенной имущественной сферы потерпевшего, защита нематериальных благ, перераспределение рисков и поддержание устойчивости гражданского оборота. В российской модели данный институт строится не как средство наказания, а как способ восстановления правового и имущественного равновесия, нарушенного противоправным поведением должника или причинителя вреда. Поэтому базовое значение имеют положения ГК РФ о полном возмещении убытков, о презумпции вины должника, о генеральном деликте, о специальной ответственности за вред, причиненный несовершеннолетними, источником повышенной опасности, государственными органами, а также нормы о компенсации морального вреда и о банкротстве гражданина как особой форме реализации имущественной ответственности. Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» дополняет эту систему, переводя проблему частной задолженности из

двустороннего конфликта в коллективную судебную процедуру, где одновременно учитываются интересы должника, кредиторов и публичного порядка.

Содержательно гражданско-правовая ответственность физического лица в современном российском праве раскрывается через совокупность нескольких взаимосвязанных элементов. Классическая конструкция предполагает наличие противоправности поведения, вреда или убытков, причинной связи между поведением и наступившим неблагоприятным результатом, а также вины причинителя. При этом законодательство исходит из сочетания общего правила о вине и системы исключений, когда обязанность по возмещению возникает независимо от субъективного отношения причинителя к последствиям. Именно поэтому статья 15 ГК РФ закрепляет принцип полного возмещения убытков, статья 401 ГК РФ устанавливает презумпцию вины должника, а статья 1064 ГК РФ формулирует общее правило о возмещении вреда лицом, его причинившим. В научной литературе последних лет подчеркивается, что эта модель остается устойчивой, но одновременно испытывает давление новых социальных и технологических реалий: расширяется значение рискованной ответственности, усиливается функциональная роль добросовестности, а в деликтной сфере все заметнее становится вопрос о границах компенсации чисто экономических потерь, не связанных с повреждением жизни, здоровья или вещи. Именно поэтому современные исследователи характеризуют состояние российского деликтного права как стадию доктринальной перенастройки при сохранении базовой конструкции генерального деликта.

Особенность ответственности физических лиц состоит в том, что один и тот же субъект может выступать и должником по договору, и непосредственным причинителем внедоговорного вреда, и носителем специальных обязанностей, вытекающих из его возраста, семейного положения, владения источником повышенной опасности или участия в цифровой коммуникации. В обязательственных отношениях между гражданами практическое значение имеет прежде всего правило о том, что нарушивший обязательство отвечает при

наличии вины, пока не докажет обратное. В деликтных отношениях действует более жесткая логика охраны абсолютных благ: вред жизни, здоровью, имуществу или нематериальным благам презюмируется как подлежащий возмещению, если причинитель не докажет основания освобождения.

Наиболее показателен пример дорожно-транспортного происшествия. Если гражданин нарушил правила дорожного движения и причинил другому лицу телесные повреждения, он может одновременно нести уголовную или административную ответственность публично-правового характера и самостоятельную гражданско-правовую обязанность возместить расходы на лечение, утраченный заработок, иной имущественный вред и моральный вред. Верховный Суд РФ последовательно исходит из того, что публично-правовая реакция государства не заменяет частноправовую компенсацию, а вред, причиненный источником повышенной опасности, в предусмотренных законом случаях подлежит возмещению независимо от вины владельца. В 2025 году Верховный Суд РФ также подтверждал, что ответственность за вред, причиненный источником повышенной опасности, несут лица, противоправно завладевшие таким источником, а в спорах по обязательному страхованию продолжил развивать подходы к защите потерпевшего-физического лица [1, с. 70].

Самостоятельный и весьма сложный блок регулирования связан с ответственностью лиц, не обладающих полной дееспособностью. Российское гражданское законодательство выстраивает здесь многоуровневую модель, в которой учитываются возраст причинителя вреда, наличие у него дохода или имущества, а также фактическая возможность контроля за его поведением со стороны родителей, усыновителей, опекунов или организации, осуществлявшей надзор. Малолетние по общему правилу не несут самостоятельной имущественной ответственности; вред за них возмещают законные представители либо соответствующая организация при наличии предусмотренных законом условий. Несовершеннолетние в возрасте от четырнадцати до восемнадцати лет отвечают самостоятельно, однако при недостаточности их имущества

недостающая часть возлагается на родителей, если те не докажут отсутствие своей вины. Такая конструкция показывает, что российское право исходит не из формального наказания несовершеннолетнего, а из идеи распределенной охранительной обязанности, соединяющей личный элемент поведения и семейно-правовой элемент надзора. Современная научная литература обращает внимание на то, что в этой части назрела потребность в более точном разграничении ответственности самого подростка и ответственности лиц, обязанных по воспитанию и надзору, особенно когда вред причиняется в цифровой среде или с использованием имущества высокой опасности [2, с. 16].

Особое место в системе гражданско-правовой ответственности физических лиц занимает компенсация морального вреда. В отличие от возмещения имущественных потерь, здесь объектом защиты выступают физические и нравственные страдания, причиненные нарушением личных неимущественных прав, посягательством на нематериальные блага или в предусмотренных законом случаях нарушением имущественных прав. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15 ноября 2022 года № 33 придало этой сфере более стройный характер: были систематизированы основания компенсации, критерии определения размера, процессуальные особенности и отдельные случаи возложения обязанности по компенсации. Для современной практики принципиально важно, что суд не должен превращать такую компенсацию в символическую сумму, не связанную с реальной тяжестью страданий, но и не вправе назначать ее произвольно, без учета индивидуальных особенностей потерпевшего, характера нарушения, степени вины и требований разумности и справедливости. Конституционный Суд РФ в 2025 году дополнительно подтвердил значимость этого способа защиты: в постановлении № 24-П он указал, что обязанность по выплате присужденной компенсации морального вреда может переходить к наследникам причинителя в пределах стоимости перешедшего имущества, а в постановлении № 26-П затронул связь между нормами о компенсации морального вреда и ответственностью государства за вред, причиненный публичной властью. Эти

позиции усиливают понимание морального вреда не как второстепенного приложения к имущественному иску, а как полноценной меры гражданско-правовой ответственности [3, с. 46].

Практика последних лет показывает, что развитие гражданско-правовой ответственности физических лиц идет сразу по нескольким направлениям.

Первое направление связано с расширением сфер, где действует ответственность независимо от вины, либо где ослабляется значение субъективного элемента в пользу модели распределения риска.

Второе направление связано с усилением судебной индивидуализации. Формально одинаковые составы деликта могут приводить к разным последствиям для разных причинителей и потерпевших, поскольку суд все чаще учитывает характер жизненной ситуации, длительность страданий, степень социальной уязвимости потерпевшего, имущественное положение сторон и добросовестность их поведения после нарушения.

Третье направление связано с переносом части деликтных конфликтов в информационную среду: распространение сведений, затрагивающих честь, достоинство, частную жизнь и репутацию, уже давно не исчерпывается традиционными спорами со средствами массовой информации, а все чаще касается поведения обычных граждан в социальных сетях, мессенджерах и иных цифровых сервисах. Научная литература 2024–2025 годов прямо фиксирует эту тенденцию, указывая на расширение понимания противоправности деликта и на необходимость приспособления классических конструкций к цифровому общению и к вреду, причиняемому новыми технологиями, включая системы искусственного интеллекта [4, с. 113].

Показательной статистической иллюстрацией трансформации имущественной ответственности физических лиц является институт банкротства граждан. По данным Федресурса, в 2025 году количество судебных банкротств физических лиц и индивидуальных предпринимателей достигло 568 тысяч, что на 31,5% больше, чем в 2024 году; число сообщений о введении реализации имущества гражданина выросло с 431 857 в 2024 году

до 567 997 в 2025 году. При этом количество утвержденных планов реструктуризации долгов увеличилось в 2025 году до 3 129 случаев против 1 365 годом ранее, то есть более чем в два раза, а количество внесудебных процедур достигло 68,3 тысячи. Эти цифры важны не сами по себе, а как индикатор качественного сдвига: гражданско-правовая ответственность физического лица все чаще реализуется не в форме единичного иска одного кредитора к одному должнику, а в коллективной реабилитационно-распределительной процедуре, где ключевыми становятся категории добросовестности, соразмерности, пределов имущественного иммунитета и освобождения от оставшихся обязательств. Следовательно, современное российское право все отчетливее связывает ответственность гражданина не только с обязанностью компенсировать причиненный ущерб, но и с возможностью легального выхода из долговой несостоятельности при соблюдении установленных законом условий.

К числу основных проблем действующего регулирования относится, во-первых, отсутствие в законодательстве единой развернутой легальной дефиниции гражданско-правовой ответственности, из-за чего в правоприменении смешиваются санкция, обязанность возместить вред, мера защиты и форма государственного принуждения. Во-вторых, сохраняется несоразмерность между декларацией полного возмещения вреда и фактической судебной практикой, особенно в части морального вреда: диапазон присуждаемых сумм часто зависит не столько от единых критериев, сколько от региональной и судебной традиции.

Пути решения указанных проблем видятся в нескольких направлениях. Прежде всего необходима дальнейшая доктринальная и, возможно, законодательная конкретизация общего понятия гражданско-правовой ответственности физического лица, чтобы четче разграничить ее с иными мерами гражданско-правового воздействия. Далее требуется развитие более прозрачных и верифицируемых ориентиров для определения размера компенсации морального вреда, не в форме жестких тарифов, а в виде судебных стандартов, учитывающих вид посягательства,

длительность и интенсивность страданий, уязвимость потерпевшего и постделиктное поведение причинителя. Отдельное направление связано с обновлением деликтного законодательства применительно к цифровой среде: целесообразно точнее регламентировать условия ответственности за распространение сведений в сети Интернет, за автоматизированные решения и за вред, причиненный использованием интеллектуальных систем [5, с. 81].

Заключение. Гражданско-правовое регулирование ответственности физических лиц в Российской Федерации представляет собой сложную, многоуровневую и динамично

развивающуюся систему, направленную на восстановление нарушенных прав, компенсацию причиненного имущественного и нематериального вреда, а также на обеспечение устойчивости гражданского оборота. Проведенный анализ показывает, что современная модель ответственности физического лица строится на сочетании классических цивилистических начал, к числу которых относятся противоправность, вред, причинная связь и вина, с более современными правовыми конструкциями, основанными на перераспределении риска, усилении компенсаторной функции и расширении сферы судебной защиты личности.

Список литературы:

- [1] Безгодова П.А. Гражданско-правовая ответственность за неисполнение или ненадлежащее исполнение договорного обязательства / П.А. Безгодова // Молодой ученый. – 2025. – № 10 (561). – С. 68–71.
- [2] Богданов Е.В. Фактор сроков в гражданском праве России: влияние на реализацию ответственности / Е.В. Богданов // Гражданское право. – 2025. – № 4. – С. 15–22.
- [3] Миронова Е.А. Гражданско-правовой статус физических лиц в условиях цифровизации / Е.А. Миронова // Актуальные проблемы российского права. – 2025. – № 3. – С. 45–52.
- [4] Монастырский Е.Е. Компенсация как форма гражданско-правовой ответственности: проблемы теории и практики / Е.Е. Монастырский // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. – 2025. – Т. 29. – № 2. – С. 112–120.
- [5] Новикова Л.В. Освобождение от гражданско-правовой ответственности: современные подходы и судебная практика / Л.В. Новикова // Юридическая практика. – 2025. – № 4. – С. 78–84.

References:

- [1] Bezgodova P.A. Civil liability for non-performance or improper performance of a contractual obligation / P.A. Bezgodova // Young Scientist. – 2025. – No. 10 (561). – P. 68–71.
- [2] Bogdanov E.V. The factor of time limits in Russian civil law: impact on the enforcement of liability / E.V. Bogdanov // Civil Law. – 2025. – No. 4. – P. 15–22.
- [3] Mironova E.A. Civil law status of natural persons in the context of digitalization / E.A. Mironova // Topical Issues of Russian Law. – 2025. – No. 3. – P. 45–52.
- [4] Monastyrsky E.E. Compensation as a form of civil liability: theoretical and practical issues / E.E. Monastyrsky // Bulletin of Peoples' Friendship University of Russia. Series: Legal Sciences. – 2025. – Vol. 29. – No. 2. – P. 112–120.
- [5] Novikova L.V. Exemption from civil liability: modern approaches and judicial practice / L.V. Novikova // Legal Practice. – 2025. – No. 4. – P. 78–84.



БЕСПРОЗВАННЫХ Мария Гарриевна,
студент образовательного частного учреждения высшего образования
«Международный юридический институт», г. Москва,
e-mail: mail@law-books.ru

Научный руководитель:
КИКАВЕЦ Виталий Викторович,
доктор юридических наук, доцент,
профессор кафедры гражданского права
и процесса образовательного частного
учреждения высшего образования
«Международный юридический институт», г. Москва,
e-mail: mail@law-books.ru

ПРЕИМУЩЕСТВЕННОЕ ПРАВО ПРИОБРЕТЕНИЯ ДОЛИ В УСТАВНОМ КАПИТАЛЕ ОБЩЕСТВА С ОГРАНИЧЕННОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТЬЮ: ПРАВОВАЯ ПРИРОДА, РЕАЛИЗАЦИЯ И СУДЕБНАЯ ПРАКТИКА

Аннотация. В статье рассматривается преимущественное право приобретения доли в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью как механизм защиты интересов участников. Анализируются правовая природа данного права, особенности его реализации, а также роль нотариального контроля и существующая судебная практика. Внимание обращено на необходимость сохранения стабильности состава участников, предотвращение снижения корпоративного влияния и нарушение баланса интересов.

Ключевые слова: преимущественное право приобретения доли, общество с ограниченной ответственностью, уставный капитал, корпоративные отношения, защита участников, судебная практика.

BESPROZVANNYKH Maria Garrievna,
Student at the International Law Institute
(Private Educational Institution of Higher Education), Moscow

Academic Supervisor:
KIKAVETS Vitaly Viktorovich,
Doctor of Law, Associate Professor, Professor at the Department
of Civil Law and Civil Procedure, International Law Institute
(Private Educational Institution of Higher Education), Moscow

THE PRIORITY RIGHT TO PURCHASE A SHARE IN THE AUTHORIZED CAPITAL OF A LIMITED LIABILITY COMPANY: LEGAL NATURE, IMPLEMENTATION AND JUDICIAL PRACTICE

Annotation. The article examines the priority right to acquire a share in the authorized capital of a limited liability company as a mechanism for protecting the interests of its participants. The legal nature of this right, the specifics of its implementation, as well as the role of notarial control and the existing judicial practice are analysed. Attention is drawn to the need to maintain the stability of the composition of participants, to prevent a decline in corporate influence, and to avoid disrupting the balance of interests.

Key words: *preemptive right to acquire a share, limited liability company, authorized capital, corporate relations, protection of participants, judicial practice.*

Устойчивость отношений как внутри организации, так и за ее пределами в значительной степени определяется эффективностью действующих в ней механизмов защиты прав ее участников. В качестве одного из таких механизмов можно определить преимущественное право приобретения доли в уставном капитале компании. Данное право позволяет сохранить текущее положение участника в случае нежелательного изменения состава общества.

Важную роль реализация такого механизма играет в обществах с ограниченной ответственностью, поскольку участие в них предполагает определённый и ограниченный круг лиц. Возможность осуществления контроля за входом в общество новых участников способствует формированию устойчивости корпоративных связей, а также позволяет предотвратить возможную передачу доли тем лицам, которые могут оказать отрицательное влияние на деятельность всего общества.

Следовательно, преимущественное право – это не только гарантия сохранности имущества, но и средство, позволяющее сохранить устойчивость корпоративной структуры общества. Его основная цель заключается в недопущении уменьшения долей участия, а также снижения степени влияния участников и нарушения баланса корпоративных интересов.

Преимущественное право заключается в предоставлении участникам общества возможности приобретения в приоритетном порядке отчуждаемой доли до того, как она будет предложена третьим лицам. При этом главная функция преимущественного права заключается в предотвращении перехода доли к нежелательному приобретателю.

Сохранение доли участия и влияния в обществе с ограниченной ответственностью составляет экономико-правовое значение преимущественного права. В случае, если наблюдается изменение структуры общества без сохранения гарантий, то это отражается на снижении корпоративного контроля. Приоритетным направлением применения преимущественного права выступает защита прав

участников с небольшой долей участия, т.к. именно это право позволяет им сохранить своё положение при изменении структуры капитала.

В обществах с ограниченной ответственностью преимущественное право выполняет также организационную функцию, обеспечивая стабильность состава участников. Одной из его особенностей является безусловный характер, т.е. право возникает непосредственно в силу закона и не зависит от дополнительного закрепления в уставе. При этом устав общества может устанавливать особенности его осуществления в случае, если это допускается законодательством.

При возникновении желания продать свою долю другому лицу, он в первую очередь должен самостоятельно принять решение о том, чтобы предложить ее другим участникам общества при сохранении текущих условий, а в случае отказа последних от предложения, либо после окончания срока ожидания ответа, возможна передача доли другому лицу. Следовательно, преимущественное право здесь выступает непосредственно в качестве обязательного элемента защиты корпоративных прав участников общества.

Однако, возникновение преимущественного права общества с ограниченной ответственностью возможно только при наличии соответствующего положения в уставе, что формирует тем самым диспозитивный характер данного права. Закрепление в уставе позволяет осуществлять дополнительный контроль за изменениями в структуре общества.

Другим механизмом обеспечения установленного порядка выступает официальное закрепление необходимости осуществления нотариального удостоверения сделки по отчуждению доли в обществе. Нотариус в данном случае выступает лицом, который подтверждает или опровергает соблюдение факта предложения доли другим участникам общества, а также наличие и правильного оформления документов об отказе участников общества от реализации своего преимущественного права или отказа от него [2].

Удостоверение нотариусом факта отказа

участника от покупки доли в обществе является официальным подтверждением его волеизъявления, а также способствует снижению вероятности возникновения споров. С целью подтверждения факта соблюдения подобных процедур могут быть также применены заверения о данных обстоятельствах.

В целом можно говорить о том, что несмотря на обязательность реализации участниками преимущественного права, она должна осуществляться в добровольном порядке, т.е. участник общества должен в самостоятельном порядке определять нуждается ли он в приобретении определенной доли общества или же отказаться от ее покупки.

Реализация данного права сопровождается соблюдением общих правил об оферте и акцепте, т.е. согласие должно быть полным и безусловным, а изменение стоимости акций или любых других условий сделанного предложения не выступает в качестве акцепта - ее рассмотрение осуществляется как новая оферта. Таким образом, можно говорить о том, что преимущественное право приобретения доли включает в себя одновременно и элементы обязательного регулирования и свободы участников общества, обеспечивая при этом баланс между защитой корпоративных интересов и принципом свободы договора.

Тем не менее в судебной практике все чаще возникают спорные ситуации, которые в большинстве своем связаны с избеганием установленных гарантий, неверным толкованием содержания данного института, а также злоупотреблением корпоративными инструментами [1].

При разрешении таких споров суды учитывают необходимость соблюдения баланса между защитой стабильности состава участников общества и принципом свободы гражданского оборота. Поэтому оценивается не только формальное соответствие сделки законодательству, но и её реальное экономическое содержание, цели сторон и наличие признаков недобросовестности.

Одной из распространённых проблем является ошибочное понимание сферы действия преимущественного права. Участники нередко считают, что оно применяется при любом отчуждении доли третьим лицам, однако законодатель связывает его реализацию

преимущественно с возмездными сделками, в частности с куплей-продажей.

В связи с этим преимущественное право не распространяется автоматически на безвозмездные сделки, например дарение. Такой подход направлен на сохранение баланса между защитой участников и правом распоряжаться принадлежащей долей. Так, в деле № А41-75625/2023 Арбитражного суда Московской области рассматривался спор о дарении 3% доли в уставном капитале общества между участником и его сыном. Истец требовал признать сделку недействительной, ссылаясь на нарушение преимущественного права участников [3]. Суд отказал в удовлетворении требований, указав, что дарение является безвозмездной сделкой и преимущественное право покупки к нему не применяется. Кроме того, устав общества не предусматривал необходимости получения согласия участников на такую передачу доли. Своим решением суд подтвердил, что применение преимущественного права возможно только в тех случаях, которые предусмотрены законом.

Тем не менее, в судебной практике часто встречается ситуация, когда непосредственное оформление и нотариальное заверение сделки, например, в форме дарения, иногда предусматривает необходимость защиты преимущественного права. В том случае, когда подобная сделка фактически прикрывает возмездное отчуждение, то суды изучают её содержание.

Во внимание принимаются как наличие денежных расчётов, так и наличие связи между сторонами, наличие или отсутствие корпоративного конфликта, а также отсутствие обоснования передачи доли с экономической точки зрения и ряд других возможных обстоятельств. В качестве примера, можно привести дело № А32-21729/2022, которое было рассмотрено 15-м Арбитражным апелляционным судом [5]. Судом было установлено, что договор дарения доли имел скрытые мотивы, т.е. фактически прикрывалась сделка купли-продажи, что определялось тем, что между участниками сделки имелось встречное представление в размере 1,6 млн рублей, при этом основания для безвозмездной передачи доли отсутствовали. По мнению суда, подобные сделки направлены непосредственно на обход пре-

имущественного права других участников и должны быть признаны недействительными. Подобное заключение суда свидетельствует о том, что судебная защита направлена не только на проверку формы сделки, но также и на предотвращение злоупотреблений преимущественным правом.

В качестве другой группы возникающих споров можно выделить реализацию преимущественного права на условиях, которые существенным образом отличаются от тех, что были предложены продавцом. В данном случае суд оперирует положением о том, что акцепт должен быть полным и безусловным. В случае, когда участник общества осуществляет изменение цены, размера реализуемой доли, а также любые другие существенные условия, то подобное заявление нельзя считать реализацией преимущественного права. Оно должно рассматриваться строго, как и новая оферта. Например, в деле №А40-165658/2021 Арбитражного суда города Москвы участник общества изъявил желание купить долю, но при этом выдвинул предложение об изменении условий сделки. Рассматривая данное дело, суд отметил на невозможность реализации подобного предложения, поскольку оно не является акцептом и не обязывает продавца доли заключать договор на этих условиях [6]. Все это говорит о том, что продавец, при соблюдении установленной процедуры, обладает правом осуществить передачу доли третьему лицу, а преимущественное право не может быть применено в качестве основания с целью принуждения к заключению подобной сделки.

Также важное значение имеют споры, связанные с отказом от реализации преимущественного права. Например, изучив дело №А49-11399/2021 Арбитражный суд Поволжского округа суд определил факт того, что формально оформленные отказы применялись с целью осуществления передачи доли общества третьему лицу, нанеся при этом ущерб интересам как самого общества, так и его участникам [4]. Исходя из рассмотрения дела, суд пришёл к выводу, что строгое соблюдение процедуры не может исключать оценки добросовестности поведения обеих сторон, но в случае, если факт злоупотребления правом будет установлен, сделка будет признана

недействительной.

В целом, проведенный анализ судебной практики позволяет сформировать конкретные методики действий для решения возникающих споров в области преимущественного права. Суды в большинстве своем ограничено толкуют преимущественное право, связывая его с возмездным отчуждением долей. При этом особое внимание придается юридической форме сделки и ее содержанию, а основной акцент сделан на недопущении случаев заключения фиктивных сделок, обхода требований законодательства, а также нарушении прав и законных интересов участников обществ. При этом судами не допускается использование преимущественного права в качестве инструмента, способного ограничить свободу распоряжения участниками своими долями.

Таким образом, несмотря на эффективность существующего механизма преимущественного права приобретения доли, судебная практика все чаще сталкивается с рядом проблем, связанных с попытками участников обойти установленный порядок отчуждения доли. С этой целью используются альтернативные способы передачи доли, например, оформление возмездных сделок в форме безвозмездных, а также применение корпоративных механизмов с целью ограничения прав других участников общества.

Поэтому дальнейшее развитие судебных подходов к осуществлению оценки добросовестности участников корпоративных отношений в настоящее время становится весьма актуальным. На наш взгляд, при рассмотрении подобных споров следует принимать во внимание не только формальное соблюдение процедуры отчуждения доли, но и главную цель заключения данной сделки, а также выявлять факты злоупотребления этим правом и нарушение баланса интересов участников общества.

Главным направлением совершенствования правового регулирования преимущественного права должно стать обеспечение большей определённости порядка его реализации, снижение риска обхода установленных гарантий и повышение эффективности защиты участников общества.

Таким образом, преимущественное пра-

во приобретения доли в ООО представляет собой основной механизм защиты корпоративных интересов, который сочетает в себе законодательные гарантии, нотариальный контроль и судебную защиту, а его эффек-

тивная реализация способствует сохранению стабильности состава участников при одновременном соблюдении принципов свободы договора и экономического оборота.

Список литературы:

[1] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 N 51-ФЗ (ред. от 10.06.2026) // СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/ (дата обращения: 03.04.2026).

[2] Федеральный закон от 08.02.1998 N 14-ФЗ (ред. от 28.12.2025) «Об обществах с ограниченной ответственностью» // СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_17819/ (дата обращения: 03.04.2026).

[3] Арбитражные дела ООО «ТЕРМИНАЛ НЕМЧИНОВКА». // B2Book. – URL: <https://b2book.ru/inn/5032171784-ooo-terminal-nemchinovka/arbitr/> (дата обращения: 03.04.2026)

[4] Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 26.12.2023 N Ф06-11749/2023 по делу N А49-11399/2021 // СПС КонсультантПлюс. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=APV&n=227523> (дата обращения: 03.04.2026).

[5] Постановление Пятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 17 августа 2024 г. N 15АП-5061/23 по делу N А32-21729/2022 // СудАкт. – URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/sv0VDIjVdT5K/> (дата обращения: 03.04.2026).

[6] О преимущественном праве покупки доли в ООО. // Intellect. – URL: https://www.intellectpro.ru/press/works/o_preimushestvennom_prave_pokupki_doli_v_ooo/ (дата обращения: 03.04.2026).

References:

[1] Civil Code of the Russian Federation (Part One) No. 51-FZ dated November 30, 1994 (as amended on June 10, 2026) // ConsultantPlus Legal Reference System. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/ (accessed: April 3, 2026).

[2] Federal Law No. 14-FZ dated February 8, 1998 (as amended on December 28, 2025) "On Limited Liability Companies" // ConsultantPlus Legal Reference System. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_17819/ (accessed: April 3, 2026).

[3] Arbitration cases of TERMINAL NEMCHINOVKA LLC // B2Book. – URL: <https://b2book.ru/inn/5032171784-ooo-terminal-nemchinovka/arbitr/> (accessed: April 3, 2026).

[4] Resolution of the Arbitration Court of the Volga District No. F06-11749/2023 dated December 26, 2023, in Case No. A49-11399/2021 // ConsultantPlus Legal Reference System. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=APV&n=227523> (accessed: April 3, 2026). [5] Resolution of the Fifteenth Commercial Court of Appeal dated August 17, 2024, No. 15AP-5061/23 in Case No. A32-21729/2022 // SudAkt. – URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/sv0VDIjVdT5K/> (accessed: April 3, 2026).

[6] On the Right of First Refusal to Purchase a Share in an LLC. // Intellect. – URL: https://www.intellectpro.ru/press/works/o_preimushestvennom_prave_pokupki_doli_v_ooo/ (accessed: April 3, 2026).



ГРАЧЕВЦОВА Ирина Сергеевна,
магистрант,
РГУП имени В. М. Лебедева, Крымский филиал,
e-mail: 0180218@mail.ru

ВОЗМЕЩЕНИЕ ВРЕДА, ПРИЧИНЕННОГО ЖИЗНИ И ЗДОРОВЬЮ ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

Аннотация. Российский законодатель использует традиционный подход при оценке возмещения вреда, причиненного жизни и здоровью, что далеко не всегда отвечает принципу полного объема возмещения. В статье проводится анализ законодательства зарубежных стран, регулирующего возмещения вреда, причиненного жизни и здоровью. Выделены направления совершенствования российского законодательства, внедрение которых будет способствовать полной компенсации расходов.

Ключевые слова: вред здоровью, компенсация, выплата, внедоговорная ответственность, подтвержденные расходы, экспертиза.

GRACHEVCZOVA Irina Sergeevna,
Master's student,
V. M. Lebedev Russian State University of Justice, Crimean Branch

COMPENSATION FOR HARM CAUSED TO LIFE AND HEALTH UNDER THE LEGISLATION OF FOREIGN COUNTRIES

Annotation. Russian legislators employ a traditional approach to assessing compensation for harm caused to life and health, a method that does not always align with the principle of full compensation. This article analyzes the legislation of foreign countries governing compensation for harm caused to life and health. It identifies areas for improving Russian legislation, the implementation of which would facilitate full reimbursement of expenses.

Key words: harm to health, compensation, payment, non-contractual liability, documented expenses, expert assessment.

Возмещение вреда жизни и здоровью в Российской Федерации установлено § 2 гл. 59 Гражданского Кодекса РФ (далее – ГК РФ). Ст. 1064 ГК РФ устанавливает принцип полной компенсации, однако на практике компенсируются лишь расходы, имеющие документальное подтверждение и обоснование. Это требует обращения к зарубежному опыту.

Германская и российская правовая система относятся к континентальной правовой системе, что объясняет широкое заимствование римских частноправовых норм в сфере возмещения вреда жизни и здоровью человека.

§ 823, абз. 1 Германского гражданского уложения устанавливает гражданско-правовую ответственность за причиненный вред в результате виновного противоправного деяния

правоохраняемым чужим благам, приведенным в данном параграфе, включая жизнь, здоровье, телесную целостность. В германской гражданско-правовой науке происходят активные споры относительно сущности категорий противоправности и виновности, области их применения. Ряд исследователей обосновывают противоправный характер деяния, причиняющего вред, если оно входит в противоречие с установленным правовым порядком, нарушает установленное законодательством обязательство или запрет. Следовательно, чтобы признать деяние противоправным для применения § 823, абз. 1 Германского гражданского уложения недостаточно, чтобы они просто причинили вред жизни и здоровью. Деяние будет считаться противоправным в значении §

823, абз. 1, если оно совершалось умышленно [5, с. 123].

Германский законодатель предусматривает два вида выплат для возмещения вреда здоровью, имеющих восстановительные функции. Один вид выплат предназначен для компенсации потерянного дохода. Оценка дохода осуществляется путем исчисления получаемого дохода до причинения вреда здоровью, а при невозможности такого расчета, берутся усредненные рыночные показатели доходов представителей профессии потерпевшего. Второй вид выплат направлен на компенсацию расходов, которые пострадавший должен будет совершить в связи с появившимися дополнительными потребностями, вызванными причиненным вредом здоровью.

Оценка величины второго вида выплат происходит на основании определения таких потребностей, и требуемых на их удовлетворения денежных сумм. Выплаты обоих видов могут осуществляться как регулярно, так и единовременно.

Законодатель избрал такую позицию, чтобы правовые нормы позволяли максимально восстановить имущественное положение пострадавшего до причинения вреда, чтобы он мог иметь такой же доход и степень благополучия, каковы имели место до получения травмы или болезни.

Чтобы получить выплаты за утраченный доход, нужно привести доказательства как снижения (утраты) возможности заниматься определенным видом профессиональной деятельности, так и способность получать доход от подобной деятельности в будущем [1, с. 16].

Получается, что к имущественным потерям относится не потеря возможности получать доход, а реальная утрата конкретной суммы дохода с учетом возможных вариантов занятия иной профессиональной деятельности пострадавшего.

Таким образом, если лицо потеряет заработок вне зависимости от причиненного вреда здоровью, к примеру, в связи с сокращением, банкротством организации, правоприменитель не назначит выплату по причинению вреда.

Причиненный вред здоровью требует лечения и восстановления, что также связано с затратами. Компенсация таких расходов про-

исходит согласно документальному подтверждению, при условии, что понесенные расходы связаны с восстановлением здоровья в результате причинения вреда. Германский законодатель не обязывает потерпевшего, при наличии альтернативных вариантов лечения и реабилитации, делать выбор в пользу наиболее дешевого. Например, если за пострадавшим могут бесплатно ухаживать родственники, он не обязан выбирать их помощь вместо платного профессионального медицинского ухода на основе договора.

Сложившаяся правоприменительная практика исходит из правила, что в основе такого выбора должны лежать медицинские показания, диагноз больного, сохранение образа жизни, наиболее соответствующего тому, что потерпевший вел до заболевания, человеческого достоинства. При этом уровень затрат ограничивается бесосновательно высоким.

Италия также относится к континентальной правовой системе, но имеет свои особенности в регулировании исследуемого вопроса. Если российский законодатель употребляет общее понятие «возмещение вреда здоровью» (*danno*), то в Италии оно включает в себя следующие элементы - *danno biologico*, *danno morale* и *danno patrimoniale*. Первый элемент охватывает потери, связанные с ограничением возможностей участия в жизни общества, нарушением внешней привлекательности и т.п. Второй элемент связан с моральными и физическими страданиями. Третий охватывает иные потери, связанные с необходимостью восстановления начального положения до нарушения права, и с потенциально утраченным доходом. Последний исчисляется по имевшемуся у потерпевшего доходу с учетом образования, уровня квалификации, востребованностью на рынке труда и проч.

В правоприменительной деятельности используются специальные таблицы для таких категорий потерпевших, как предприниматели, рабочие, домохозяйки, несовершеннолетние и пенсионеры. При расчетах широко используется аналогия на основании установленных нормативных показателей.

О.В. Колисниченко усматривает сходство расходов, охватываемых *danno patrimoniale* с затратами, подлежащими компенсации по российскому законодательству: затраты на

медицинские услуги и консультации, обследования, реабилитацию, лекарственные и технические средства, доставление в медицинское учреждение и проч. «Различие заключается в том, что, если отечественный законодатель определяет расходы на лечение и реабилитацию как «разумные и необходимые», в Италии условием возмещения данных расходов является необходимость или полезность их несения для того, чтобы максимально приблизить состояние здоровья пострадавшего к тому, которое существовало до нарушения права» [4, с. 40]. Соответственно, в итальянском суде может быть принято решение о лечении за границей или в платном учреждении при условии обоснованности таких расходов.

Во Франции также ведется работа по внедрению унифицированного подхода к оценке вреда жизни и здоровью, разрабатываются медицинские шкалы, оценочные таблицы.

Великобритания относится к государствам общего права. При причинении вреда здоровью различается общий и специальный ущерб, подлежащие компенсации. Общий ущерб связан с совокупностью негативных последствий, которые потерпевшему предстоит испытывать в разных областях жизнедеятельности в связи с причиненным вредом здоровью. Специальный ущерб связан с сопутствующими материальными расходами на лечение, восстановление здоровья, которые определяются на основе экспертного заключения. В него также входит утраченный доход в связи с заболеванием. Исчисление утраченного дохода в будущем определяется рядом факторов – потенциальной длительностью трудовой активности, квалификацией, возможным изменением будущих доходов, как связанных, так и не связанных с личностью потерпевшего [2, с. 75].

Английский суд при альтернативных вариантах исчисляет компенсацию по менее дорогой альтернативе, исключает оплату избыточных приобретений и покупок, непосредственно не связанных с лечением и реабилитацией. При этом в состав затрат, подлежащих компенсации могут входить дополнительные расходы на отопление, теплую одежду, если в результате причинения вреда здоровью потерпевший становится восприимчив к простудам. В российской правоприменительной практике

такие расходы, как правило, не компенсируются.

Судебная практика США по данным категориям дел существенно отличается в различных штатах. Подобные иски рассматриваются судами присяжных. В США, помимо имущественных и неимущественных убытков, при рассмотрении дел о вреде жизни и здоровью, могут начисляться штрафные убытки в случае умысла или грубой неосторожности ответчика.

Необходимо отметить, что в государствах общего права (Великобритании и США) в решении вопросов о возмещении вреда жизни и здоровью, большую роль играет судебское усмотрение и усмотрение присяжных. В государствах романо-германской правовой семьи предпочтителен более формализованный подход, использование шкал и таблиц. Также различается подход к компенсации моральных страданий родственников. Государства континентального права, ограничиваются только имущественной компенсацией «вторичным жертвам» [6, с. 7].

Проведенное исследование позволяет обобщить подходы к возмещению вреда жизни и здоровью в зарубежных странах. В отличие от российской практики, в рассмотренных государствах принята компенсация утраченного в будущем дохода, который определяется совокупностью различных факторов и не требует документального подтверждения. Принята компенсация утраченных социальных способностей, выходящая за пределы утраченного дохода, и исчисляемая на основе средних показателей для определенной категории населения. При альтернативных вариантах лечения или использования реабилитационных средств, как правило, учитывается их польза для выздоровления, а не стоимость, поэтому приоритет нередко отдается более дорогостоящему варианту. При возмещении нематериального ущерба, кроме физических и моральных страданий потерпевшего, учитывается необходимость восстановления первоначального положения, что переводит данный элемент компенсации из субъективной в объективную плоскость.

Таким образом, в российском законодательстве и правоприменительной практике приняты традиционные подходы к оценке

ущерба, причиненного здоровью, в результате которых компенсируются только фактические доказанные расходы. Очевидно, что качество жизни человека после причинения вреда его здоровью, ухудшается, утрачивается доход, который мог быть получен. Думается, с учетом опыта зарубежных стран, необходимо определить следующие направления совершенствования российского законодательства в части возмещения вреда, причиненного жизни и здоровью: комплексно подходить к оценке утраченных возможностей организма и его повышенные потребности для восстановления, что повысит величину компенсации; в понимании нематериального вреда не ограни-

чиваться субъективным фактором, связанным с моральными страданиями. Величина возмещения должна быть привязана к реальным потребностям человека, а не к формальному набору государственных гарантий в рамках бесплатной медицинской помощи. Если бесплатная помощь неадекватна, не покрывает потребности, потерпевший фактически остается без полного возмещения вреда. Кроме того, качество и перечень бесплатных услуг могут оказаться на должном уровне для восстановления здоровья. Поэтому целесообразно отказаться при компенсации за причинение вреда здоровью от критерия «отсутствие права на бесплатное получение».

Список литературы:

- [1] Авдеенко А. А. Обязательства вследствие причинения вреда жизни и здоровью гражданина в гражданском праве Российской Федерации и других стран // *Актуальные исследования*. 2024. №42 (224). С. 15-16.
- [2] Алферова Е.В., Скурко Е.В. Национальные системы компенсации ущерба, причиненного медицинским обслуживанием (опыт Франции, Италии, Нидерландов, Великобритании) // *Отечественная и зарубежная литература*. 2025. № 2. С. 66-80.
- [3] Внедоговорные охранительные обязательства / Под ред. А. В. Головизнина. – М.: Юстицинформ, 2025. – 238 с.
- [4] Колесниченко О.В. Сравнительная характеристика систем возмещения вреда, причиненного здоровью, в зарубежных странах (на примере Италии, Германии, Великобритании) // *Финансовое право и управление*. 2018. № 4. С. 37-43.
- [5] Степанов С.К. Обязательства по возмещению вреда, причиненного правомерными действиями, по праву России и зарубежных стран: дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2021. – 226 с.
- [6] Токарева О.С., Шевчук Е.П. Анализ дел о причинении вреда жизни и здоровью гражданина: сравнительно-правовой аспект // *Human Progress*. 2025. Т. 11. № 3. С. 1-8.

References:

- [1] Avdeenko A. A. Obligations Arising from Harm Caused to the Life and Health of a Citizen in the Civil Law of the Russian Federation and Other Countries // *Actual Research*. 2024. No. 42 (224). Pp. 15–16.
- [2] Alferova E. V., Skurko E. V. National Systems for Compensating Harm Caused by Medical Care (Experience of France, Italy, the Netherlands, and Great Britain) // *Domestic and Foreign Literature*. 2025. No. 2. Pp. 66–80.
- [3] Non-contractual Protective Obligations / Ed. by A. V. Goloviznin. – Moscow: Yustitsinform, 2025. – 238 p.
- [4] Kolesnichenko O. V. Comparative Analysis of Systems for Compensating Harm Caused to Health in Foreign Countries (Case Studies of Italy, Germany, and Great Britain) // *Financial Law and Management*. 2018. No. 4. Pp. 37–43.
- [5] Stepanov S. K. Obligations to Compensate Harm Caused by Lawful Actions under the Law of Russia and Foreign Countries: Diss. ... Cand. Jurid. Sci. – Moscow, 2021. – 226 p.
- [6] Tokareva O. S., Shevchuk E. P. Analysis of Cases Involving Harm Caused to the Life and Health of a Citizen: A Comparative Legal Perspective // *Human Progress*. 2025. Vol. 11. No. 3. Pp. 1–8.

Дата поступления рукописи в редакцию: 09.09.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 14.10.2026 г.

DOI: 10.24412/3034-4395-2026-4-47-59

РЕЗНИКОВА Анна Владимировна,
студент 2 курса магистратуры,
Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
Москва, Россия,
e-mail: avreznikovavl@yandex.ru

КАДАСТРОВАЯ СТОИМОСТЬ КАК ЭКОНОМИКО-ПРАВОВАЯ ОСНОВА РАСЧЕТА АРЕНДНОЙ ПЛАТЫ ЗА ЗЕМЕЛЬНЫЕ УЧАСТКИ ПУБЛИЧНОЙ СОБСТВЕННОСТИ

Аннотация. Статья посвящена анализу правовой природы кадастровой стоимости земельных участков как экономико-правовой основе расчета арендной платы за земельные участки публичной собственности. На основе сопоставления региональных методик расчёта арендной платы, доктринальных позиций и материалов судебной практики обосновывается тезис о квазифискальной природе такой платы и необходимости распространения на порядок её определения гарантий, свойственных финансовому (в том числе налоговому) праву – законности, экономической обоснованности, предсказуемости и запрета обратной силы неблагоприятных изменений. Сформулированы предложения по совершенствованию нормативного регулирования.

Ключевые слова: кадастровая стоимость, арендная плата, земельные участки публичной собственности, финансовое право, экономическая обоснованность, коэффициенты арендной платы, квазифискальные платежи, бюджетные доходы, земельный налог, кадастровая оценка.

REZNIKOVA Anna Vladimirovna,
Second-year Master's student,
Lomonosov Moscow State University,
Moscow, Russia

CADASTRAL VALUE AS A FINANCIAL-LEGAL BASIS FOR CALCULATING RENT FOR PUBLICLY OWNED LAND PLOTS

Annotation. The article examines the legal nature of the cadastral value of land plots as a category that performs a function within the system of public revenues similar to a tax base and forms the normative basis for calculating rent for state- and municipally-owned land. Drawing on a comparison of regional rent-calculation methodologies, doctrinal positions and case law, the author substantiates the quasi-fiscal nature of such rent and argues for extending to its determination the guarantees characteristic of financial (including tax) law – legality, economic justification, predictability, and the prohibition of retroactive unfavourable change. Proposals for improving the regulatory framework are formulated.

Key words: cadastral value, rent, publicly owned land plots, financial law, economic justification, rent adjustment coefficients, quasi-fiscal payments, budget revenues, land tax, cadastral valuation.

Введение

Земельные ресурсы, находящиеся в государственной и муниципальной собственности, а также земли, государственная собственность на которые не разграничена, остаются

одним из немногих активов публично-правовых образований, способных приносить регулярный неналоговый доход без отчуждения самого объекта. Именно поэтому вопрос о том, как рассчитывается арендная плата за

такие участки, выходит далеко за рамки гражданско-правовой проблематики договора имущественного найма и приобретает самостоятельное финансово-правовое измерение.

Действующая модель расчёта арендной платы за такие участки в подавляющем большинстве случаев привязана к кадастровой стоимости земельного участка через систему поправочных коэффициентов. С 1 января 2026 г. эта связь получила прямое закрепление на уровне федерального закона: пункт 7 статьи 39.7 Земельного кодекса Российской Федерации (далее – ЗК РФ) [1], введенный Федеральным законом от 08.08.2024 № 321-ФЗ, устанавливает, что «размер арендной платы за земельный участок, находящийся в государственной или муниципальной собственности, по общему правилу определяется на основании его кадастровой стоимости, за исключением случаев проведения торгов и предоставления участков под объектами культурного наследия» [2]. Тем самым кадастровая стоимость перестаёт быть лишь одним из допустимых оснований расчёта наряду с рыночной стоимостью или результатами торгов и приобретает статус универсальной нормативной базы платежа.

Кадастровая стоимость закреплена в законах в основном как фискально-оценочное понятие. А вот её финансово-правовая сторона почти не раскрыта. Вследствие этого отсутствует определённость в отношении принципов, которые должны лежать в основе формирования формул и коэффициентов, рассчитываемых исходя из кадастровой стоимости.

Регионы формально отталкиваются от одной точки – кадастровой стоимости, однако далее все считают по-разному: где-то используют сложные эконометрические модели; где-то просто умножают на фиксированный процент. Из-за этого разноречия возникает много судебных споров. Причём спорят не о том, можно ли применять кадастровую стоимость в принципе. Спорят о другом – насколько обоснованы коэффициенты, которые из неё выводятся, и как их пересматривать со временем.

Цель работы – разобраться, какова финансово-правовая природа кадастровой стоимости как базы для расчёта арендной платы за публичные земельные участки, и на этой ос-

нове предложить меры и способы совершенствования правового регулирования. Чтобы к этому прийти, нужно решить несколько задач:

1. разобраться, в чём заключается правовая природа кадастровой стоимости и какое место она занимает среди публичных доходов;
2. сравнить, как в разных регионах рассчитывают арендную плату от кадастровой стоимости;
3. проанализировать и сопоставить, что говорят учёные о том, как дифференцировать поправочные коэффициенты;
4. изучить судебную практику – какие споры чаще всего возникают при расчёте арендной платы через кадастровую стоимость;
5. предложить, как эти подходы можно унифицировать.

Методологически работа опирается на формально-юридический метод и сравнительное правоведение – им особенно активно пользовались при сопоставлении региональных методик, – а также на системный анализ нормативных актов и судебных решений. Что касается источников, то это Земельный кодекс РФ, федеральные законы об оценочной деятельности и о государственной кадастровой оценке, постановление Правительства РФ от 16.07.2009 № 582 (далее – Постановление 582), региональные нормативные акты, а также решения арбитражных судов и Верховного Суда РФ.

1. Правовая природа кадастровой стоимости в системе публичных доходов

Легальное определение кадастровой стоимости, закреплённое в статье 3 Федерального закона от 29.07.1998 № 135-ФЗ «Об оценочной деятельности в Российской Федерации» [3] (далее – Федеральный закон 135), сводит её к стоимости, установленной по результатам государственной кадастровой оценки либо в результате разрешения споров о результатах такой оценки. Часть 2 статьи 3 Федерального закона от 03.07.2016 № 237-ФЗ «О государственной кадастровой оценке» [4] (далее – Федеральный закон 237) дополняет эту конструкцию указанием на то, что кадастровая стоимость определяется на основе рыночной и иной информации, связанной с экономическими характеристиками использования

объекта недвижимости. Названный подход воспроизведён и в статье 66 ЗК РФ, согласно которой в случаях установления рыночной стоимости земельного участка кадастровая стоимость приравнивается к ней в порядке, предусмотренном законодательством о государственной кадастровой оценке.

Кадастровая стоимость близка по содержанию к рыночной, но юридически не тождественна ей. Устанавливают её не по каждому объекту отдельно, а массовым методом – сразу для групп объектов со сходными ценообразующими характеристиками. Утверждает её акт уполномоченного органа, а не соглашение сторон конкретной сделки.

Из-за такой конструкции кадастровая стоимость по юридической технике сближается вовсе не с гражданско-правовой категорией цены, а – ближе к публично-правовой категории налоговой базы. Налоговая база объекта налогообложения устанавливается по единым правилам для целой совокупности объектов – точно так же кадастровая стоимость земельного участка формируется в рамках единой методики оценки, применяемой ко всем участкам одного кадастрового квартала или сегмента рынка.

В юридической литературе справедливо указывают на узость легального определения кадастровой стоимости. Оно ограничивает её назначение фискальной функцией – исчислением налога на имущество.

Так, автор одной из работ, посвящённых гражданско-правовым аспектам применения кадастровой стоимости, подчёркивает, что действующая дефиниция не отражает всей полноты сфер её применения и, в частности, не учитывает её воздействия на интересы субъектов гражданских правоотношений при определении арендной платы, нотариальных тарифов и выкупной цены земельных участков [23, с. 115]. С этим наблюдением следует согласиться, однако представляется необходимым сделать из него более широкий вывод: узость определения затрудняет не только гражданско-правовую, но и финансово-правовую квалификацию данного института, поскольку не позволяет однозначно ответить на вопрос о применимости к производным от кадастровой стоимости платежам гарантий, традиционно свойственных налоговому праву.

Данный вопрос не является сугубо теоретическим. Арендная плата за земельные участки, находящиеся в государственной или муниципальной собственности и предоставленные без торгов, в отличие от арендной платы, определённой по результатам конкурентных процедур, не является результатом свободного волеизъявления сторон договора: её размер, порядок и условия внесения устанавливаются нормативным правовым актом уполномоченного органа власти в силу прямого указания пункта 3 статьи 39.7 Земельного кодекса Российской Федерации. Такая плата в судебной практике устойчиво именуется регулируемой ценой: изменение нормативно установленных ставок или методики их расчёта влечёт изменение условий уже заключённых договоров аренды независимо от воли сторон и без внесения соответствующих изменений в текст договора – эта позиция была сформулирована ещё в пунктах 16 и 19 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 17.11.2011 № 73 [5] (далее – Постановление 73) и последовательно применяется судами по настоящее время, в том числе в решении Арбитражного суда Краснодарского края от 08.11.2021 по делу № А32-2996/2021 [6] и в решении Арбитражного суда Нижегородской области от 28.07.2025 по делу № А43-8559/2025 [7].

Арендная плата, производная от кадастровой стоимости, будучи по форме регулируемым платежом, сближается с обязательными фискальными сборами сразу по нескольким признакам. Размер платежа устанавливается односторонне, властным решением компетентного органа. Стороны не вправе изменить ни базу расчёта, ни ставку по соглашению – в данных правоотношениях нет места договорной свободе. Нормы, определяющие порядок расчёта, носят императивный характер. И, наконец, величина платежа привязана к публично установленной стоимостной характеристике объекта, а не к индивидуальной договорённости арендодателя и арендатора.

Если сложить эти признаки вместе, такую арендную плату можно назвать квазифискальным платежом. Формально это гражданско-правовой договор. Но, по сути, он работает по логике публичного, в том числе финансового, регулирования.

Отсюда следует важный вывод, причём довольно строгий. Порядок определения такой платы должен отвечать тем же требованиям, что статья 3 Налогового кодекса РФ предъявляет к установлению налогов. А именно – плата должна быть экономически обоснована, её элементы должны быть чёткими, и назначать её произвольно нельзя.

Интересно, что схожие начала – пусть и под другими терминами – прямо закреплены в постановлении Правительства РФ от 16.07.2009 № 582 [8] (далее – Постановление Правительства 582). Оно как раз посвящено принципам определения арендной платы за земельные участки в государственной или муниципальной собственности. Есть и позиция Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ – постановления от 17.01.2012 № 10034/11 и от 17.04.2012 № 15837/11 [9]. Согласно ей, ряд принципов обязателен во всех случаях, когда арендную плату определяют не через торги, а как регулируемую цену. Не важно, какое публично-правовое образование её установило. Вот эти принципы: экономическая обоснованность, предсказуемость, предельная простота расчёта, запрет необоснованных предпочтений, учёт необходимости поддержки социально значимых видов деятельности, недопущение ухудшения положения лиц, ранее переоформивших право постоянного (бессрочного) пользования землёй.

Изложенное позволяет сформулировать первый тезис настоящего исследования: кадастровая стоимость земельного участка, используемая в качестве расчётной базы арендной платы за «публичные земли», выполняет функцию, структурно аналогичную налоговой базе, а сама арендная плата, исчисляемая на её основе в отсутствие торгов, по своей юридической природе тяготеет к категории квазифискальных платежей, требующих применения финансово-правовых, а не только гражданско-правовых гарантий.

2. Кадастровая стоимость как переменная формулы: сравнительный анализ региональных методик

Единство исходной величины – кадастровой стоимости – не привело к единству методик её преобразования в размер арендной платы. Анализ региональной практики позволяет

выделить как минимум три модели.

Первая модель самая простая – фиксированный процент от кадастровой стоимости. Итак, кадастровую стоимость умножили на ставку – например, 1,5% или 2,5% – и получили арендную плату. Иногда ставку меняют в зависимости от вида земли или того, на каком основании участок передали в аренду. Модель использовал Департамент имущественных отношений Краснодарского края. И как раз из-за неё возник спор – дело рассматривал Арбитражный суд Краснодарского края, решение от 08.11.2021 по делу № А32-2996/2021. Сначала арендодатель посчитал плату по ставке 2,5%. Арендатор не согласился: он настаивал на 1,5% – эта ставка положена для участков, ограниченных в обороте, если право аренды возникло из переоформления старого права постоянного пользования землёй. Основание – пункт 2 статьи 3 закона № 137-ФЗ от 25.10.2001 [10]. Суд согласился с арендатором. Участок относился к особо охраняемым природным территориям и был ограничен в обороте. А значит, высокую ставку к нему применять нельзя – федеральный закон здесь важнее регионального акта.

Вторая модель – «формульная модель» с системой поправочных коэффициентов, применяемая, в частности, в Пермском крае. В её основе лежит формула $АП = КС \times Кб \times K1 \times K2$, где КС – кадастровая стоимость участка; Кб – базовый коэффициент, приравненный к предельной ставке земельного налога согласно статье 394 Налогового кодекса Российской Федерации (далее – НК РФ) (0,3 % либо 1,5 % в зависимости от категории земель); K1 – коэффициент доходности земельного участка, рассчитываемый как отношение медианной доходности участков конкретного вида разрешённого использования по данным публичных торгов к безрисковой ставке, определяемой по кривой бескупонной доходности государственных облигаций; K2 – коэффициент вида деятельности арендатора, рассчитываемый как отношение среднеотраслевой рентабельности продаж по данным Федеральной налоговой службы к средневзвешенной ключевой ставке Банка России [21, с. 50]. Модель обходится без отдельного коэффициента инфляции, авторы объясняют почему. Доходность здесь и так соотносится с безрисковой

ставкой. Значит, показатель уже реагирует на изменения в экономике. Поэтому дополнительная индексация не нужна [21, с. 51].

Третья модель называется институционально дифференцированной. Она построена на материалах Первомайского района Алтайского края. Авторы делят коэффициенты не по формальному признаку. Не важен вид разрешённого использования или категория пользователя. Важна институциональная природа самого показателя.

Первый коэффициент – рыночный (К). Он отражает доходность конкретного вида разрешённого использования земли. Второй коэф-

фициент – регулятивный (К1). Он показывает нерыночные механизмы: льготы и ограничения для отдельных категорий пользователей [22, с. 675].

Авторы опираются на институциональную теорию контрактов. Они выделяют рыночные, иерархические и гибридные механизмы регулирования сделок. При расчёте коэффициента К они предлагают простое решение – временно приравнять К1 к единице. Так нерыночные факторы не будут искажать оценку доходности [22, с. 677].

Сопоставление трёх моделей приведено в таблице 1.

Таблица 1. Сравнение подходов к определению арендной платы, производной от кадастровой стоимости, в отдельных субъектах Российской Федерации

Признак	Модель фиксированного процента (Краснодарский край)	Формульная модель (Пермский край)	Институционально дифференцированная модель (Алтайский край)
Базовая величина	Кадастровая стоимость	Кадастровая стоимость	Удельная кадастровая стоимость
Число коэффициентов	1 (ставка в процентах)	3 (Кб, К1, К2)	2 (К, К1)
Учёт вида разрешённого использования	Косвенно, через дифференциацию ставок	Через коэффициент К1 (доходность по ВРИ)	Через рыночный коэффициент К
Учёт вида деятельности арендатора	Не предусмотрен	Через коэффициент К2 (отраслевая рентабельность)	Через регулятивный коэффициент К1
Индексация на инфляцию	Отдельным коэффициентом, ежегодно	Не применяется (заложена в безрисковую ставку)	Применяется к исходным данным при расчёте
Основной источник споров	Выбор применимой ставки для льготных категорий земель	Пока не апробирован в судебной практике в части оспаривания	Не апробирован в судебной практике

Источник: составлено автором на основе [21; 22] и материалов дела № А32-2996/2021.

Обращает на себя внимание закономерность, ранее отмеченная в литературе применительно к практике субъектов, граничащих с Пермским краем: вид разрешённого использования земельного участка в большинстве региональных методик не выделяется в каче-

стве самостоятельной переменной формулы, поскольку презюмируется, что он уже учтён в самой кадастровой стоимости [21, с. 55]. Между тем эмпирические данные, полученные методом корреляционно-регрессионного анализа на выборке из нескольких тысяч объектов,

показывают, что фактор вида разрешённого использования сохраняет статистическую значимость в подавляющем большинстве построенных моделей рыночной стоимости [21, с. 56], что ставит под сомнение исходную презумпцию и подтверждает целесообразность его обособленного учёта в формуле арендной платы, а не растворения в кадастровой стоимости.

С финансово-правовой точки зрения разница между этими моделями не сводится к технической специфике оценочной методологии. Модель фиксированного процента – самая простая и предсказуемая из всех. Но именно она хуже всего улавливает реальную доходность конкретного участка. Отсюда риск нарушения принципа экономической обоснованности сразу в двух направлениях: плата оказывается завышенной для низкодоходных видов использования и заниженной – для высокодоходных.

Формульные модели точнее отражают доходность. Правда, они требуют большого объёма исходных данных – сведений о публичных торгах, отраслевой рентабельности, доходности государственных облигаций. Здесь и возникает противоречие. Постановление № 582 провозглашает принцип предельной простоты расчёта, согласно которому арендатор должен проверить корректность начисленной платы без специальных знаний. Институционально дифференцированная модель, в свою очередь, предлагает самое развёрнутое теоретическое обоснование различия рыночных и нерыночных факторов. Однако её практическая апробация ограничена одним муниципальным районом и пока не подкреплена опубликованной судебной практикой.

Показательно, что ни одна из трёх моделей не решает проблему полностью – каждая жертвует одним требованием ради другого. Простота расчёта достигается за счёт точности, точность – за счёт доступности методики для рядового арендатора, а теоретическая обоснованность – за счёт проверенности на практике. Выбор конкретного региона между этими моделями, по сути, отражает то, какому из принципов Постановления № 582 региональный законодатель отдаёт приоритет: предсказуемости, точности отражения доходности или простоте применения. Универсального решения на сегодняшний день не выработано,

и вряд ли оно появится без изменения самого нормативного подхода к соотношению этих принципов.

Стоит добавить, что выбор модели затрагивает не только арендатора, но и интересы бюджета соответствующего публично-правового образования. Заниженная арендная плата означает недополученные доходы бюджета, тогда как завышенная создаёт почву для последующего оспаривания и, как следствие, для возврата уже полученных средств. Эта двусторонняя «чувствительность» делает вопрос выбора модели не только юридическим, но и бюджетно-политическим – и, возможно, именно поэтому единообразия в региональной практике до сих пор не сложилось.

3. Индивидуализация поправочных коэффициентов: доктрина и судебная практика

Отдельно стоит остановиться на проблеме, которая возникает при применении поправочных коэффициентов к единому земельному участку. Речь о ситуации, когда на одном участке расположены объекты недвижимости нескольких собственников, причём помещения используются по-разному. Часть региональных нормативных актов решает вопрос просто: ко всем собственникам применяют единый коэффициент – максимальный из возможных, соответствующий наиболее доходному виду разрешённого использования, представленному на участке [20, с. 116].

Указанный нами подход обоснованно критикуют в юридической литературе. Показатель наиболее выгодного разрешённого использования уже заложен в самой величине кадастровой стоимости земельного участка – методика её определения предполагает оценку по всем видам разрешённого использования, установленным для участка. Повторный учёт того же фактора через максимальный коэффициент приводит к его двойному отражению в итоговой сумме платежа. А значит, нарушается принцип экономической обоснованности [20, с. 115]. Есть и другой аргумент. Применение повышенного коэффициента к собственнику, который фактически не ведёт более доходную деятельность – скажем, не имеет статуса индивидуального предпринимателя, необходимого для торговли, – лишено экономического осно-

вания. Такая практика противоречит смыслу принципа запрета необоснованных предпочтений: арендатор оказывается в положении, определяемом не его собственной, а чужой хозяйственной деятельностью [20, с. 117].

С позиций финансового права проблема выглядит частным проявлением более широкого требования. Объект обложения – здесь это объект платы – должен соответствовать фактическим экономическим показателям деятельности плательщика, а не формальным характеристикам имущества, которым пользуются третьи лица. В налоговом праве схожий принцип реализован через правило определения налоговой базы по фактическому использованию объекта, а не по потенциально возможному. Перенос этой логики на регулируемую арендную плату выглядит методологически оправданным шагом и хорошо согласуется с выводом о квазифискальной природе платежа, сформулированным в первом разделе статьи.

Правоприменительная практика при этом движется в том же направлении, что и приведённая позиция. Постановление № 582 закрепляет принцип экономической обоснованности так – размер арендной платы должен соответствовать доходности земельного участка с учётом фактических характеристик его использования, а не абстрактно наибольшей из теоретически возможных доходностей. Отсюда вытекает следствие для индивидуализации коэффициентов применительно к каждому землепользователю единого участка. Приведенная индивидуализация не отступает от принципа единообразия платы. Она, напротив, служит необходимым условием его соблюдения. Обратная ситуация выглядела бы иначе – для объектов, объединённых лишь общим земельным участком, но различающихся по видам фактической деятельности, возникла бы неоправданная разница в экономическом бремени, никак не связанная с реальной доходностью деятельности каждого конкретного плательщика.

4. Кадастровая стоимость во времени: пересмотр, архивные значения и защита бюджетных интересов

Кадастровую стоимость пересматривают не постоянно, а периодически. По общему

правилу это происходит раз в четыре года – так требует Федеральный закон от 03.07.2016 № 237-ФЗ [4]. Кроме того, заинтересованное лицо вправе добиться пересмотра стоимости и приравнять её к рыночной. Отсюда возникает отдельный вопрос. Если кадастровая стоимость снижается уже после того, как стала архивной, нужно ли пересчитывать арендную плату за прошедшие периоды. И нужно ли возвращать плательщику образовавшуюся разницу.

Данный вопрос получил принципиальное разрешение в определении Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 27.11.2025 № 304-ЭС25-3418 по делу № А27-22862/2023 [12]. Обстоятельства дела заключались в следующем: земельный участок был предоставлен в аренду без торгов на основании кадастровой стоимости, внесённой в Единый государственный реестр недвижимости в 2018 г.; впоследствии, после утверждения в 2022 г. новых результатов государственной кадастровой оценки, прежняя кадастровая стоимость приобрела статус архивной, а по заявлению арендатора судом общей юрисдикции архивная кадастровая стоимость была установлена в размере рыночной стоимости, которая оказалась существенно ниже ранее применявшейся. На этом основании арендатор потребовал произвести перерасчёт арендной платы за 2020–2022 гг. и вернуть образовавшуюся переплату как неосновательное обогащение арендодателя; суды трёх нижестоящих инстанций данное требование удовлетворили.

Отменяя состоявшиеся судебные акты и направляя дело на новое рассмотрение, Верховный Суд Российской Федерации исходил из системного толкования Федерального закона от 31.07.2020 № 269-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [13], Федерального закона от 29.07.1998 № 135-ФЗ «Об оценочной деятельности в Российской Федерации» [14] и Федерального закона от 03.07.2016 № 237-ФЗ «О государственной кадастровой оценке» [4]. Суд отметил, что часть 8 статьи 6 Закона № 269-ФЗ прямо устанавливает: «размер арендной платы за периоды, предшествующие изменению кадастровой стоимости в порядке статьи 22.1 Закона о государственной

кадастровой оценке, не изменяется» [16]. При этом такое же ограничение по смыслу закона должно применяться и к случаям оспаривания архивной кадастровой стоимости в порядке Закона об оценочной деятельности, поскольку иное создавало бы необоснованные преимущества для арендаторов, воспользовавшихся более поздним механизмом оспаривания, перед теми, кто оспаривал результаты оценки по общим правилам. Понятие «период действия кадастровой стоимости», подчеркнул Суд со ссылкой на пункт 14 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 30.06.2015 № 28 [17], не тождественно понятию «период применения кадастровой стоимости»: возможность пересмотра архивной стоимости сама по себе не означает возможности её ретроспективного применения к уже истёкшим расчётным периодам.

Главный вывод для этой темы дало определение Верховного Суда Российской Федерации от 27.11.2025 № 304-ЭС25-3418 по делу № А27-22862/2023. Арендатор внёс плату по кадастровой стоимости, действовавшей на момент платежа и официально внесённой в реестр недвижимости. Стоимость позже снизили – но платёж всё равно нельзя признать неосновательным обогащением арендодателя. Причина проста: ретроспективный пересчёт нарушил бы стабильность, определённую и предсказуемость гражданских правоотношений, а заодно и баланс частных и публичных интересов, поскольку возврат средств из бюджета оборачивается расходами для соответствующего публично-правового образования.

Схожая логика встречается и в налоговом праве, где действует правило – нельзя придавать обратную силу актам, ухудшающим положение бюджета за счёт ретроспективного применения более выгодных для плательщика показателей налоговой базы, определённых уже после окончания налогового периода. Верховный Суд, применив ту же логику к отношениям, формально оформленным как гражданско-правовой договор аренды, тем самым подтвердил тезис статьи о квазифискальной природе арендной платы, рассчитанной от кадастровой стоимости. Суд защитил стабильность бюджетных поступлений приёмом, который типичен скорее для налоговых споров, чем для классических гражданско-право-

вых – там принцип неосновательного обогащения (статья 1102 ГК РФ), как правило, не знает подобных временных ограничений.

Справедливо и обратное. Логика стабильности расчётного периода защищает не только бюджет от требований о возврате переплаты. Она должна защищать и арендатора – от произвольного применения поправочных коэффициентов, не связанных с датой актуализации кадастровой стоимости. Именно на это указывает практика применения нижегородской методики расчёта арендной платы.

Решением Нижегородского областного суда от 16.06.2021 по делу № 3а-270/2021 «признаны недействующими отдельные положения методики, утверждённой постановлением Правительства Нижегородской области от 04.05.2016 № 247, в той мере, в какой они допускали применение коэффициента индексации без учёта даты определения и даты начала применения кадастровой стоимости земельного участка» [18] – то есть допускали повторное начисление инфляционной надбавки за период, для которого уже была установлена новая, актуализированная кадастровая стоимость. Данный подход был признан противоречащим пункту 11 Методических рекомендаций, утверждённых приказом Минэкономразвития России от 29.12.2017 № 710, согласно которому «изменение кадастровой стоимости само по себе содержит опережающее отражение вероятного роста стоимости земельного участка» [19], вследствие чего применение дополнительного коэффициента инфляции в год изменения кадастровой стоимости не должно допускаться.

Практическое значение позиции было продемонстрировано в решении Арбитражного суда Нижегородской области от 28.07.2025 по делу № А43-8559/2025, в котором суд отказал министерству имущественных и земельных отношений региона во взыскании задолженности по арендной плате, установив, что с учётом применения новой кадастровой стоимости земельного участка, введённой с 1 января 2024 г., и коэффициента индексации, равного единице (в соответствии с ранее состоявшимся решением о признании недействующими отдельных положений методики), у ответчика отсутствовала задолженность за спорный период.

Сравнение дела № А27-22862/2023 (Верховный Суд РФ), дела № А43-8559/2025 (Арбитражный суд Нижегородской области) и решения по делу № 3а-270/2021 выводит на второй тезис работы. Даты пересмотра кадастровой стоимости и связанных с ней коэффициентов должны совпадать. Речь идёт не о мелкой технической детали региональных методик, а о самостоятельном финансово-правовом требовании. Оно вытекает из общих принципов экономической обоснованности и предсказуемости. Стоит датам разойтись – страдают либо бюджет, либо частные интересы, смотря в какую сторону сбился срок.

Заключение

Так, кадастровая стоимость земельного участка, взятая за базу для расчёта арендной платы за публичные земли, работает почти как налоговая база. Арендная плата, установленная от неё без торгов, по своей природе оказывается квазификальным платежом. К платежу правильно применять не только гражданско-правовые, но и финансово-правовые гарантии – экономическую обоснованность, определённую, предсказуемость.

Во-вторых, сравнение региональных методик показало простую вещь: единого подхода нет. Где-то используют модель фиксированного процента, где-то – «формульную модель», где-то – институционально-дифференцированную. Все три модели по-разному балансируют между простотой расчёта и точностью отражения реальной доходности участка. Из-за этого разноречия и возникает много судебных споров.

В-третьих, материалы судебной практики – решение Арбитражного суда Краснодарского края от 08.11.2021 по делу № А32-2996/2021, определение Верховного Суда Российской Федерации от 27.11.2025 № 304-ЭС25-3418 по делу № А27-22862/2023, решение Нижегородского областного суда от 16.06.2021 по делу № 3а-270/2021 и решение Арбитражного суда Нижегородской области от 28.07.2025 по делу № А43-8559/2025 – свидетельствуют о том, что суды, разрешая споры, формально относящиеся к договорным (арендным) отношениям, фактически применяют логику, характерную для финансового права: защиту стабильности расчётного периода, недопусти-

мость ретроспективного изменения базы платежа и требование экономической обоснованности элементов формулы.

В-четвёртых, предложенные в статье меры – придание принципам постановления № 582 статуса общих начал финансово-правового регулирования, синхронизация циклов пересмотра кадастровой стоимости и коэффициентов, индивидуализация коэффициентов по фактическому использованию и симметричная защита стабильности расчётного периода – направлены на устранение выявленных противоречий и могут быть учтены при подготовке изменений в Земельный кодекс Российской Федерации и методические рекомендации, утверждённые приказом Минэкономразвития России от 29.12.2017 № 710.

Дальнейшие исследования в указанном направлении представляются целесообразными в части эмпирической проверки предложенных институционально дифференцированных моделей на материалах иных субъектов Российской Федерации, а также в части анализа влияния изменений, внесённых в статью 39.7 Земельного кодекса Российской Федерации Федеральным законом от 08.08.2024 № 321-ФЗ, на структуру региональных методик после их вступления в силу с 1 января 2026 г.

Проведённое исследование позволяет сформулировать конкретное «законопроектное» предложение. Целесообразно дополнить статью 39.7 Земельного кодекса Российской Федерации пунктом 8 следующего содержания: «Принципы определения арендной платы за земельные участки, находящиеся в государственной или муниципальной собственности, устанавливаемые Правительством Российской Федерации, являются общими началами законодательства об арендной плате за земельные участки, находящиеся в государственной или муниципальной собственности, и подлежат применению при принятии нормативных правовых актов субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления, устанавливающих порядок определения размера такой арендной платы, а также при рассмотрении споров, связанных с её исчислением». Закрепление за принципами Постановления № 582 статуса общих начал, а не рекомендательных ориентиров, устранило бы существующую неопределённость их юриди-

ческой силы, отмеченную в литературе [20, с. 116], и придало бы им значение, аналогичное статье 3 Налогового кодекса Российской Федерации применительно к налогам и сборам.

Одновременно предлагается дополнить статью 39.7 Земельного кодекса Российской Федерации пунктом следующего содержания: «Коэффициенты, применяемые при расчёте арендной платы за земельный участок на основании его кадастровой стоимости, включая коэффициент индексации, не подлежат пересмотру в сторону увеличения размера арендной платы за периоды, предшествующие дате внесения в Единый государственный реестр недвижимости кадастровой стоимости, на основании которой они были рассчитаны». Данная норма синхронизировала бы применение поправочных коэффициентов с датой актуализации кадастровой стоимости и распространила бы на всю территорию Российской Федерации подход, выработанный региональной судебной практикой (решение Нижегородского областного суда от 16.06.2021 по делу №

За-270/2021), одновременно закрепив симметричную гарантию стабильности расчётного периода как для бюджета (по аналогии с определением Верховного Суда Российской Федерации от 27.11.2025 № 304-ЭС25-3418 по делу № А27-22862/2023), так и для арендатора.

Также предлагается прямо предусмотреть в статье 39.7 Земельного кодекса Российской Федерации правило об индивидуальном определении поправочного коэффициента для каждого лица, использующего расположенные на едином земельном участке объекты недвижимости, исходя из фактического вида разрешённого использования принадлежащих ему объектов, без применения к нему коэффициента, соответствующего виду деятельности иных лиц на том же участке. Закрепление правила непосредственно в кодексе, а не только в методических рекомендациях Минэкономразвития России, устранило бы основания для формирования противоречивой региональной практики, критикуемой в доктрине [20, с. 115].

Список литературы:

- [1] *Земельный кодекс Российской Федерации от 25.10.2001 № 136-ФЗ (ред. от 02.05.2026) // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_33773/ (дата обращения: 06.09.2026).*
- [2] *Федеральный закон от 08.08.2024 № 321-ФЗ «О внесении изменений в статьи 39.7 и 65 Земельного кодекса Российской Федерации и статью 3 Федерального закона «О государственной кадастровой оценке» // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_482567/ (дата обращения: 06.09.2026).*
- [3] *Федеральный закон от 29.07.1998 № 135-ФЗ «Об оценочной деятельности в Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19586/ (дата обращения: 06.09.2026).*
- [4] *Федеральный закон от 03.07.2016 № 237-ФЗ «О государственной кадастровой оценке» // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_200504/ (дата обращения: 06.09.2026).*
- [5] *Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 17.11.2011 № 73 «Об отдельных вопросах практики применения правил Гражданского кодекса Российской Федерации о договоре аренды» // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_123451/ (дата обращения: 06.09.2026).*
- [6] *Решение Арбитражного суда Краснодарского края от 08.11.2021 по делу № А32-2996/2021 // СудАкт. URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/c1Vj8FZ2XfLc/?ysclid=mrn3oram6o379013876> (дата обращения: 06.09.2026).*
- [7] *Решение Арбитражного суда Нижегородской области от 28.07.2025 по делу № А43-8559/2025 // СудАкт. URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/3WPphpxHr4V/?ysclid=mrn3oumhj6464157321> (дата обращения: 06.09.2026).*
- [8] *Постановление Правительства Российской Федерации от 16.07.2009 № 582 «Об основных принципах определения арендной платы при аренде земельных участков, находящихся*

- в государственной или муниципальной собственности...» // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_89826/ (дата обращения: 06.09.2026).
- [9] Постановления Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 17.01.2012 № 10034/11 и от 17.04.2012 № 15837/11 // СПС «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=295366> (дата обращения: 06.09.2026).
- [10] Федеральный закон от 25.10.2001 № 137-ФЗ «О введении в действие Земельного кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_33764/ (дата обращения: 06.09.2026).
- [11] Федеральный закон от 03.07.2016 № 237-ФЗ «О государственной кадастровой оценке» // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_200504/ (дата обращения: 06.09.2026).
- [12] Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 27.11.2025 № 304-ЭС25-3418 по делу № А27-22862/2023 // СПС «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=871585> (дата обращения: 06.09.2026).
- [13] Федеральный закон от 31.07.2020 № 269-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_358790/ (дата обращения: 06.09.2026).
- [14] Федеральный закон от 29.07.1998 № 135-ФЗ «Об оценочной деятельности в Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19586/ (дата обращения: 06.09.2026).
- [15] Федеральный закон от 03.07.2016 № 237-ФЗ «О государственной кадастровой оценке» // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_200504/ (дата обращения: 06.09.2026).
- [16] Федеральный закон от 31.07.2020 № 269-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_358790/ (дата обращения: 06.09.2026).
- [17] Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 30.06.2015 № 28 «О некоторых вопросах, возникающих при рассмотрении судами дел об оспаривании результатов определения кадастровой стоимости объектов недвижимости» // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_181899/ (дата обращения: 06.09.2026).
- [18] Решение Нижегородского областного суда от 16.06.2021 по делу № За-270/2021 // СПС «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=SOKI&n=366991> (дата обращения: 06.09.2026).
- [19] Приказ Минэкономразвития России от 29.12.2017 № 710 «Об утверждении Методических рекомендаций по применению основных принципов определения арендной платы при аренде земельных участков, находящихся в государственной или муниципальной собственности» // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_288079/ (дата обращения: 06.09.2026).
- [20] Бондарев А. А., Бугаев К. В. Совершенствование правовых основ расчета арендной платы за земельные участки, находящиеся в государственной и муниципальной собственности в России // Вестник Сибирского института бизнеса и информационных технологий. 2026. Т. 15. № 1. С. 113-118.
- [21] Лапин А. В., Митюшкина Е. Н. Методика расчета платы за земельные участки, предоставляемые органами публичной власти региона в аренду без торгов // Вестник Пермского университета. Серия: Экономика. 2022. Т. 17. № 1. С. 49-64.
- [22] Самсонов Р. А. и др. Механизмы рыночных и регулятивных коэффициентов для определения арендной платы публичных земельных участков в регионе // Экономика региона. 2021. Т. 17. № 2. С. 673-687.

[23] Четверикова К. В. Сущность кадастровой стоимости и сферы ее применения в гражданском праве // Северо-Кавказский юридический вестник. 2019. № 1. С. 112-117.

References:

[1] Land Code of the Russian Federation No. 136-FZ of October 25, 2001 (as amended on May 2, 2026) // ConsultantPlus legal reference system. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_33773/ (accessed: September 6, 2026).

[2] Federal Law No. 321-FZ of August 8, 2024, "On Amendments to Articles 39.7 and 65 of the Land Code of the Russian Federation and Article 3 of the Federal Law 'On State Cadastral Valuation'" // ConsultantPlus legal reference system. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_482567/ (accessed: September 6, 2026).

[3] Federal Law No. 135-FZ of July 29, 1998, "On Valuation Activities in the Russian Federation" // ConsultantPlus legal reference system. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19586/ (accessed: September 6, 2026).

[4] Federal Law No. 237-FZ of July 3, 2016, "On State Cadastral Valuation" // ConsultantPlus legal reference system. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_200504/ (accessed: September 6, 2026). [5] Resolution of the Plenum of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation dated November 17, 2011, No. 73, "On Certain Issues Regarding the Application of the Rules of the Civil Code of the Russian Federation Concerning Lease Agreements" // ConsultantPlus Legal Reference System. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_123451/ (accessed: September 6, 2026).

[6] Decision of the Arbitration Court of Krasnodar Krai dated November 8, 2021, in Case No. A32-2996/2021 // SudAkt. URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/c1Vj8FZ2XfLc/?ysclid=mr3or60379013876> (accessed: September 6, 2026).

[7] Decision of the Arbitration Court of Nizhny Novgorod Oblast dated July 28, 2025, in Case No. A43-8559/2025 // SudAkt. URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/3WPpHxHr4V/?ysclid=mr3oumhj6464157321> (accessed: September 6, 2026).

[8] Decree of the Government of the Russian Federation dated July 16, 2009, No. 582, "On the Basic Principles for Determining Rent for the Lease of Land Plots Owned by the State or Municipalities..." // ConsultantPlus Legal Reference System. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_89826/ (accessed: September 6, 2026). [9] Rulings of the Presidium of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation dated January 17, 2012, No. 10034/11, and dated April 17, 2012, No. 15837/11 // ConsultantPlus legal reference system. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=295366> (accessed: September 6, 2026).

[10] Federal Law No. 137-FZ of October 25, 2001, "On the Enactment of the Land Code of the Russian Federation" // ConsultantPlus legal reference system. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_33764/ (accessed: September 6, 2026).

[11] Federal Law No. 237-FZ of July 3, 2016, "On State Cadastral Valuation" // ConsultantPlus legal reference system. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_200504/ (accessed: September 6, 2026).

[12] Ruling of the Judicial Collegium for Economic Disputes of the Supreme Court of the Russian Federation dated November 27, 2025, No. 304-ES25-3418, in case No. A27-22862/2023 // ConsultantPlus legal reference system. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=871585> (accessed: 06.09.2026).

[13] Federal Law No. 269-FZ of July 31, 2020, "On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation" // ConsultantPlus legal reference system. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_358790/ (accessed: 06.09.2026).

[14] Federal Law No. 135-FZ of July 29, 1998, "On Valuation Activities in the Russian Federation" // ConsultantPlus legal reference system. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19586/ (accessed: 06.09.2026).

[15] Federal Law No. 237-FZ of July 3, 2016, "On State Cadastral Valuation" // ConsultantPlus legal reference system. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_200504/ (accessed: 06.09.2026).

[16] Federal Law No. 269-FZ of July 31, 2020, "On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation" // ConsultantPlus legal reference system. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_358790/ (accessed: 06.09.2026). [17] Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated June 30, 2015, No. 28 "On Certain Issues Arising in the Adjudication by Courts of Cases Challenging the Results of Determining the Cadastral Value of Real Estate Objects" // "ConsultantPlus" Legal Reference System. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_181899/ (accessed: September 6, 2026).

[18] Decision of the Nizhny Novgorod Regional Court dated June 16, 2021, in Case No. 3a-270/2021 // "ConsultantPlus" Legal Reference System. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=SOKI&n=366991> (accessed: September 6, 2026).

[19] Order of the Ministry of Economic Development of Russia dated December 29, 2017, No. 710 "On Approval of Methodological Recommendations for the Application of Basic Principles for Determining Rent for Land Plots Owned by the State or Municipalities" // "ConsultantPlus" Legal Reference System. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_288079/ (accessed: September 6, 2026).

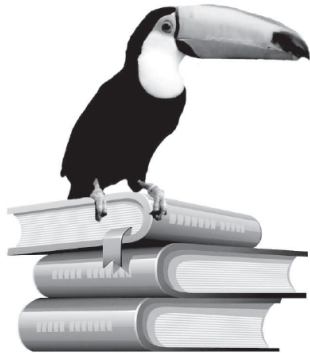
[20] Bondarev A. A., Bugaev K. V. Improving the Legal Framework for Calculating Rent for Land Plots Owned by the State or Municipalities in Russia // Bulletin of the Siberian Institute of Business and Information Technologies. 2026. Vol. 15. No. 1. pp. 113–118.

[21] Lapin A. V., Mityushkina E. N. Methodology for calculating the rent for land plots leased from regional public authorities without competitive bidding // Perm University Herald. Series: Economics. 2022. Vol. 17. No. 1. pp. 49–64.

[22] Samsonov R. A. et al. Mechanisms for applying market and regulatory coefficients to determine the rent for publicly owned land plots in a region // Economy of the Region. 2021. Vol. 17. No. 2. pp. 673–687.

[23] Chetverikova K. V. The essence of cadastral value and its scope of application in civil law // North Caucasus Legal Bulletin. 2019. No. 1. pp. 112–117.





ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

Дата поступления рукописи в редакцию: 01.09.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 14.10.2026 г.

DOI: 10.24412/3034-4395-2026-4-60-65

РЯБОВА Александра Джемовна,
магистрант Института магистратуры и заочного обучения,
Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
«Саратовская государственная юридическая академия», Россия, г. Саратов,
e-mail: ly@myalex.ru

ФОРМИРОВАНИЕ АДВОКАТОМ ПРАВОВОЙ ПОЗИЦИИ ПРИ РАССМОТРЕНИИ ЖАЛОБ НА ДЕЙСТВИЯ (БЕЗДЕЙСТВИЕ) АРБИТРАЖНОГО УПРАВЛЯЮЩЕГО

Аннотация. В статье исследуется формирование адвокатом правовой позиции при защите арбитражного управляющего по жалобам на его действия (бездействие). Цель исследования состоит в выявлении структуры предмета доказывания по жалобе и построении на ее основе функциональной классификации защитных правовых позиций. На основе доктринальных источников, правовых позиций Верховного Суда Российской Федерации и анализа судебных актов 2026 года выделены три уровня опровержения доводов заявителя: нормативный, фактический и последственный. Обосновывается самостоятельное значение стандарта добросовестности и разумности поведения управляющего.

Ключевые слова: адвокат, правовая позиция, арбитражный управляющий, банкротство, жалоба, обособленный спор, доказывание, добросовестность.

RYABOVA Aleksandra Dzhemovna,
Master's student, Institute of Master's and Distance Learning,
Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education
'Saratov State Law Academy', Russia, Saratov

FORMATION OF AN ADVOCATE'S LEGAL POSITION IN CONSIDERING COMPLAINTS AGAINST THE ACTIONS (INACTION) OF AN INSOLVENCY PRACTITIONER

Annotation. The article examines the formation of an advocate's legal position when defending an insolvency practitioner against complaints concerning the practitioner's actions or inaction. The study aims to identify the structure of the subject of proof in such disputes and to develop a functional classification of defence positions. Drawing on doctrinal sources, current approaches of the Supreme Court of the Russian Federation and judicial decisions rendered in 2026, the article distinguishes three levels for rebutting a complaint: normative, factual and consequential. It also substantiates the independent role of the standards of good faith and reasonableness.

Key words: advocate, legal position, insolvency practitioner, bankruptcy, complaint, separate dispute, evidence, good faith.

Обжалование действий (бездействия) арбитражного управляющего представляет собой самостоятельный механизм судебной защиты в деле о несостоятельности (банкротстве). Пункт 1 статьи 60 Федерального закона от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» связывает рассмотрение жалобы с нарушением прав и

законных интересов лиц, участвующих в деле о банкротстве [6]. Процессуальная специфика таких споров получила дополнительное развитие в Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 17.12.2024 № 40: жалобы на действия (бездействие) арбитражных управляющих рассматриваются как обособленные споры, для которых установлены специальные правила извещения саморегулируемой организации, органа по контролю (надзору) и страховщика ответственности [5, п. 38].

Формирование правовой позиции предполагает соединение правовой квалификации фактов и их доказательственной оценки. В. Г. Гудушаури относит к работе адвоката по формированию и реализации позиции первоначальное интервьюирование, сбор доказательств и правовую квалификацию спорного правоотношения [2, с. 37]. Специфика применения этого подхода в банкротстве определяется особым профессиональным статусом арбитражного управляющего. М. Ф. Касимов отмечает, что в его деятельности одновременно затрагиваются интересы кредитора, должника и общества [3, с. 44]. Пункт 4 статьи 20.3 Закона о банкротстве предписывает управляющему действовать добросовестно и разумно в интересах должника, кредиторов и общества [6]. Оценка добросовестного поведения управляющего не исчерпывается установлением формального факта совершения либо несовершения отдельного действия.

Доказывание в обособленных спорах обладает самостоятельными особенностями. Ю. Д. Подольский указывает на использование различных стандартов доказывания, доказательственных презумпций и специального распределения бремени доказывания в зависимости от вида обособленного спора [15, с. 60]. Н. А. Аблятипова и В. Ю. Еремин связывают оценку поведения арбитражного управляющего с категорией добросовестности и обращают внимание на значение существенности допущенного нарушения [1, с. 221]. Верховный Суд Российской Федерации также исходит из недопустимости сугубо формальной оценки деятельности управляющего: при определении надлежащей модели поведения учитываются цели процедуры, экономический смысл совершаемых действий и баланс интересов ее

участников [8; 9]. Это позволяет рассматривать правовую позицию по жалобе как систему проверки всех юридически значимых обстоятельств.

В настоящем исследовании предлагается исходить из того, что предмет доказывания по жалобе включает взаимосвязанные вопросы: существовала ли у управляющего юридическая обязанность; было ли фактическое поведение надлежащим с учетом содержания обязанности и стандартов добросовестности и разумности; повлекло ли спорное поведение нарушение прав или законных интересов заявителя. В зависимости от того, какой из этих элементов опровергается, могут быть выделены три функциональные модели защитной правовой позиции. Доказательства обеспечивают проверяемость каждого из названных элементов.

Модель I. Отсутствие юридической обязанности. Применяется тогда, когда заявитель вменяет управляющему несовершение действия, обязанность по совершению которого в конкретной фактической ситуации законом не установлена. Показательным является определение Арбитражного суда города Санкт-Петербурга и Ленинградской области от 17.09.2026 по делу № А56-106710/2024. Кредитор ссылался на неопубликование результатов собрания кредиторов. Суд установил, что решение об опубликовании протокола собранием не принималось, а потому предусмотренное абзацем 11 пункта 2 статьи 213.7 Закона о банкротстве условие возникновения обязанности по публикации не наступило [10]. Аналогичный нормативный подход отражен в пункте 32 Обзора судебной практики по вопросам участия арбитражного управляющего от 11.10.2023: управляющему не может вменяться неразмещение в ЕФРСБ сведений, обязанность по публикации которых законом не предусмотрена [8, п. 32]. Для данной модели определяющим является точное установление нормативных и фактических предпосылок возникновения обязанности.

Модель II. Надлежащее исполнение существующей обязанности. Предметом разноголосий становится фактическое поведение управляющего и его соответствие требуемому стандарту. В определении Арбитражного суда Кировской области от 18.06.2026 по делу

№ А28-12808/2024 оценивались документы, подтверждавшие выбранный должником способ получения денежных средств через третье лицо и их фактическую передачу. Суд пришел к выводу о недоказанности ненадлежащего исполнения обязанности и нарушения прав должника [12]. В определении Арбитражного суда города Санкт-Петербурга и Ленинградской области от 23.08.2026 по делу № А56-25965/2025 суд учел отсутствие в первоначальном обращении необходимых реквизитов, последующее направление управляющим согласий на самостоятельное снятие денежных средств и банковские выписки, подтверждавшие получение средств должником [11]. В этой модели правовая позиция должна подтверждать своевременность, полноту и соответствие поведения управляющего требованиям разумности и добросовестности.

Модель III. Отсутствие нарушения прав или законных интересов заявителя. Применяется в ситуации, когда наличие обязанности и отдельное отступление от установленного порядка не разрешают спор. Для удовлетворения жалобы по статье 60 Закона о банкротстве необходимо установить связь оспариваемого поведения с нарушением прав или законных интересов заявителя [6]. Так, в определении Арбитражного суда Самарской области от 03.07.2026 по делу № А55-2727/2025 кредитор оспаривал порядок оценки и реализации гаража и непредставление отдельных документов. Суд отметил, что кредитор не доказал реализацию имущества по заниженной цене и не раскрыл, каким образом непредставление документов повлияло на конкурсную массу либо размер его требований [13]. Поэтому для данной модели ключевое значение имеет конкретизация защищаемого права или законного интереса и объяснение того, каким образом спорное поведение могло на него воздействовать.

Разграничение трех моделей не устраняет необходимости самостоятельной оценки доказательств. Содержание требуемого доказательственного комплекса зависит от того, какой элемент предмета доказывания является спорным. Это особенно наглядно проявилось в определении Арбитражного суда Сахалинской области от 22.07.2026 по делу № А59-6320/2025. Финансовый управляющий

ссылался на произведенные выплаты прожиточного минимума, однако в материалах обособленного спора отсутствовали документы, подтверждающие фактическую выплату либо передачу денежных средств, а также необходимые банковские документы. Жалоба была удовлетворена частично [14]. Данный пример показывает, что ссылка на исполнение обязанности не заменяет доказательств факта и результата ее исполнения.

Критерии достаточности доказательств различаются в зависимости от избранного уровня опровержения. При отрицании самой обязанности значение имеют нормативные предпосылки ее возникновения и факты, с которыми закон связывает наступление обязанности. При доказывании надлежащего исполнения необходимы сведения, позволяющие установить содержание действия, срок его совершения, результат и соответствие поведения профессиональному стандарту. При отрицании нарушения прав заявителя доказательственное значение имеют содержание конкретного права или законного интереса и фактическая связь спорного поведения с его предполагаемым нарушением. Такой подход позволяет отделить вопрос о правомерности поведения управляющего от вопроса о доказанности соответствующих обстоятельств.

Самостоятельного разграничения требуют основания удовлетворения жалобы и вопрос о применении к арбитражному управляющему иных неблагоприятных правовых последствий. Пункты 28 и 28.1 Обзора Верховного Суда Российской Федерации от 11.10.2023 связывают отстранение управляющего не с любым формальным нарушением, а с оценкой его существенности, причиненного вреда и того, ставит ли допущенное нарушение под сомнение добросовестность, независимость или компетентность управляющего [8, п. 28, 28.1]. В спорах о взыскании убытков, в свою очередь, самостоятельное значение имеют наличие убытков и причинная связь между неправомерным поведением и неблагоприятным имущественным результатом; этот подход отражен и в Обзоре судебной практики разрешения споров о несостоятельности (банкротстве) за 2025 год, утвержденном 29.04.2026 [7]. Поэтому критерии отстранения и гражданско-правовой ответственности не должны

механически переноситься на вопрос о наличии оснований для удовлетворения жалобы по статье 60 Закона о банкротстве.

Предложенная классификация позволяет объяснить различия в судебной оценке сходных по форме жалоб. Отсутствие нормативной обязанности исключает противоправность вменяемого бездействия; надлежащее исполнение опровергает фактическую основу жалобы; отсутствие нарушения права или законного интереса исключает необходимый для жалобы по статье 60 результат спорного поведения. Доказательственная стратегия является производной от того, какой из названных элементов подвергается опровержению. Практическое значение такого подхода состоит в возможности заранее определить релевантный доказательственный комплекс и не подменять один элемент предмета доказывания другим.

Таким образом, правовая позиция адвока-

та при защите арбитражного управляющего по жалобе на его действия (бездействие) может быть представлена как система последовательного опровержения элементов предмета доказывания на нормативном, фактическом и последственном уровнях. При этом стандарт добросовестности и разумности, закрепленный пунктом 4 статьи 20.3 Закона о банкротстве, прониживает оценку содержания обязанности и способа ее исполнения. Эмпирическую основу исследования составили актуальные судебные акты 2026 года по жалобам на действия финансовых управляющих; они используются не для установления количественно преобладающего судебного подхода, а для апробации предложенной классификации. Общие критерии оценки поведения управляющего определяются прежде всего правовыми позициями Верховного Суда Российской Федерации.

Список литературы:

[1] Аблятипова Н. А., Еремин В. Ю. Проблематика принципа добросовестности в деятельности арбитражного управляющего в рамках дела о несостоятельности (банкротстве) // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. 2019. Т. 5 (71). № 3. С. 217–225.

[2] Гудушаури В. Г. Понятие и сущность правовой позиции адвоката по гражданскому делу // Евразийская адвокатура. 2018. № 4 (35). С. 37–39.

[3] Касимов М. Ф. Особенности правового положения арбитражного управляющего как субъекта профессиональной деятельности, занимающегося частной практикой // Закон и право. 2025. № 4. С. 44–47.

[4] О некоторых процессуальных вопросах, связанных с рассмотрением дел о банкротстве: Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 22.06.2012 № 35 // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. 2012. № 8.

[5] О некоторых вопросах, связанных с введением в действие Федерального закона от 29.05.2024 № 107-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» и статью 223 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации»: Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 17.12.2024 № 40. // Верховный Суд Российской Федерации. URL: <https://vsrf.ru/documents/own/34137/> (дата обращения: 29.09.2026).

[6] О несостоятельности (банкротстве): Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 43. Ст. 4190.

[7] О судебной практике разрешения споров о несостоятельности (банкротстве) за 2025 год: обзор, утв. постановлением Президиума Верховного Суда Российской Федерации от 29.04.2026 № 7А/2026. // Верховный Суд Российской Федерации. URL: <https://vsrf.ru/documents/all/35816/> (дата обращения: 29.09.2026).

[8] Обзор судебной практики по вопросам участия арбитражного управляющего в деле о банкротстве: утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 11.10.2023. // Верховный Суд Российской Федерации. URL: <https://vsrf.ru/documents/all/33022/> (дата обращения: 29.09.2026).

[9] Обзор судебной практики по делам о банкротстве граждан: утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 18.06.2025. // Верховный Суд Российской Федерации. URL: <https://vsrf.ru/documents/all/34516/> (дата обращения: 29.09.2026).

[10] Определение Арбитражного суда города Санкт-Петербурга и Ленинградской области от 17.09.2026 по делу № А56-106710/2024/жал.1. // СудАкт. (дата обращения: 29.09.2026).

[11] Определение Арбитражного суда города Санкт-Петербурга и Ленинградской области от 23.08.2026 по делу № А56-25965/2025. // СудАкт. (дата обращения: 29.09.2026).

[12] Определение Арбитражного суда Кировской области от 18.06.2026 по делу № А28-12808/2024. // СудАкт. (дата обращения: 29.09.2026).

[13] Определение Арбитражного суда Самарской области от 03.07.2026 по делу № А55-2727/2025. // СудАкт. (дата обращения: 29.09.2026).

[14] Определение Арбитражного суда Сахалинской области от 22.07.2026 по делу № А59-6320/2025. // СудАкт. (дата обращения: 29.09.2026).

[15] Подольский Ю. Д. Доказывание в обособленных спорах // Евразийская адвокатура. 2018. № 3 (34). С. 60–64.

References:

[1] Ablyatipova N. A., Eremin V. Yu. Issues Concerning the Principle of Good Faith in the Activities of an Arbitration Manager within the Framework of Insolvency (Bankruptcy) Proceedings // Scientific Notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Juridical Sciences. 2019. Vol. 5 (71). No. 3. pp. 217–225.

[2] Gudushauri V. G. The Concept and Essence of an Attorney's Legal Position in a Civil Case // Eurasian Advocacy. 2018. No. 4 (35). pp. 37–39.

[3] Kasimov M. F. Specifics of the Legal Status of an Arbitration Manager as a Professional Engaged in Private Practice // Law and Legislation. 2025. No. 4. pp. 44–47.

[4] On Certain Procedural Issues Related to the Adjudication of Bankruptcy Cases: Resolution of the Plenum of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation dated June 22, 2012, No. 35 // Bulletin of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation. 2012. No. 8.

[5] On Certain Issues Related to the Implementation of Federal Law No. 107-FZ of May 29, 2024, "On Amendments to the Federal Law 'On Insolvency (Bankruptcy)' and Article 223 of the Arbitration Procedural Code of the Russian Federation": Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated December 17, 2024, No. 40 // Supreme Court of the Russian Federation. URL: <https://vsrf.ru/documents/own/34137/> (accessed: 29.09.2026).

[6] On Insolvency (Bankruptcy): Federal Law No. 127-FZ of October 26, 2002 // Collected Legislation of the Russian Federation. 2002. No. 43. Art. 4190.

[7] On Judicial Practice in Resolving Insolvency (Bankruptcy) Disputes for 2025: Review, approved by the Resolution of the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation No. 7A/2026 of April 29, 2026 // Supreme Court of the Russian Federation. URL: <https://vsrf.ru/documents/all/35816/> (accessed: 29.09.2026).

[8] Review of Judicial Practice Regarding the Participation of an Arbitration Manager in Bankruptcy Proceedings: approved by the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation on October 11, 2023 // Supreme Court of the Russian Federation. URL: <https://vsrf.ru/documents/all/33022/> (accessed: 29.09.2026).

[9] Review of Judicial Practice in Bankruptcy Cases Involving Individuals: approved by the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation on June 18, 2025 // Supreme Court of the Russian Federation. URL: <https://vsrf.ru/documents/all/34516/> (accessed: 29.09.2026). [10] Ruling of the Arbitration Court of the City of St. Petersburg and Leningrad Region dated September 17, 2026, in case No. А56-106710/2024/appeal 1. // СудАкт. (accessed: September 29, 2026).

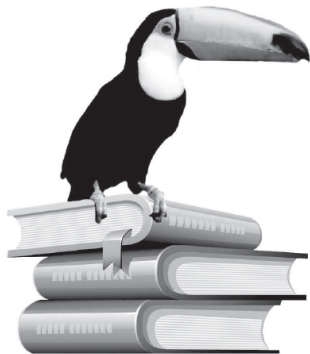
[11] Ruling of the Arbitration Court of the City of St. Petersburg and Leningrad Region dated August 23, 2026, in case No. А56-25965/2025. // СудАкт. (accessed: September 29, 2026).

[12] Ruling of the Arbitration Court of Kirov Region dated June 18, 2026, in case No. A28-12808/2024. // *SudAkt*. (accessed: September 29, 2026).

[13] Ruling of the Arbitration Court of Samara Region dated July 3, 2026, in case No. A55-2727/2025. // *SudAkt*. (accessed: September 29, 2026).

[14] Ruling of the Arbitration Court of Sakhalin Region dated July 22, 2026, in case No. A59-6320/2025. // *SudAkt*. (accessed: September 29, 2026).

[15] Podolsky Yu. D. Evidentiary Proof in Separate Disputes // *Eurasian Advocacy*. 2018. No. 3 (34). pp. 60–64.



Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

ФОМИЧЕВА Мария Вячеславовна,
студент 5 курса юридического факультета
СЗИУ РАНХИГС,
г. Санкт-Петербург,
e-mail: mfomicheva-22-01@ranepa.ru

РОМАНОВА Наталья Владимировна,
кандидат юридических наук, старший преподаватель
кафедры гражданского и трудового права,
юридического факультета СЗИУ РАНХИГС,
г. Санкт-Петербург,
e-mail: romanova-nav@ranepa.ru

**ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ ПРОБЕЛЫ В ГЛАВЕ 31 ГПК РФ:
ОБРАТНЫЙ ПРОЦЕСС ВОССТАНОВЛЕНИЯ ДЕЕСПОСОБНОСТИ
КАК «НЕДОСТАЮЩЕЕ ЗВЕНО»**

Аннотация. Рассматривается восстановление дееспособности как «обратный процесс» по отношению к признанию гражданина недееспособным или ограниченно дееспособным и как «недостающее звено» действующего правового регулирования. На основе анализа доктрины и судебной практики систематизируются процессуальные пробелы. Отсутствие требований к форме и содержанию заявления, сроков рассмотрения дела, неопределенность круга лиц, имеющих право на обращение в суд, порядок назначения судебно-психиатрической экспертизы, распределение бремени доказывания, а также процессуальный статус органов опеки и попечительства, законных представителей и психиатрических учреждений.

Целью настоящей статьи является выявить и систематизировать процессуальные пробелы в главе 31 ГПК РФ, касающиеся восстановления дееспособности.

Ключевые слова: восстановление дееспособности, признание гражданина недееспособным, ограничение дееспособности, процессуальные пробелы, глава 31 ГПК РФ, статья 286 ГПК РФ, особое производство, судебно-психиатрическая экспертиза, бремя доказывания, процессуальный статус, прокурорский надзор, защита прав лиц с психическими расстройствами.

FOMICHEVA Maria Vyacheslavovna,
5th-year student, Faculty of Law,
North-West Institute of Management of the RANEPa,
St. Petersburg

ROMANOVA Natalya Vladimirovna,
Candidate of Legal Sciences (PhD in Law), Senior Lecturer,
Department of Civil and Labor Law,
Faculty of Law, North-West Institute of Management of the RANEPa,
St. Petersburg

**PROCEDURAL GAPS IN CHAPTER 31 OF THE
CODE OF CIVIL PROCEDURE OF THE RUSSIAN FEDERATION:
REVERSE PROCESS OF RESTORING CAPACITY AS A “MISSING LINK”**

Annotation. *The restoration of legal capacity is considered as a “reverse process” in relation to declaring a citizen incapacitated or having limited legal capacity, and as a “missing link” in the current legal regulation. Based on an analysis of doctrine and judicial practice, procedural gaps are systematized. These include the absence of requirements regarding the form and content of the application, the timeframes for considering the case, the uncertainty regarding the circle of persons entitled to file a lawsuit, the procedure for appointing a forensic psychiatric examination, the distribution of the burden of proof, as well as the procedural status of guardianship and custody authorities, legal representatives, and psychiatric institutions.*

The purpose of this article is to identify and systematize the procedural gaps in Chapter 11 of the Code of Civil Procedure of the Russian Federation concerning the restoration of legal capacity.

Key words: *restoration of legal capacity, recognition of a citizen as incapacitated, restriction of legal capacity, procedural gaps, Chapter 31 of the Civil Procedure Code of the Russian Federation, Article 286 of the Civil Procedure Code of the Russian Federation, special proceedings, forensic psychiatric examination, burden of proof, procedural status, prosecutorial supervision, protection of the rights of persons with mental disorders.*

Введение

Актуальность темы исследования.

Актуальность данной научной статьи обусловлена конституционной гарантией права на судебную защиту (ч. 1 ст. 46 Конституции РФ). Для всех граждан это означает возможность подать иск в суд, чтобы защитить свои интересы. В случае с дееспособностью это должно выглядеть как определенный механизм. Начиная с того как ограничить права человека при болезни и завершая тем, как конкретно вернуть свои права при выздоровлении. Сам институт восстановления дееспособности является логическим завершением механизма защиты лиц с психическими расстройствами, однако в главе 31 ГПК РФ он регламентирован фрагментарно.

Процедура признания лица недееспособным раскрывается в нескольких статьях (ст. 281-285 ГПК РФ). А восстановление утраченной дееспособности, описана лишь в одной бланкетной норме (ст. 286 ГПК РФ), в которой не содержатся ответы на вопросы, которые могут возникнуть при рассмотрении дела.

Проблема восстановления дееспособности на сегодняшний день имеет не только теоретический характер, но и получила подтверждение в судебной практике. Анализ данных судов общей юрисдикции фиксирует рост числа дел о восстановлении дееспособности.

Исследование

Институт восстановления дееспособности занимает особое место в системе гражданского процессуального права. Данный

институт предназначен для лиц, ранее признанных судом недееспособными или ограниченно дееспособными вследствие психического расстройства. По мнению Д.Е. Зайкова, гражданская процессуальная дееспособность представляет собой комплексную правовую категорию, а ее классификация и специфика нормативного регулирования нуждаются в углубленном анализе. Восстановление дееспособности при этом рассматривается как процесс, обратный признанию лица недееспособным или ограниченно дееспособным.

С доктринальной точки зрения необходимо разграничивать восстановление дееспособности и ее первичное приобретение (по достижении 18 лет, а в исключительных случаях – 16 лет). Восстановление всегда базируется на факте предшествующего ограничения и предполагает устранение тех медицинских и юридических обстоятельств, которые изначально послужили основанием для судебного решения.

Историко-правовой анализ показывает, что проблема изменения правового статуса личности имеет глубокие корни. В римском праве правосубъектность индивида складывалась из трех статусов (свободы, гражданства и семьи), а ее изменение (*capitis deminutio*) влекло существенные последствия для всех сфер жизни гражданина. Как отмечает Н.В. Романова, «изменение правосубъектности гражданина римского общества затрагивает все сферы его жизни – личную, имущественную, религиозную». Это подтверждает, что восстановление дееспособности как обратный процесс не мо-

жет регулироваться фрагментарно, поскольку затрагивает фундаментальные права личности.

Как отмечает Т.А. Литвин, суд при рассмотрении дела оценивает текущее состояние гражданина, а не его статус в прошлом. Суд не исправляет ошибку первоначального решения. Он назначает новое разрешение дела по существу в связи с изменившимися обстоятельствами. Исходя из вышесказанного данный институт имеет процессуальное различие. При лишении гражданина дееспособности, суд устанавливает, есть ли у лица психическое расстройство, которое может послужить основанием для признания недееспособным. А при восстановлении дееспособности, суд уже должен подтвердить, что психическое состояние человека значительно улучшилось и в таком случае, гражданина можно восстановить в его дееспособности.

Восстановление дееспособности представляет собой правовой институт, имеющий двойственную природу (материально-правовую и процессуальную). Он рассматривается как материально-правовой институт, регламентированный ст. 29 и ст. 30 ГК РФ. Процессуальные аспекты закреплены в ст. 286 ГПК РФ, хоть и фрагментарно.

Согласно ст. 29 ГК РФ, гражданин может быть признан недееспособным в судебном порядке. Для этого важно, чтобы у лица имелось психическое расстройство, из-за которого он не может понимать значение своих действий или руководить ими. Статья 30 ГК РФ предусматривает ограничение дееспособности граждан, вследствие пристрастия к азартным играм, злоупотребления спиртными напитками или наркотическими средствами, а также ставит свою семью в тяжелое материальное положение. Восстановление дееспособности в приведенных случаях осуществляется в соответствии со ст. 286 ГПК РФ.

Для восстановления дееспособности необходимо наличие стойкого улучшения психического состояния. Данный факт должен быть официально подтвержден заключением судебно-психиатрической экспертизы. Как отмечает Е.В. Михайлова, дела о лишении и ограничении обладают правовой спецификой. По мнению автора, эти особенности необходимо учитывать при рассмотрении процессов о воз-

вращении дееспособности. Такая специфика обусловлена тем, что восстановление статуса напрямую затрагивает фундаментальные права человека. В первую очередь речь идет о праве граждан самостоятельно осуществлять свои права и исполнять обязанности.

Необходимо также отметить позицию С.Н. Котарева, согласно которой законодателю следует особо выделять специальные способы защиты прав лиц, признанных недееспособными или ограниченно дееспособными. Восстановление дееспособности он относит именно к числу таких способов, поскольку данная процедура имеет целью возвращение гражданину его правового статуса. При этом важно подчеркнуть, что восстановление дееспособности не выступает мерой ответственности или наказанием, а является правосстановительной мерой, призванная обеспечить права и законные интересы гражданина.

Если говорить о рассмотрении дел в суде, то восстановление дееспособности относится к особому производству. Дело в том, что в таких делах отсутствует спор о праве, а суд устанавливает лишь юридический факт. Отнесение дел о восстановлении дееспособности к особому производству имеет существенное значение как для теории, так и для судебной практики. Прежде всего, это определяет саму суть процесса. Суд не разрешает правовой спор между конфликтующими сторонами. Он подтверждает наличие или отсутствие юридических фактов. В таких процессах пересекаются частные и публичные интересы. С одной стороны, лицо возвращает себе юридическую самостоятельность. А с другой — это повторная процедура, в которой обязательно участвуют заявитель, заинтересованные лица, прокурор и представители органа опеки и попечительства. Их присутствие необходимо для защиты как самого гражданина, так и его потенциальных контрагентов, с которыми он будет заключать сделки. Если ограничение дееспособности выполняет защитную функцию, то ее восстановление носит реабилитационный характер. Также в данных делах суд не может занимать пассивную позицию. Он обязан самостоятельно и всесторонне изучить все обстоятельства дела и не ограничиваться только доказательствами сторон.

В действующем законодательстве дела о восстановлении дееспособности не вынесены в отдельную главу ГПК РФ. Как отмечает Т.А. Литвин, судебная практика по применению института ограничения дееспособности граждан указывает на потребность в совершенствовании законодательства. Эта же проблема касается и восстановления дееспособности. Глава 31 ГПК РФ, регулирующая признание гражданина недееспособным или ограниченно дееспособным, не включает специальных норм о восстановлении дееспособности. Как уже указывалось в настоящей работе, статья 286 ГПК РФ описывает восстановление дееспособности лишь фрагментарно, отсылая к иным нормам.

Такая ситуация выглядит нелогичной. Восстановление дееспособности представляет собой правовой институт, который требует отдельного процессуального регулирования. По мнению Е.В. Михайлова, правовая природа дел о лишении и ограничении дееспособности гражданина обладает существенными особенностями, которые должны приниматься во внимание и при рассмотрении дел о восстановлении дееспособности.

Кроме того, отсылочный характер статьи 286 ГПК РФ порождает правовую неопределенность. Остается неясным, какие конкретно положения главы 31 ГПК РФ распространяются на восстановление дееспособности, а какие – нет. Подобная двусмысленность осложняет правоприменительную практику и создает условия для судебных ошибок.

Статья 286 ГПК РФ закрепляет возможность признания гражданина дееспособным при отпадении оснований для его недееспособности. При этом норма не содержит необходимых процессуальных деталей. Не определены сроки рассмотрения дела и не конкретизирован порядок проведения экспертизы.

Исследователи в данной сфере указывают, что действующее законодательство не учитывает специфику «обратного» процесса, который требует иных процессуальных гарантий. Это создает правовую неопределенность и затрудняет реализацию права на восстановление дееспособности.

Отсутствие четкой процессуальной формы проявляется в нескольких аспектах. Во-пер-

вых, нет определенного порядка подачи заявления о восстановлении дееспособности. Во-вторых, не установлены требования к содержанию такого заявления. В-третьих, нет сроков рассмотрения дела. Также не регламентирован порядок проведения судебно-психиатрической экспертизы и не определены особенности вынесения решения по данной категории дел.

Одной из наиболее острых вопросов остается определение круга лиц, имеющих право на обращение в суд с заявлением о восстановлении дееспособности. Статья 286 ГПК РФ не содержит прямого указания на то, может ли сам гражданин, ранее признанный недееспособным, обратиться в суд. Однако ч. 2 ст. 286 ГПК РФ создает специальную гарантию: гражданин, признанный недееспособным, вправе лично или через представителя просить суд о восстановлении статуса. Эта норма действует как прямое исключение из перечня субъектов, установленного частью 1 той же статьи.

Как отмечает Д.Ю. ИONOVA, гражданская процессуальная дееспособность предполагает способность своими действиями осуществлять процессуальные права и исполнять процессуальные обязанности. Но гражданин, признанный недееспособным, такой способности не обладает. В результате чего возникает парадоксальная ситуация. Лицо, чья дееспособность должна быть восстановлена, не может инициировать соответствующий процесс.

В юридической науке обосновывается необходимость прямо прописать в ГПК РФ право самого гражданина подавать заявление о восстановлении дееспособности. Такой шаг обеспечил бы реальную защиту прав людей с психическими расстройствами.

Помимо этого, в законе не определен круг иных лиц, уполномоченных инициировать данную процедуру. Неясно, вправе ли подавать заявление родственники, действующий законный представитель, орган опеки и попечительства или психиатрическое учреждение. Действующее законодательство не дает однозначного ответа на этот счет.

Дело в том, что граждане все чаще стали достигать ремиссии и стремятся вернуть свои утраченные юридические права. Но есть важ-

ный момент в том, что неполнота закона порождает отсутствие единообразных подходов к таким делам, из-за чего нарушается принцип равенство всех перед законом и судом.

Обратимся к судебной практике, где наглядно показаны дела о восстановлении дееспособности граждан. Абазинским районным судом рассмотрено гражданское дело по заявлению ГБУ РХ «Абазинский психоневрологический интернат» о признании опекаемого лица дееспособным. В ходе рассмотрения дела судом установлено, что в 1998 году решением суда заинтересованное лицо признано недееспособным в несовершеннолетнем возрасте. Впоследствии состояние его здоровья значительно улучшилось, в полном объеме владеет социально-бытовыми и культурно-гигиеническими навыками, работает, в лечении не нуждается, в 2025 году обратился с заявлением к руководителю учреждения об оказании содействия в восстановлении дееспособности.

В целях разрешения поставленного вопроса, судом назначена судебно-психиатрическая экспертиза, согласно заключению которой подэкспертный в настоящее время способен понимать значение своих действий и руководить ими (самостоятельно, без помощи других лиц). К данным выводам комиссия экспертов пришла на основании результатов обследования, сведений об успешной социальной, учебной, трудовой адаптации подэкспертного, не найдя подтверждения ранее установленного в отношении него диагноза.

Также можно рассмотреть дело Ногинского городского суда (Московская область) от 17 марта 2025 г. по делу № 2-131/2025. Гражданин, ранее признанный недееспособным из-за хронического психического расстройства (шизофрении) и проживающий в филиале «Богородский» ГБУ Дома социального обслуживания «Вешняки», обратился в 2025 году в Ногинский городской суд с заявлением о восстановлении дееспособности. Мужчина утверждал, что его состояние здоровья значительно улучшилось: с 2017 года он не проходил лечение в психиатрических стационарах, полностью себя обслуживает — готовит, стирает и убирается, а также активно трудится на территории интерната (работает в теплицах, разгружает машины с бельем и памперсами).

Свои требования он обосновал желанием выйти на работу, создать семью, помогать матери по хозяйству и самостоятельно распоряжаться своими денежными средствами. Позиция заявителя была поддержана администрацией социального учреждения и территориальным отделом опеки, которые выразили согласие при условии подтверждения выздоровления экспертами.

Однако помощник прокурора выступил против удовлетворения заявления. Для проверки доводов судом была назначена стационарная судебно-психиатрическая экспертиза в ФГБУ «НМИЦ психиатрии и наркологии им. В.П. Сербского». Комиссия экспертов подтвердила основной диагноз — шизофрения параноидная непрерывного типа течения без ремиссии. Специалисты зафиксировали у мужчины выраженные необратимые нарушения: апатию, абулию (безволие), социальную отгороженность, отсутствие критики к своему состоянию, паралогичность мышления и грубые расстройства прогностических способностей. Эксперты пришли к выводу, что имеющиеся нарушения психики столь значительны, что гражданин по-прежнему не может понимать значение своих действий и руководить ими.

Опираясь на заключение комиссии как на основное доказательство, суд пришел к выводу об отсутствии оснований для признания данного гражданина дееспособным и отказал в удовлетворении его заявления, оставив над ним установленную ранее опеку.

Приведенные примеры судебных дел показывают проблемы правоприменения. Противоположные исходы схожих дел свидетельствуют о том, что в ст. 286 ГПК РФ суд оказывается в зависимости от выводов экспертов-медиков, не беря во внимание аргументы заявителя. А сам процесс восстановления прав непредсказуем из-за дефицита критериев выздоровления и участия органов опеки.

Глава 31 ГПК РФ прямо не наделяет прокурора полномочиями по делам о восстановлении дееспособности. Несмотря на это, его участие в таких процессах представляется необходимым. Речь идет о защите прав граждан, которые находятся в уязвимом положении.

Как отмечает С.К. Абрамян, нормативное регулирование прав лиц, страдающих пси-

хическими расстройствами, требует особого внимания. В этой связи прокурорский надзор мог бы стать дополнительной гарантией защиты. Прокурор способен участвовать в деле для дачи заключения по существу дела. Кроме того, он мог бы обращаться в суд в интересах гражданина, который лишен возможности самостоятельно защитить свои права.

Многими учеными уже высказываются предложения о прямом закреплении таких полномочий. В частности, предлагается наделить прокурора правом на обращение в суд в интересах гражданина. Это позволило бы обеспечить дополнительную защиту прав лиц, страдающих психическими расстройствами.

Стоит отметить, что в целом полномочия прокурора по участию в гражданском процессе определяются статьей 45 ГПК РФ, где он вступает в процесс и дает заключение по делам определенных категорий, связанных с защитой прав граждан.

Статья 283 ГПК РФ, которая регулирует принудительное направление на судебно-психиатрическую экспертизу, сформулирована исключительно для дел о признании гражданина недееспособным. Вопрос о том, можно ли применять эту норму к процессам о восстановлении дееспособности, в законодательстве остается открытым.

О.А. Русаковская полагает, что методология экспертизы при лишении, ограничении и восстановлении прав существенно различается. Когда речь идет о возвращении дееспособности, исследование должно быть ориентировано на установление стойкого улучшения психического состояния, что требует от специалистов применения принципиально иных методик и подходов.

Недостатки правового регулирования указанной экспертизы обнаруживаются в ряде моментов. Во-первых, отсутствует четко установленный порядок ее назначения по делам о восстановлении дееспособности. Во-вторых, законодатель не закрепляет конкретных требований к содержанию экспертного заключения. В-третьих, не решен вопрос о допустимости принудительного направления гражданина на обследование в рамках такого процесса. В-четвертых, не определены критерии, которыми суд должен руководствоваться при оценке выводов экспертов.

Абзац 2 части 1 статьи 284 ГПК РФ устанавливает, что дело о признании гражданина недееспособным рассматривается по месту его нахождения. Данное правило распространяется и на дела о восстановлении дееспособности. Однако на практике выездные заседания по таким делам проводятся со значительными задержками. Это приводит к нарушению прав граждан, которые длительное время вынуждены оставаться в статусе недееспособных.

Как отмечается в обзоре судебной практики соблюдения прав лиц, страдающих психическими расстройствами, оперативность разбирательства по данной категории дел оставляет желать лучшего. Проблема обусловлена высокой загруженностью судов, сложностью организации выездных заседаний и необходимостью проведения длительных экспертиз.

Этот вопрос имеет важное практическое значение. Гражданин, находящийся в статусе недееспособного, существенно ограничен в своих правах. Чем дольше длится судебное разбирательство, тем дольше человек не может в полной мере осуществлять свою правоспособность. В результате нарушается принцип своевременности судебной защиты.

В российской судебной практике не проводится дифференциация бремени доказывания. При признании гражданина недееспособным бремя доказывания полностью возлагается на заявителя. Однако при восстановлении дееспособности ситуация меняется. ГПК РФ не устанавливает специальных правил распределения доказательственной нагрузки для такого «обратного» процесса.

При восстановлении дееспособности бремя доказывания должно распределяться иначе. Гражданин, ранее признанный недееспособным, находится в уязвимом положении и не всегда способен самостоятельно доказать наличие оснований для восстановления своего статуса. Поэтому целесообразно возложить бремя доказывания на заинтересованных лиц, которые инициируют дело о восстановлении дееспособности. Эту обязанность также должно нести психиатрическое учреждение, осуществляющее наблюдение за гражданином.

Анализ деятельности органов опеки и попечительства, законных представителей, а

также психиатрических учреждений выявляет неопределенность их процессуального положения. При рассмотрении дел о восстановлении дееспособности их правовой статус не конкретизирован. Как отмечает Г.А. Трофимова, ограничение дееспособности является мерой ответственности, процессуальный статус всех участников процесса требует четкого законодательного закрепления.

Пробелы в регулировании статуса заинтересованных лиц проявляются в нескольких аспектах. Во-первых, не определен точный объем процессуальных прав и обязанностей, которыми наделены органы опеки и попечительства. Во-вторых, не конкретизирован статус законных представителей гражданина. В-третьих, остается неопределенным процессуальное положение психиатрических учреждений. В-четвертых, в законе не решен принципиальный вопрос о возможности и порядке участия в деле самого гражданина, чья дееспособность подлежит восстановлению.

Вывод

Таким образом, институт восстановления дееспособности в российском гражданском процессе является «обратным процессом» по отношению к признанию гражданина недееспособным. Он требует самостоятельного, системного процессуального регулирования. Однако действующая глава 31 ГПК РФ не выделяет восстановление дееспособности в качестве отдельного правового института. Соответствующие отношения регламентированы фрагментарно, преимущественно через бланкетную норму статьи 286 ГПК РФ.

Анализ доктрины и судебной практики показал, что восстановление дееспособности имеет двойственную природу. Как материально-правовой институт оно опирается на статьи 29 и 30 ГК РФ. Как процессуальный институт относится к особому производству, поскольку в таких делах отсутствует спор о праве, а суд устанавливает юридический факт, которым является стойкое улучшение психического состояния гражданина.

Данное исследование выявило комплекс процессуальных пробелов, препятствующих эффективной реализации права на восстановление дееспособности. Глава 31 ГПК РФ не

содержит отдельной процедуры восстановления дееспособности. Статья 286 ГПК РФ лишь отсылает к иным нормам, порождая правовую неопределенность относительно того, какие именно положения главы 31 подлежат применению. Не установлены требования к форме и содержанию заявления о восстановлении дееспособности, не конкретизированы сроки рассмотрения дела. Не решен вопрос о том, вправе ли сам гражданин, ранее признанный недееспособным, инициировать процесс. Также не определен круг иных управомоченных лиц (родственники, законный представитель, орган опеки и попечительства, психиатрическое учреждение). Это создает парадоксальную ситуацию, при которой лицо, чья дееспособность подлежит восстановлению, не обладает процессуальной дееспособностью для обращения в суд.

Статья 283 ГПК РФ сформулирована исключительно для дел о признании гражданина недееспособным. Вопрос о возможности принудительного направления на экспертизу в рамках «обратного» процесса остается открытым. Не определены требования к содержанию экспертного заключения и критерии оценки судом выводов экспертов. Нет конкретизированных объемов прав и обязанностей органов опеки и попечительства, статуса законных представителей, процессуальное положение психиатрических учреждений и самого гражданина, чья дееспособность восстанавливается.

ГПК РФ не устанавливает специальных правил распределения доказательственной нагрузки для «обратного» процесса. При этом гражданин, ранее признанный недееспособным, находится в уязвимом положении и не всегда способен самостоятельно доказать наличие оснований для восстановления статуса. Правило о рассмотрении дела по месту нахождения гражданина (абзац 2 части 1 статьи 284 ГПК РФ) на практике приводит к задержкам выездных заседаний. Это нарушает принцип своевременности судебной защиты.

Таким образом, институт восстановления дееспособности нуждается в самостоятельном и детальном процессуальном регулировании.

Список литературы:

- [1] Абрамян С.К. Нормативное регулирование прав лиц, страдающих психическими расстройствами // *Общество и право*. 2010. №3 (30). // КиберЛенинка. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/normativnoe-regulirovanie-prav-lits-stradayuschih-psihicheskimi-rasstroystvami> (дата обращения: 05.10.2026)
- [2] Голованов Н.М. Проблемы особого производства в гражданском процессе и возможные пути их решения // *Stolypin Vestnik*. – 2023. – № 1. – 9 с.
- [3] Зайков Д.Е. Гражданская процессуальная дееспособность: классификация и особенности правового регулирования // *Актуальные проблемы российского права*. 2018. № 10. С. 216 - 224.
- [4] Котарев С. Н. Специальные способы защиты прав недееспособных и ограничено дееспособных граждан // *НОМОТНЕТИКА: Философия. Социология. Право*. 2008. №14 (54). // КиберЛенинка. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/spetsialnye-sposoby-zaschity-prav-nedeеспособnyh-i-ogranichenno-deеспособnyh-grazhdan> (дата обращения: 05.10.2026).
- [5] Литвин Т.А. Проблемы применения института ограничения дееспособности граждан в свете судебной практики и перспективы совершенствования законодательства // *Российский судья*. 2026. № 4. С. 30 – 34.
- [6] Михайлова Е.В. К проблеме правовой природы дел о лишении и ограничении дееспособности гражданина // *Юрист*. 2023. № 8. С. 45 - 50.
- [7] Романова Н.В. К вопросу о правосубъектности в римском праве: сарит и условия, регулирующие правовой статус римского гражданина // *Актуальные проблемы юриспруденции. Сборник статей по материалам LXXXIV международной научно-практической конференции*. Новосибирск. 2024. С. 23-32.
- [8] Трофимова Г.А. Ограничение дееспособности как мера ответственности // *Научно-исследовательское объединение «Правовая инициатива», Иркутск*. 2025. № 3 (162). – С. 27-35.
- [9] Юдин А.В. Новое понимание категории «гражданская процессуальная недееспособность» и дело Штукатурова // А.В. Юдин. – Самарский государственный университет.: журнал *Цивилист*. – 2012. – № 1. – С. 108-113.
- [10] ИONOBA Д.Ю. Гражданская процессуальная дееспособность: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009. 29 с.
- [11] Лозовская С.О. Обзор судебной практики соблюдения прав лиц, страдающих психическими расстройствами, при рассмотрении дел об ограничении в дееспособности, признании недееспособным и при восстановлении дееспособности. Подготовлен в рамках реализации проекта центра компетенций «СОЦИОПРАВО» «Инклюзивное общество и защита прав лиц с ограниченными возможностями здоровья программы «ПРИОРИТЕТ 2030». 2022. – 55 с.
- [12] Русаковская О.А. Методология судебно-психиатрической экспертизы при лишении, ограничении и восстановлении дееспособности : автореферат дис. ... доктора медицинских наук / Русаковская О.А. — Москва, 2025. — 38 с.
- [13] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 10.06.2026). // СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/ (дата обращения: 08.09.2026).
- [14] Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 04.08.2026) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2026). // СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_39570/ (дата обращения: 08.09.2026).
- [15] Закон РФ «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании» от 02.07.1992 № 3185-1. // СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_4205/ (дата обращения: 08.09.2026).
- [16] Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020). // СПС КонсультантПлюс.

тантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения: 08.09.2026).

[17] Ногинский городской суд (Московская область) / Решение № 2-131/2025 2-131/2025(2-4444/2024;)-М-3144/2024 2-4444/2024 М-3144/2024 от 17 марта 2025 г. по делу № 2-131/2025. // СудаАкт. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/XBSErIj2oUbY/?ysclid=mukbj8qg1l659050093> (дата обращения: 08.09.2026).

[18] Суд восстановил дееспособность жителю Абазы / Абазинский районный суд Республики Хакасия. // СудаАкт. URL: https://abazinsky.hak.sudrf.ru/modules.php?name=press_der&or=1&did=27 (дата обращения: 08.09.2026).

[19] Актуальные проблемы унификации гражданского процессуального и арбитражного процессуального законодательства : монография / М.А. Рожкова, М.Е. Глазкова, М.А. Савина ; под общ. ред. М.А. Рожковой. — Москва : Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации : ИНФРА-М, 2023. — 304 с.

References:

[1] Abramyan S.K. Normative Regulation of the Rights of Persons Suffering from Mental Disorders // *Society and Law*. 2010. No. 3 (30). // CyberLeninka. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/normativnoe-regulirovanie-prav-lits-stradayuschih-psichicheskimi-rasstroystvami> (accessed: 05.10.2026)

[2] Golovanov N.M. Issues Regarding Special Proceedings in Civil Litigation and Potential Solutions // *Stolypin Vestnik*. – 2023. – No. 1. – 9 p.

[3] Zaykov D.E. Civil Procedural Legal Capacity: Classification and Specifics of Legal Regulation // *Current Issues in Russian Law*. 2018. No. 10. pp. 216–224.

[4] Kotarev S.N. Special Methods for Protecting the Rights of Incapacitated Citizens and Citizens with Limited Legal Capacity // *NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law*. 2008. No. 14 (54). // CyberLeninka. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/spetsialnye-sposoby-zaschity-prav-nedeеспособnyh-i-ogranichenno-deеспособnyh-grazhdan> (accessed: 05.10.2026)

[5] Litvin T.A. Challenges in Applying the Institution of Limiting the Legal Capacity of Citizens in Light of Judicial Practice, and Prospects for Improving Legislation // *Russian Judge*. 2026. No. 4. pp. 30–34.

[6] Mikhailova E.V. On the Legal Nature of Cases Involving the Deprivation or Limitation of a Citizen's Legal Capacity // *Yurist [The Jurist]*. 2023. No. 8. pp. 45–50.

[7] Romanova N.V. On the Issue of Legal Personality in Roman Law: *Caput* and the Conditions Governing the Legal Status of a Roman Citizen // *Current Problems of Jurisprudence: Collection of Articles from the 84th International Scientific and Practical Conference*. Novosibirsk, 2024. pp. 23–32.

[8] Trofimova G.A. Limitation of Legal Capacity as a Measure of Liability // *Research Association "Legal Initiative"*, Irkutsk. 2025. No. 3 (162). pp. 27–35.

[9] Yudin A.V. A New Understanding of the Category "Civil Procedural Incapacity" and the Shtukaturov Case // A.V. Yudin. Samara State University; *Tsivilist* [The Civilist] Journal. 2012. No. 1. pp. 108–113.

[10] Ionova D.Yu. Civil Procedural Legal Capacity: Abstract of a Dissertation for the Degree of Candidate of Legal Sciences. Moscow, 2009. 29 p.

[11] Lozovskaya S.O. Overview of Judicial Practice Regarding the Protection of the Rights of Persons with Mental Disorders in Cases Concerning the Limitation of Legal Capacity, Declaration of Incapacity, and Restoration of Legal Capacity. Prepared as part of the "Inclusive Society and Protection of the Rights of Persons with Disabilities" project, conducted by the "SOCIOPRAVO" Competence Center under the "PRIORITY 2030" program. 2022. – 55 p.

[12] Rusakovskaya O.A. Methodology of Forensic Psychiatric Examination in Cases Involving the Deprivation, Limitation, and Restoration of Legal Capacity: Abstract of a Doctoral Dissertation

(Doctor of Medical Sciences) / O.A. Rusakovskaya. — Moscow, 2025. — 38 p.

[13] Civil Code of the Russian Federation (Part One), Federal Law No. 51-FZ of November 30, 1994 (as amended on June 10, 2026). // ConsultantPlus Legal Reference System. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/ (accessed: September 8, 2026).

[14] Civil Procedure Code of the Russian Federation, Federal Law No. 138-FZ of November 14, 2002 (as amended on August 4, 2026; with amendments and additions effective as of September 1, 2026). // ConsultantPlus Legal Reference System. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_39570/ (accessed: September 8, 2026).

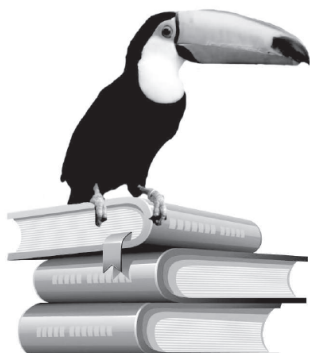
[15] Law of the Russian Federation "On Psychiatric Care and Guarantees of Citizens' Rights During Its Provision," No. 3185-1 of July 2, 1992. // ConsultantPlus Legal Reference System. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_4205/ (accessed: 08.09.2026).

[16] Constitution of the Russian Federation (adopted by nationwide vote on December 12, 1993, with amendments approved during an all-Russian vote on July 1, 2020). // ConsultantPlus Legal Reference System. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (accessed: 08.09.2026).

[17] Noginsk City Court (Moscow Region) / Judgment No. 2-131/2025 (case file nos. 2-131/2025, 2-4444/2024, M-3144/2024) dated March 17, 2025, in case No. 2-131/2025. // SudAkt. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/XBSerIj2oUbY/?ysclid=mukbj8qgl1659050093> (accessed: 08.09.2026).

[18] Court restores legal capacity of a resident of Abaza / Abazinsky District Court of the Republic of Khakassia. // SudAkt. URL: https://abazinsky.hak.sudrf.ru/modules.php?name=press_dep&op=1&did=27 (accessed: 08.09.2026). [19] Current Issues in the Unification of Civil Procedural and Arbitrazh Procedural Legislation: A Monograph / M.A. Rozhkova, M.E. Glazkova, M.A. Savina; edited by M.A. Rozhkova. — Moscow: Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation : INFRA-M, 2023. — 304 p.





ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

ОСТАПЕНКО Ярослав Владимирович,
Крымский филиал Российского государственного
университета правосудия имени В. М. Лебедева,
тел.: +79780105127,
e-mail: lawyer.ostapenko@gmail.com

ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВАЯ ПРИРОДА ДОГОВОРА ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО ПРИСОЕДИНЕНИЯ К ЭЛЕКТРИЧЕСКИМ СЕТЯМ КАК ОСНОВАНИЕ ДЛЯ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОГО СПОСОБА СУДЕБНОЙ ЗАЩИТЫ

Аннотация. Актуальность исследования обусловлена отсутствием единообразного подхода к квалификации договора технологического присоединения, что напрямую влияет на выбор потерпевшей стороной способа защиты нарушенного права. Ошибка в определении правовой природы договора влечет неверный выбор норм материального права, а следовательно, и неэффективность судебной защиты.

В статье анализируются существующие доктринальные и судебные подходы, обосновывается тезис о том, что признание договора самостоятельным (непоименованным) видом обязательства с субсидиарным применением норм о возмездном оказании услуг является единственным условием для применения адекватных способов защиты, таких как односторонний отказ от договора и взыскание фактически понесенных расходов.

Ключевые слова: договор технологического присоединения, непоименованный договор, возмездное оказание услуг, смешанный договор, судебная защита, способы защиты гражданских прав, односторонний отказ, правовая природа, судебная практика.

OSTAPENKO Yaroslav Vladimirovich,
Crimean branch of the Russian State University
of Justice named after V. M. Lebedev

THE CIVIL NATURE OF THE CONTRACT FOR TECHNOLOGICAL CONNECTION TO ELECTRIC NETWORKS AS A BASIS FOR DETERMINING AN EFFECTIVE METHOD OF JUDICIAL PROTECTION

Annotation. The relevance of the study is due to the lack of a uniform approach to the qualification of the technological connection agreement, which directly affects the choice by the injured party of the method of protecting the violated right. An error in determining the legal nature of the contract entails an incorrect choice of substantive law, and therefore the ineffectiveness of judicial protection. The article analyzes the existing doctrinal and judicial approaches, justifies the thesis that the recognition of a contract as an independent (unnamed) type of obligation with a subsidiary application of the rules on paid provision of services is the only condition for the application of adequate methods of protection, such as unilateral cancellation of the contract and recovery of actually incurred costs.

Key words: technological connection agreement, unnamed agreement, paid provision of services, mixed agreement, judicial protection, ways to protect civil rights, unilateral refusal, legal nature, judicial practice.

В условиях реформирования электроэнергетического комплекса России, обусловленного переходом к рыночным отношениям и необходимостью обеспечения надежного и бесперебойного энергоснабжения потребителей, договор об осуществлении технологического присоединения к электрическим сетям приобретает значение одного из

ключевых правовых инструментов, опосредующих доступ хозяйствующих субъектов и населения к инфраструктурным мощностям сетевых организаций.

Специфика данного договорного института, сочетающего в себе как публично-правовые начала, так и частноправовые элементы, порождает многочисленные дискуссии в цивилистической доктрине и вызывает существенные сложности в правоприменительной практике. Научная полемика относительно его правовой природы не утихает на протяжении многих лет, что обусловлено отсутствием прямого поименования данного соглашения в Гражданском кодексе РФ (далее – ГК РФ), а также его тесной связью с нормативными актами, регулирующими отношения в сфере электроэнергетики, в частности, с Федеральным законом от 26.03.2003 № 35-ФЗ «Об электроэнергетике» [1] и Правилами технологического присоединения, утвержденными Постановлением Правительства РФ от 27.12.2004 № 861 [2].

Суть проблемы заключается в том, что от правильной квалификации договора напрямую зависит выбор норм, подлежащих применению к отношениям сторон, определение объема обязательств, мер ответственности и юрисдикции споров. Высшие судебные инстанции, в том числе Президиум Верховного Суда РФ (ранее – Высший Арбитражный Суд РФ), неоднократно высказывали свои правовые позиции по данному вопросу, однако их эволюция демонстрирует определенную противоречивость, что не способствует формированию единообразной судебной практики.

Практическая значимость правильной квалификации рассматриваемого договора обусловлена необходимостью формирования единообразного правоприменительного подхода. Как обоснованно отмечает В.В. Романова, анализ судебных споров в сфере электроэнергетики свидетельствует о том, что значительная их часть возникает именно из обязательств по технологическому присоединению к электрическим сетям [3, с. 9].

В цивилистической науке сложилось несколько диаметрально противоположных подходов к определению правовой природы рассматриваемого договора.

Согласно одной из наиболее распростра-

ненных точек зрения договор технологического присоединения следует рассматривать как разновидность договора возмездного оказания услуг, поскольку его предметом является совершение сетевой организацией комплекса организационно-технических мероприятий, направленных на обеспечение возможности подключения энергопринимающих устройств заявителя к электрической сети.

Прежде всего, сторонники указанного подхода акцентируют внимание на том обстоятельстве, что имущественный результат деятельности сетевой организации, выражающийся в создании технической возможности для подключения энергопринимающих устройств заявителя, не передается последнему в собственность. В отличие от договора подряда, где ключевым элементом является передача заказчику о вещественного результата выполненных работ, при технологическом присоединении право собственности на вновь возведенные либо реконструированные объекты электросетевого хозяйства сохраняется за сетевой организацией, даже если работы осуществлялись за счет средств обратившегося лица. Таким образом, заявитель получает не материальный объект, а совокупность организационных и технических мероприятий, направленных на обеспечение фактического присоединения его установок к электрической сети, что, по мнению адептов рассматриваемой концепции, в полной мере корреспондирует легальной дефиниции услуги, закрепленной в ст. 779 ГК РФ.

Однако подобная трактовка правовой природы рассматриваемого договора не является безупречной и подвергается справедливой критике в научной литературе. Основной контраргумент сводится к тому, что конструкция договора возмездного оказания услуг предполагает пассивную роль заказчика, который, по общему правилу, лишь принимает результат оказанных услуг и оплачивает их стоимость. В то же время договор технологического присоединения характеризуется наличием встречных имущественных предоставлений и взаимных обязательств, поскольку заявитель не ограничивается внесением платы за присоединение, а обязан выполнить комплекс мероприятий, предусмотренных техническими условиями, включая подготовку соб-

ственных энергопринимающих устройств к приему мощности. Данное обстоятельство существенным образом отличает исследуемый договор от классической модели услуг, где обязанности контрагента, как правило, исчерпываются денежным платежом.

Более того, отдельные авторы обращают внимание на то, что деятельность сетевой организации по созданию инфраструктуры для присоединения обладает признаками подрядных работ, поскольку она имеет пространственно-предметный характер и завершается достижением определенного технического результата, который может быть измерен и оценен независимо от самого процесса его достижения [4, с. 211].

Представляется также важным учитывать, что договор технологического присоединения характеризуется наличием выраженного публично-правового элемента, что не характерно для классических обязательств по оказанию услуг. Сетевая организация, занимающая доминирующее положение на рынке, не вправе отказать обратившемуся лицу в заключении договора при наличии технической возможности, а размер платы за присоединение определяется не соглашением сторон, а императивно устанавливается уполномоченным органом в сфере тарифного регулирования. Подобные признаки сближают исследуемый договор с договором энергоснабжения, в котором сочетание публично-правовых и частноправовых начал является сущностной характеристикой. В этой связи представляется методологически некорректным механическое перенесение норм главы 39 Гражданского кодекса Российской Федерации на отношения, возникающие в связи с технологическим присоединением, поскольку это приводит к искажению сущности обязательства и порождает неопределенность в правоприменительной практике, в том числе относительно возможности одностороннего отказа от исполнения договора.

Дополнительным аргументом против отождествления технологического присоединения с возмездным оказанием услуг служит отсутствие у заявителя возможности влиять на содержание оказываемой ему услуги и ее качественные характеристики.

В классическом договоре услуг заказчик вправе определять параметры оказываемо-

го ему обслуживания и требовать их соблюдения, в то время как при технологическом присоединении объем мероприятий и технические требования устанавливаются сетевой организацией самостоятельно на основе утверждаемых ею технических условий, что характерно скорее для административно-правовых процедур, нежели для диспозитивного гражданско-правового регулирования. Кроме того, следует отметить, что правовая цель договора технологического присоединения не исчерпывается совершением определенных действий, а состоит в создании предпосылок для заключения в будущем договора энергоснабжения, что придает исследуемому договору организационный характер, свойственный предварительным договорным конструкциям, однако не укладывающийся в традиционную модель обязательств по оказанию услуг.

Резюмируя изложенное, полагаем необходимым изложить собственную позицию относительно квалификации договора об осуществлении технологического присоединения к электрическим сетям. По нашему убеждению, отнесение данного договора к категории договоров возмездного оказания услуг не в полной мере отражает его юридическую сущность и приводит к применению норм, не учитывающих специфику складывающихся правоотношений.

В юридической литературе получила распространение и альтернативная позиция, согласно которой договор об осуществлении технологического присоединения к электрическим сетям надлежит квалифицировать в качестве договора подряда. Адепты данного подхода, в числе которых следует назвать В.В. Романову [5, с. 152] и Н.В. Хорошеву [6, с. 59], исходят из того, что определяющее значение для квалификации имеет не характер совершаемых исполнителем действий, а конечный результат, ради достижения которого стороны вступают в договорные отношения. Таким результатом выступает фактическое присоединение энергопринимающих устройств заявителя к объектам электросетевого хозяйства, что придает обязательству материально-вещественную окраску и сближает его с подрядными правоотношениями. Указанные авторы обращают внимание на то, что в содержание договора технологического присоединения

органично включены элементы строительного подряда, поскольку сетевая организация в процессе исполнения обязательства осуществляет строительство либо реконструкцию линейных объектов, что исключает возможность отнесения исследуемого договора к категории услуг, где овеществленный результат, как правило, отсутствует.

Развивая приведенную аргументацию, М.Ю. Осипов предлагает рассматривать в качестве овеществленного результата работ создание проводника тока, соединяющего основную линию электропередачи с объектом заявителя. По мнению указанного автора, именно материализованный итог деятельности сетевой организации придает договору экономический смысл, поскольку в отсутствие такого результата теряется сама цель договорного обязательства, а действия сторон утрачивают практическую значимость [7, с. 40]. Подобная трактовка позволяет провести параллель с договором строительного подряда, где результат работ также носит пространственно-предметный характер и подлежит передаче заказчику по акту приемки.

Вместе с тем приведенная позиция не лишена уязвимых мест и подвергается обоснованной критике. Прежде всего, следует принимать во внимание, что конструкция договора подряда, регламентированная положениями гл. 37 ГК РФ, предполагает передачу заказчику результата выполненных работ, который должен обладать признаками индивидуальной определенности и пригодности к использованию по назначению.

Предметом подряда, как подчеркивается в правоприменительной практике, является создание конкретной вещи либо ее трансформация [8]. В рассматриваемом же договоре технологического присоединения отсутствует передача заявителю какого-либо материального объекта: созданные сетевой организацией линейные сооружения остаются в ее собственности и поступают в эксплуатацию самой сетевой организации, тогда как заявитель получает лишь право на использование присоединенной мощности. Данное обстоятельство существенным образом отличает исследуемое обязательство от классического подряда, где право собственности на результат работ переходит к заказчику [9, с. 165].

Следует также отметить, что плата за технологическое присоединение, устанавливаемая в соответствии с Основами ценообразования в области регулируемых цен (тарифов) в электроэнергетике, утвержденными Постановлением Правительства Российской Федерации от 29.12.2011 № 1178 [10], носит нормативный характер и не определяется соглашением сторон, что также не характерно для подрядных правоотношений, где цена работ формируется на основе свободного волеизъявления контрагентов.

Мы не можем согласиться с тезисом о том, что договор технологического присоединения является разновидностью договора подряда, поскольку в нем отсутствует ключевой признак подрядных отношений – передача заказчику овеществленного результата работ, обладающего признаками индивидуально-определенной вещи.

Многолетняя научная полемика относительно правовой сущности договора технологического присоединения к электрическим сетям привела к формированию в доктрине ряда дополнительных концепций, среди которых особого внимания заслуживает квалификация исследуемого договора в качестве смешанного. Сторонники данного подхода исходят из того, что обязательство по технологическому присоединению органично сочетает в себе признаки нескольких поименованных договорных конструкций, что не позволяет свести его к какой-либо одной договорной модели.

В частности, С.А. Свирков обращает внимание на то, что в содержании рассматриваемого договора помимо элементов подряда и возмездного оказания услуг прослеживаются признаки договора о совместной деятельности, поскольку обе стороны преследуют единый хозяйственный результат – обеспечение технической возможности потребления электрической энергии, что сближает исследуемое обязательство с конструкцией простого товарищества, регламентированной главой 55 ГК РФ [11, с. 377]. Вместе с тем указанная позиция порождает известную правовую неопределенность, поскольку открывает перед правоприменителем широкую свободу усмотрения при выборе подлежащих применению норм, что может приводить к фрагментарному и не системному регулированию од-

народных отношений.

Дальнейшее развитие доктринальных представлений о природе договора технологического присоединения выразилось в появлении точки зрения, согласно которой исследуемый договор надлежит квалифицировать в качестве договора простого товарищества [12, с. 24].

Однако данная концепция не получила сколько-нибудь широкого признания в юридической литературе и была подвергнута обоснованной критике. Так, отдельные авторы, полемизируя со сторонниками указанного подхода, справедливо отмечает, что конструкция простого товарищества предполагает объединение усилий участников для достижения общей цели при совпадении их интересов, тогда как в договоре технологического присоединения каждая из сторон преследует собственный, отличный от контрагента интерес: сетевая организация стремится получить нормативно установленную плату за присоединение, а заявитель – обеспечить техническую возможность энергоснабжения принадлежащих ему объектов [13, с. 72]. Кроме того, результат, достигаемый сторонами в процессе технологического присоединения, а именно фактическое подключение энергопринимающих устройств к электрическим сетям, не может выступать объектом долевой собственности участников, что также исключает возможность применения к исследуемым отношениям норм главы 55 ГК РФ.

Анализ правовых позиций высших судебных инстанций Российской Федерации позволяет заключить, что в судебной практике также отсутствует единообразный подход к определению правовой природы договора технологического присоединения.

Верховный Суд РФ в ряде своих решений, включая Обзор судебной практики № 1 (2018) [14] и Определение от 06.09.2021 № 305-ЭС21-8682 [15], сформировал преобладающую позицию, согласно которой по своим существенным условиям данный договор соответствует договору возмездного оказания услуг, что влечет за собой субсидиарное применение норм главы 39 ГК РФ, в частности, предоставляющей право на односторонний отказ статьи 782 ГК РФ.

Вместе с тем арбитражные суды нередко

придерживаются более дифференцированного взгляда. Например, Федеральный арбитражный суд Московского округа в Постановлении от 10.06.2013 по делу № А41-42732/12 указал, что, оставаясь по своей правовой природе договором технологического присоединения и подчиняясь специальному регулированию, такой договор содержит в себе элементы договоров подряда и возмездного оказания услуг, что позволяет квалифицировать его как сложный смешанный договор в смысле ст. 421 ГК РФ [16].

Альтернативную, третью позицию занимает Арбитражный суд Восточно-Сибирского округа, который в Постановлении от 02.12.2016 № Ф02-6733/2016 по делу № А78-599/2016 [17], поддерживая выводы нижестоящих инстанций, прямо указывает, что договор технологического присоединения не может быть сведен ни к возмездному оказанию услуг, ни к смешанному договору, а представляет собой самостоятельный (непоименованный) вид гражданско-правового договора.

Таким образом, судебная практика демонстрирует конкуренцию трех основных подходов: квалификации как услуги, как смешанного договора и как самостоятельного договорного типа, что подтверждает комплексный и неоднозначный характер данного обязательства.

Рассмотрев позиции исследователей и судебную практику, полагаем необходимым выразить солидарность с мнением А.А. Бородавко, который утверждает, что доктринальный подход, признающий договор технологического присоединения самостоятельным непоименованным гражданско-правовым договором, является наиболее логичным и системно обоснованным [18, с. 69]. Однако при решении данного вопроса необходимо опираться на его практическую сторону, а именно – на последствия такой квалификации для судебной защиты.

Ключевая проблема заключается в следующем: если суд квалифицирует договор как смешанный (с элементами подряда), то заказчик лишается права на односторонний отказ, предусмотренный ст. 782 ГК РФ, и обязан возместить исполнителю полную стоимость работ, а не только фактически понесенные расходы, что существенно ущемляет его пра-

ва. Если же суд признает договор разновидностью услуг, возникает правовая неопределенность в отношении существа обязательства, поскольку результат деятельности сетевой организации не передается заказчику в качестве вещи или результата работ, а выражается в совершении комплекса организационных и технических мероприятий, обеспечивающих фактическое присоединение объекта к сети.

Признание договора самостоятельным (непоименованным) видом обязательства, как справедливо отмечает А.В. Бородавко, позволяет применить к нему общие положения об обязательствах и договоре, а в части, не урегулированной специальными нормами ФЗ «Об электроэнергетике», – по аналогии закона положения главы 39 ГК РФ о возмездном оказании услуг, если это не противоречит существу обязательства и не нарушает баланс интересов сторон. Отнесение же данного договора к смешанным создает хотя бы гибкость, но фактически порождает неопределенность в выборе применимых норм, поскольку не всегда ясно, к какой именно части смешанного договора следует применять соответственно правила об услугах или же подряда.

Существенным контраргументом против позиции А.В. Бородавко может служить и позиция Верховного Суда РФ, который в Обзоре судебной практики № 1 (2018) и в Определении от 06.09.2021 г. № 305-ЭС21-8682 допустил применение по аналогии к названному договору положений главы 39 ГК РФ, провозглашая правоотношения сторон на абстрактную конструкцию возмездного оказания услуг, что, хотя и не лишает договор специфического характера, всецело указывает, что судебная практика настроена на более мягкую позицию, обращаясь к общим нормам через основной типовой признак деятельности исполнителя. Тем не менее данное применение не исключает приоритет специальных постановлений Правительства и технического регулирования, приемлемая модель непоименованного договора не может разрушить механизм защиты прав сторон, поскольку он подпадает под общее требование статьи 421 ГК РФ, допускающей заключение договоров, не предусмотренных ГК РФ, лишь бы они не противоречили его основам и не нарушали императивные правила. Практическая значи-

мость такой квалификации однозначна: она позволяет применять к отношениям специальные положения законодательства об электроэнергетике, а в неурегулированной части – с возникающими аналогиями права и закона, включая положения о возмездном оказании услуг (ст. 779-782 ГК РФ), но только в порядке субсидиарного правильного сопоставления, а не как признак смешанного характера.

Именно такой подход, на наш взгляд, является единственным основанием для определения эффективного способа судебной защиты. Он предоставляет стороне, чье право нарушено, следующие правовые инструменты:

1) Право на односторонний отказ от исполнения договора (по аналогии со ст. 782 ГК РФ) с возмещением лишь фактически понесенных расходов, а не упущенной выгоды, что защищает заказчика от необоснованных требований сетевой организации.

2) Возможность понуждения к исполнению обязательства в натуре (ст. 308.3 ГК РФ), что для заявителя часто является единственным реальным способом защиты, поскольку целью договора является не передача вещи, а осуществление технических мероприятий.

3) Применение специальных норм об ответственности за нарушение сроков технологического присоединения, установленных Правилами № 861, что исключает необходимость доказывания общих условий гражданско-правовой ответственности.

В целях единообразия судебной практики и установления общего подхода к правовой природе договора технологического присоединения считаем целесообразным рассмотреть вопрос о внесении изменений в действующее законодательство, а именно – о дополнении ФЗ «Об электроэнергетике» отдельной статьей, посвященной непосредственно правовой квалификации данного договора и его существенным условиям, поскольку в настоящее время правовое регулирование данного института разрозненно и содержится преимущественно в подзаконных нормативных актах, что порождает неоднородность судебных решений. Видится возможным дополнить статью 26 указанного закона пунктом следующего содержания: «К отношениям сторон по договору об осуществлении технологического присоединения энергопринимающих

устройств к электрическим сетям применяются специальные нормы настоящего Федерального закона и правил технологического присоединения, утвержденных Правительством Российской Федерации, а в части, не урегулированной указанными нормами, – общие положения об обязательствах и договоре с учетом существа данного договора, а также по аналогии закона положения главы 39 Гражданского кодекса Российской Федерации о возмездном оказании услуг, если это не противоречит существу обязательства и не нарушает баланс интересов сторон».

Дополнительно представляется обоснованным внести корреспондирующие изменения в ГК РФ.

В качестве заключения необходимо отметить, что проведенное исследование правовой природы договора технологического присоединения позволило подтвердить исходный тезис: определение правовой природы договора является фундаментальным основанием для выбора эффективного способа судебной защиты. Признание данного договора самостоятельным (непоименованным) видом обязательства с субсидиарным применением норм о возмездном оказании услуг является не просто теоретическим конструктом, а практическим механизмом, обеспечивающим сторонам предсказуемость правового статуса и доступ к адекватным средствам защиты.

Список литературы:

- [1] Федеральный закон от 26.03.2003 № 35-ФЗ (ред. от 26.06.2026) «Об электроэнергетике» // Собрание законодательства РФ. 2003. № 13. Ст. 1177.
- [2] Постановление Правительства РФ от 27.12.2004 № 861 (ред. от 01.07.2026) «Об утверждении Правил недискриминационного доступа к услугам по передаче электрической энергии и оказания этих услуг, Правил недискриминационного доступа к услугам по оперативно-диспетчерскому управлению в электроэнергетике и оказания этих услуг, Правил недискриминационного доступа к услугам коммерческого оператора оптового рынка и оказания этих услуг и Правил технологического присоединения энергопринимающих устройств потребителей электрической энергии, объектов по производству электрической энергии, а также объектов электросетевого хозяйства, принадлежащих сетевым организациям и иным лицам, к электрическим сетям» // Собрание законодательства РФ. 2004. № 52 (часть 2). Ст. 5525.
- [3] Романова В.В. Особенности разрешения спорных ситуаций при осуществлении технологического присоединения энергопринимающих устройств потребителей электрической энергии // Российский судья. 2012. № 5. С. 8-11.
- [4] Мельников О.О. Отношения по технологическому присоединению к электрическим сетям и их правовое регулирование в Российской Федерации // Труды Института государства и права Российской академии наук. 2024. Т. 19. №. 3. С. 208-229.
- [5] Романова В.В. Энергетическое право: учебник для подготовки кадров высшей квалификации. М.: Изд. группа «Юрист», 2021. 289 с.
- [6] Хорошева Н.В. К вопросу о правовой природе договора технологического присоединения в сфере электроснабжения // Вестник арбитражной практики. 2018. № 2. С. 57-66.
- [7] Осипов М.Ю. К вопросу о гражданско-правовой природе договора присоединения к электрическим сетям // Юрист. 2020. № 3. С. 38-41.
- [8] Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 02.07.2019 по делу № А76-21866/2018 // СудАкт. URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/G3VtIX62EgbJ/?ysclid=mv9ao4ou1o729286005> (дата обращения: 07.09.2026).
- [9] Загоруйко И.Ю. Существующие подходы, позволяющие определить экономико-правовую природу договора технологического присоединения к электрическим сетям // Московский экономический журнал. 2019. №. 13. С. 162-168.
- [10] Постановление Правительства РФ от 29.12.2011 № 1178 (ред. от 27.07.2026) «О ценообразовании в области регулируемых цен (тарифов) в электроэнергетике» // Собрание законодательства РФ. 2012. № 4. Ст. 504.

- [11] Свирков С.А. Основные проблемы гражданско-правового регулирования оборота энергии: монография. М.: Статут, 2013. 612 с.
- [12] Смагин А.В. Договор об осуществлении технологического присоединения как самостоятельная сделка в электроэнергетике: актуальные проблемы // Энергетика и право. 2013. № 3. С. 22-28.
- [13] Сташина Ю.С. Правовая природа договоров об осуществлении технологического присоединения к электрическим сетям // Юридическая наука. 2022. №. 12. С. 71-74.
- [14] Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 1 (2018) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 28.03.2018) // Бюллетень Верховного Суда РФ. № 1, январь, 2019.
- [15] Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 06.09.2021 № 305-ЭС21-8682 по делу № А40-32523/2018 // СПС «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=680187> (дата обращения: 07.09.2026).
- [16] Постановление Федерального арбитражного суда Московского округа от 10.06.2013 по делу № А41-42732/12 // СПС «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=AMS&n=183686> (дата обращения: 07.09.2026).
- [17] Постановление Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 02.12.2016 № Ф02-6733/2016 по делу № А78-599/2016 // СПС «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=AVS&n=93032> (дата обращения: 07.09.2026).
- [18] Бородавко А.А. Правовая природа договора технологического присоединения к электрическим сетям // Правовой энергетический форум. 2024. Т. 10. №. 4. С. 66-74.

References:

- [1] Federal Law No. 35-FZ of March 26, 2003 (as amended on June 26, 2026) "On the Electric Power Industry" // Collected Legislation of the Russian Federation. 2003. No. 13. Art. 1177.
- [2] Decree of the Government of the Russian Federation No. 861 of December 27, 2004 (as amended on July 1, 2026) "On Approval of the Rules for Non-Discriminatory Access to Electricity Transmission Services and the Provision of Such Services; the Rules for Non-Discriminatory Access to Operational Dispatch Management Services in the Electric Power Industry and the Provision of Such Services; the Rules for Non-Discriminatory Access to Services Provided by the Commercial Operator of the Wholesale Market and the Provision of Such Services; and the Rules for the Technological Connection of Electricity Consumers' Power-Receiving Installations, Electricity Generation Facilities, and Electric Grid Infrastructure Owned by Grid Organizations or Other Entities to the Electric Grid" // Collected Legislation of the Russian Federation. 2004. No. 52 (Part 2). Art. 5525.
- [3] Romanova V.V. Specifics of Resolving Disputes Arising During the Technological Connection of Electricity Consumers' Power-Receiving Installations // Russian Judge. 2012. No. 5. pp. 8–11.
- [4] Melnikov O.O. Relations Regarding Technological Connection to Electric Grids and Their Legal Regulation in the Russian Federation // Proceedings of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences. 2024. Vol. 19. No. 3. pp. 208–229.
- [5] Romanova V.V. Energy Law: A Textbook for the Training of Highly Qualified Personnel. Moscow: Yurist Publishing Group, 2021. 289 p.
- [6] Khorosheva N.V. On the Legal Nature of the Technological Connection Agreement in the Electricity Supply Sector // Vestnik Arbitrazhnoy Praktiki (Bulletin of Arbitration Practice). 2018. No. 2. pp. 57–66.
- [7] Osipov M.Yu. On the Civil Law Nature of the Agreement for Connection to Electric Networks // Yurist (The Jurist). 2020. No. 3. pp. 38–41.
- [8] Ruling of the Arbitration Court of the Ural District dated July 2, 2019, in Case No. A76-21866/2018 // SudAkt. URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/G3VtIX62EgbJ/?ysclid=mv9ao4ou1o729286005> (accessed: September 7, 2026).

[9] Zagoruyko I.Yu. *Existing Approaches to Defining the Economic-Legal Nature of the Agreement for Technological Connection to Electric Networks* // *Moskovskiy Ekonomicheskiy Zhurnal* (Moscow Economic Journal). 2019. No. 13. pp. 162–168.

[10] Decree of the Government of the Russian Federation No. 1178 dated December 29, 2011 (as amended on July 27, 2026) "On Pricing in the Sphere of Regulated Prices (Tariffs) in the Electric Power Industry" // *Collected Legislation of the Russian Federation*. 2012. No. 4. Art. 504.

[11] Svirkov S.A. *Fundamental Issues in the Civil Law Regulation of Energy Transactions: A Monograph*. Moscow: Statut, 2013. 612 p.

[12] Smagin A.V. *The Agreement on Technological Connection as an Independent Transaction in the Electric Power Industry: Current Issues* // *Energy and Law*. 2013. No. 3. pp. 22–28.

[13] Stashina Yu.S. *The Legal Nature of Agreements on Technological Connection to Electric Grids* // *Legal Science*. 2022. No. 12. pp. 71–74.

[14] Review of Judicial Practice of the Supreme Court of the Russian Federation No. 1 (2018) (approved by the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation on March 28, 2018) // *Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation*. No. 1, January 2019.

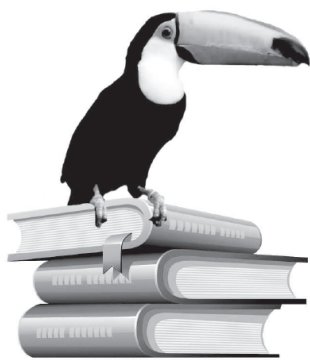
[15] Ruling of the Judicial Collegium for Economic Disputes of the Supreme Court of the Russian Federation dated September 6, 2021, No. 305-ES21-8682, in Case No. A40-32523/2018 // *ConsultantPlus Legal Reference System*. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=680187> (accessed: September 7, 2026).

[16] Resolution of the Federal Arbitration Court of the Moscow District dated June 10, 2013, in Case No. A41-42732/12 // *ConsultantPlus Legal Reference System*. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=AMS&n=183686> (accessed: 07.09.2026).

[17] Ruling of the Arbitration Court of the East Siberian District dated December 2, 2016, No. F02-6733/2016, in case No. A78-599/2016 // "ConsultantPlus" Legal Reference System. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=AVS&n=93032> (accessed: 07.09.2026).

[18] Borodavko A.A. *The Legal Nature of the Agreement for Technological Connection to Electric Power Grids* // *Legal Energy Forum*. 2024. Vol. 10. No. 4. pp. 66–74.





ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

ПРОБЛЕМЫ РОССИЙСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Дата поступления рукописи в редакцию: 07.09.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 14.10.2026 г.

DOI: 10.24412/3034-4395-2026-4-85-91

ИКСАНОВ Адель Рамилевич,
магистрант 2 курса Юридического факультета
Казанского (Приволжского) федерального университета,
e-mail: mail@law-books.ru

ПРОБЛЕМЫ УСТАНОВЛЕНИЯ СТАТУСА КОНТРОЛИРУЮЩЕГО ДОЛЖНИКА ЛИЦА В ДЕЛЕ О БАНКРОТСТВЕ

Аннотация. В статье исследуются материально-правовые и процессуальные проблемы установления статуса контролирующего должника лица при отсутствии прямой корпоративной или должностной связи с должником. Рассмотрены критерии фактического контроля, доказательственное значение косвенных фактов, условия перехода бремени доказывания и пределы презумпции контроля выгодоприобретателя. Анализ законодательства и судебной практики показывает, что при установлении статуса контролирующего лица необходимо отдельно оценивать его влияние на действия должника, период такого влияния и наличие оснований для субсидиарной ответственности.

Ключевые слова: несостоятельность, банкротство, контролирующее должника лицо, фактический контроль, косвенные доказательства, бремя доказывания, субсидиарная ответственность, выгодоприобретатель.

IKSANOV Adel Ramilevich,
2nd year Master's student of the Faculty of Law
Kazan (Volga Region) Federal University

PROBLEMS OF ESTABLISHING THE STATUS OF A PERSON CONTROLLING THE DEBTOR IN BANKRUPTCY PROCEEDINGS

Annotation. The article examines the substantive and procedural issues of establishing the status of a controlling person in the absence of a direct corporate or official relationship with the debtor. It considers the criteria of actual control, the evidential value of indirect facts, the conditions for shifting the burden of proof, and the limits of the beneficiary's presumption of control. The analysis of legislation and judicial practice shows that when establishing the status of a controlling person, it is necessary to separately evaluate their influence on the debtor's actions, the period of such influence, and the existence of grounds for subsidiary liability.

Key words: insolvency, bankruptcy, controlling person, actual control, circumstantial evidence, burden of proof, subsidiary liability, beneficiary.

Введение

Установление статуса контролирующего должника лица предшествует разрешению вопроса о субсидиарной ответственности и образует самостоятельный элемент предмета доказывания в контексте банкротства. Ошибка на этой стадии влияет на весь последующий

анализ: к лицу применяются специальные презумпции, от него ожидается раскрытие сведений о деятельности должника, а процессуальная пассивность может получить неблагоприятную оценку. Поэтому принадлежность к числу контролирующих лиц требует подтверждения реальной возможности опреде-

лять значимые решения должника в юридически релевантный период.

Проблема получила заметное развитие в современной литературе. Исследователи обращаются к функциональному содержанию контроля, конституционным пределам имущественной ответственности, распределению бремени доказывания, стандарту добросовестности и роли судебного усмотрения [11, с. 61–69; 14, с. 35–40; 16, с. 9–25; 17, с. 15–22]. При этом сохраняется вопрос о достаточности косвенных доказательств, особенно когда предполагаемый бенефициар не занимает должность в органах управления и не отражен в корпоративных документах.

Цель статьи состоит в выявлении проблем, возникающих при установлении статуса контролирующего должника лица, и в формулировании критериев, позволяющих разграничить фактический контроль, деловую вовлеченность и обычное договорное влияние. Для достижения цели исследуются нормативные презумпции контроля, доказательственное значение совокупности косвенных фактов, условия перехода бремени доказывания, временные границы контроля и особенности квалификации выгодоприобретателя.

Материалы и методы

Исследование основано на положениях Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)», Арбитражного процессуального кодекса РФ [2], разъяснениях Верховного Суда РФ и судебных актах 2023–2026 гг. Используются формально-юридический, системный и сравнительный методы. Формально-юридический метод применен при анализе элементов понятия контроля и предусмотренных законом презумпций. Системный метод позволил разграничить статус КДЛ, противоправность поведения, причинную связь и размер ответственности. Сопоставление судебных позиций использовано для выявления требований к косвенным доказательствам и к процессуальному поведению сторон.

Результаты исследования и их обсуждение

Пункт 1 статьи 61.10 Закона о банкротстве связывает контроль с правом давать обязательные указания либо с иной возможностью определять действия должника, включая совершение сделок и согласование их условий

[1]. Содержание контроля раскрывается через способность формировать волю юридического лица, влиять на распоряжение активами, выбор контрагентов, структуру финансирования и иные решения, от которых зависит имущественное положение должника. Формальная должность облегчает доказывание, однако легальная конструкция охватывает и скрытых бенефициаров, чье влияние отследить проблематично.

Закон закрепляет опровержимые презумпции контроля для руководителя, управляющей организации, членов исполнительного органа, ликвидатора и членов ликвидационной комиссии, для лица, располагающего большинством голосов либо правом назначать руководителя, а также для выгодоприобретателя незаконного или недобросовестного поведения лиц, указанных в статье 53.1 ГК РФ [1; 3]. Суд может признать лицо контролирующим по иным основаниям. Прямое владение долей менее десяти процентов и получение обычного дохода от такого владения сами по себе недостаточны. Эта модель требует различать установленную законом презумпцию и вывод о фактическом контроле, основанный на свободной оценке доказательств.

Наибольшие трудности возникают в спорах о фактическом руководителе, который организует принятие решений через «номиналов». Предполагаемый бенефициар контролирует информационный массив и способен поддерживать внешне корректный документооборот. Возникает доказательственная асимметрия, при которой прямое требование подтвердить каждый эпизод дачи обязательного указания создает практически непреодолимый барьер для кредитора или конкурсного управляющего. Неравенство возможностей сторон особенно заметно при различной продолжительности контроля и неодинаковом доступе к документообороту должника [13, с. 196–200].

Судебная практика относит к признакам фактического контроля доступ к финансовым инструментам компании, права подписи платежных документов, распоряжение средствами должника в личных интересах, участие в переговорах с банками и государственными органами, дачу обязательных поручений работникам, согласование сделок с контрагентами, хранение документации, выдачу личных

поручительств, финансирование на необычных условиях и публичное позиционирование себя как владельца бизнеса. Значение имеют также синхронные действия нескольких компаний без понятной экономической причины и перераспределение активов в пользу предполагаемого бенефициара [12, с. 86–119; 15, с. 50–54].

Каждый такой факт обладает ограниченной доказательственной силой. Банковская доверенность может быть выдана финансовому директору для технических операций. Поручительство иногда объясняется стремлением сохранить хозяйственную связь. Участие в совещании подтверждает осведомленность, но не раскрывает возможность навязывать решения. Родство с руководителем повышает вероятность неформального влияния, хотя семейная связь не показывает содержание управленческих отношений. По этой причине признаки контроля оцениваются во взаимной связи, с учетом их повторяемости, продолжительности и отношения к решениям, определявшим судьбу активов или обязательств должника.

Критерии серьезности и существенности косвенных доказательств не следует относить к каждому доказательству изолированно. Косвенный факт устанавливает искомое обстоятельство через промежуточное звено и может выглядеть нейтральным вне общего контекста. Оценке подлежит доказательственная версия заявителя в целом: объясняет ли она экономически необычное поведение должника, выявляет ли лицо, получившее устойчивый доступ к управленческой информации, и показывает ли связь между его влиянием и ключевыми решениями. Верховный Суд РФ в определении от 15 февраля 2018 г. № 302-ЭС14-1472 указал на возможность перехода бремени опровержения при представлении серьезных косвенных доказательств контроля [5].

Пункт 56 постановления Пленума Верховного Суда РФ № 53 развивает этот подход. Если кредитор или управляющий убедительно обосновал контроль и влияние поведения ответчика на невозможность погашения требований, ответчик должен раскрыть документы и объяснить реальную организацию хозяйственной деятельности [3]. Переход бремени не освобождает заявителя от первоначально-

го доказывания. В материалах спора должны присутствовать конкретные сведения о каналах влияния, периоде контроля и решениях, имеющих значение для имущественного положения должника.

Конституционный Суд РФ в постановлении от 7 февраля 2023 г. № 6-П связал распределение бремени с фактическими возможностями сторон получить доказательства [6]. Эта позиция развита Верховным Судом РФ в определении от 25 марта 2024 г. № 303-ЭС23-26138: недопустимо требовать от кредитора сведения, которые находятся у бывшего руководителя и не раскрываются им [7]. В определениях от 11 и 21 февраля 2025 г. Верховный Суд вновь подчеркнул, что процессуальная пассивность контролирующего лица и отказ объяснить причины прекращения деятельности должника учитываются после того, как кредитор подтвердил долг, участие ответчика в управлении и обстоятельства, создающие обоснованные сомнения в добросовестности поведения [8; 9].

Презумпция контроля выгодоприобретателя требует отдельного анализа. Подпункт 3 пункта 4 статьи 61.10 Закона о банкротстве предполагает контроль лица, извлекшего выгоду из незаконного или недобросовестного поведения руководителей [1]. Получение имущества или сбережение собственных активов должно быть существенным для масштабов деятельности должника и связано с поведением, которое при обычном добросовестном управлении не привело бы к такой выгоде [3]. Сам факт платежа третьему лицу либо последующее оспаривание сделки не подтверждают управленческий контроль. Контрагент может приобрести актив по рыночной сделке или получить исполнение по существующему обязательству. Суду требуется установить аномальность выгоды, ее связь с распределением функций внутри группы и участие выгодоприобретателя в недобросовестной бизнес-модели.

В многоуровневой группе компаний перевод имущества на связанную организацию может раскрывать конечного бенефициара, если подтверждены единый центр управления, согласованность операций и накопление долгов у одной компании при концентрации выручки и активов у другой. Принадлежность к группе

служит исходным индикатором. Вывод о контроле строится на содержании отношений: кто определял кадровые решения, согласовывал платежи, распределял выручку, выбирал центр прибыли и принимал решение о прекращении деятельности должника. Такой подход согласуется с выводами о необходимости исследовать весь механизм корпоративного влияния [14, с. 35–40; 14, с. 9–25].

Временные границы контроля имеют самостоятельное значение. Статья 61.10 охватывает период, начинающийся за три года до возникновения признаков банкротства и продолжающийся до принятия судом заявления о признании должника банкротом [1]. Прежний статус руководителя или участника подтверждает доступ к корпоративной информации, однако не доказывает сохранение влияния после формального выхода. Более убедительны последующие действия: сохранение доступа к счетам, участие в переговорах, дача поручений новому директору, получение отчетности и определение условий ключевых сделок. Судебный акт должен обозначать период контроля, поскольку от него зависит связь конкретных решений с ухудшением положения должника.

Пограничная ситуация возникает при влиянии кредитора. Финансирующий субъект вправе контролировать целевое использование средств, устанавливать финансовые ковенанты и требовать согласования отдельных операций. Управленческий контроль появляется при фактическом подчинении органов должника воле кредитора и использовании полученных полномочий для перераспределения активов или выручки в ущерб другим кредиторам. В пункте 16 Тематического обзора Верховного Суда РФ № 5/2026 приведен спор, где банк получил полный административный контроль, назначил зависимых руководителей и через них реализовал мероприятия, вызвавшие необратимые финансовые последствия. Полномочия банка не объяснялись обычной целью обеспечить возврат финансирования [10].

Статус КДЛ имеет функциональную природу и должен оцениваться с учетом цели конкретного правового института. К.В. Гурбанов обоснованно указывает на пределы переноса банкротных презумпций в уголовно-правовую квалификацию: получение выгоды может со-

здать презумпцию для целей субсидиарной ответственности, хотя не всегда подтверждает реальную возможность распоряжаться имуществом должника [11, с. 154–158]. Этот вывод важен и внутри банкротного спора. Признание лица контролирующим открывает дальнейшее исследование противоправности, причинной связи и вреда, не предрешая итог привлечения к ответственности.

Обновленная в 2025 г. редакция постановления Пленума Верховного Суда РФ № 53 усилила роль суда в раннем определении юридической квалификации, круга ответчиков, применимых презумпций и распределения бремени доказывания [3; 4]. Для установления статуса КДЛ целесообразно последовательно выяснять, какие решения мог определять ответчик, какими каналами обеспечивалось влияние, в какой период оно существовало, какие доказательства доступны заявителю, какие сведения находятся у ответчика и представлено ли разумное альтернативное объяснение выявленных фактов.

Заключение

Проблема установления статуса контролирующего должника лица связана с поиском приемлемого стандарта доказанности в условиях информационного неравенства. Завышенный стандарт сохраняет скрытый контроль за формально корректным документооборотом. Заниженный стандарт создает риск ответственности за аффилированность, родство или активное участие в хозяйственной деятельности без реальной возможности определять волю должника.

Устойчивый подход предполагает совокупную оценку доказательств, установление временных границ влияния, контролируемый переход бремени доказывания и раздельное исследование статуса, противоправности, причинной связи и вреда. Судебная мотивировка должна содержать реконструкцию механизма управления: связь внешних индикаторов, каналы передачи решений и их влияние на имущественное положение должника. Такая модель позволяет отличить фактического контролера от менеджера, контрагента, финансирующего кредитора или родственника руководителя и сохраняет опровержимый характер банкротных презумпций

Список литературы:

- [1] Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (ред. от 10.06.2026) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 43. Ст. 4190.
- [2] Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ (ред. от 15.12.2025) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 30. Ст. 3012.
- [3] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21.12.2017 № 53 «О некоторых вопросах, связанных с привлечением контролирующих должника лиц к ответственности при банкротстве» (ред. от 23.12.2025). // СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_286130/ (дата обращения: 08.09.2026).
- [4] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.12.2025 № 42 «О внесении изменений в постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 21 декабря 2017 года № 53». // СПС Гарант. URL: <https://base.garant.ru/413363226/?ysclid=mv9b4iabt2799409737> (дата обращения: 08.09.2026).
- [5] Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 15.02.2018 № 302-ЭС14-1472(4,5,7) по делу № А33-1677/2013. // СПС КонсультантПлюс. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=528785> (дата обращения: 08.09.2026).
- [6] Постановление Конституционного Суда РФ от 07.02.2023 № 6-П // Российская газета. 2023. 17 февраля.
- [7] Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 25.03.2024 № 303-ЭС23-26138 по делу № А16-1834/2022. // СПС КонсультантПлюс. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=804652> (дата обращения: 08.09.2026).
- [8] Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 11.02.2025 № 307-ЭС24-18794 по делу № А66-9932/2023. // СПС КонсультантПлюс. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=847742> (дата обращения: 08.09.2026).
- [9] Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 21.02.2025 № 305-ЭС24-22290 по делу № А40-113828/2023. // СПС КонсультантПлюс. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=848573> (дата обращения: 08.09.2026).
- [10] Тематический обзор Верховного Суда Российской Федерации № 5/2026 «О судебной практике разрешения споров о несостоятельности (банкротстве) за 2025 год», утв. постановлением Президиума Верховного Суда РФ от 29.04.2026 № 7А/2026. // СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_533400/ (дата обращения: 08.09.2026).
- [11] Гурбанов К. В. Проблема статуса контролирующего лица как квалифицирующего признака применительно к составу неправомερных действий при банкротстве // Теория и практика общественного развития. 2024. № 8. С. 154–158.
- [12] Корюкаева Т. Г., Петряшова А. А. Вопросы судебной практики рассмотрения споров о привлечении к субсидиарной ответственности контролирующих должника лиц в рамках дел о несостоятельности (банкротстве) // Арбитражные споры. 2024. № 3. С. 86–119.
- [13] Сидоров А. В. Практические проблемы доказывания отсутствия вины контролирующего должника лица, привлекаемого к субсидиарной ответственности // Бизнес. Образование. Право. 2024. № 4 (69). С. 196–200.
- [14] Романов А. А., Набокова А. В. Лица, контролирующие должника: правовой статус и его особенности // Арбитражный и гражданский процесс. 2025. № 3. С. 35–40.
- [15] Рябов Д. Д. Проблемы доказывания по спорам о привлечении контролирующих должника лиц к ответственности в деле о несостоятельности (банкротстве) // Актуальные исследования. 2025. № 46 (281). Ч. III. С. 50–54.

[16] Рехтина И. В. Стандарт добросовестности при привлечении к субсидиарной ответственности контролирующих должника лиц // *Хозяйство и право*. 2025. № 10. С. 9–25.

[17] Кирсанова А. В., Федорова А. Н. Правовые презумпции и судебское усмотрение при привлечении контролирующего должника лица к субсидиарной ответственности // *Jus strictum*. 2026. № 1. С. 15–22.

References:

[1] Federal Law No. 127-FZ of October 26, 2002, "On Insolvency (Bankruptcy)" (as amended on June 10, 2026) // *Collection of Legislation of the Russian Federation*. 2002. No. 43. Art. 4190.

[2] Arbitration Procedural Code of the Russian Federation No. 95-FZ of July 24, 2002 (as amended on December 15, 2025) // *Collection of Legislation of the Russian Federation*. 2002. No. 30. Art. 3012.

[3] Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 53 of December 21, 2017, "On Certain Issues Related to Holding Persons in Control of a Debtor Liable in Bankruptcy Proceedings" (as amended on December 23, 2025) // *ConsultantPlus Legal Reference System*. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_286130/ (accessed: September 8, 2026).

[4] Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 42 of December 23, 2025, "On Amendments to the Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 53 of December 21, 2017" // *Garant Legal Reference System*. URL: <https://base.garant.ru/413363226/?ysclid=mv9b4iab2799409737> (accessed: September 8, 2026).

[5] Ruling of the Judicial Collegium for Economic Disputes of the Supreme Court of the Russian Federation dated February 15, 2018, No. 302-ЭС14-1472(4,5,7) in case No. A33-1677/2013. // *ConsultantPlus Legal Reference System*. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=528785> (accessed: September 8, 2026).

[6] Judgment of the Constitutional Court of the Russian Federation dated February 7, 2023, No. 6-P // *Rossiyskaya Gazeta*. 2023. February 17.

[7] Ruling of the Judicial Collegium for Economic Disputes of the Supreme Court of the Russian Federation dated March 25, 2024, No. 303-ЭС23-26138 in case No. A16-1834/2022. // *ConsultantPlus Legal Reference System*. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=804652> (accessed: September 8, 2026).

[8] Ruling of the Judicial Collegium for Economic Disputes of the Supreme Court of the Russian Federation dated February 11, 2025, No. 307-ЭС24-18794 in case No. A66-9932/2023. // *ConsultantPlus Legal Reference System*. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=847742> (accessed: September 8, 2026). [9] Ruling of the Judicial Collegium for Economic Disputes of the Supreme Court of the Russian Federation dated February 21, 2025, No. 305-ЭС24-22290, in case No. A40-113828/2023. // *ConsultantPlus Legal Reference System*. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=848573> (accessed: September 8, 2026).

[10] Thematic Review by the Supreme Court of the Russian Federation No. 5/2026, "On Judicial Practice in Resolving Insolvency (Bankruptcy) Disputes in 2025," approved by the Resolution of the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation dated April 29, 2026, No. 7A/2026. // *ConsultantPlus Legal Reference System*. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_533400/ (accessed: September 8, 2026).

[11] Gurbanov K. V. The Issue of the Status of a "Controlling Person" as a Qualifying Criterion for Unlawful Actions in Bankruptcy // *Theory and Practice of Social Development*. 2024. No. 8. pp. 154–158.

[12] Koryukaeva T. G., Petryashova A. A. Issues in Judicial Practice Regarding the Imposition of Subsidiary Liability on Persons Controlling a Debtor in Insolvency (Bankruptcy) Cases // *Arbitration Disputes*. 2024. No. 3. pp. 86–119. [13] Sidorov A. V. Practical Issues in Proving the Absence of Fault of a Person Controlling a Debtor Who Is Subject to Subsidiary Liability // *Business. Education. Law*.

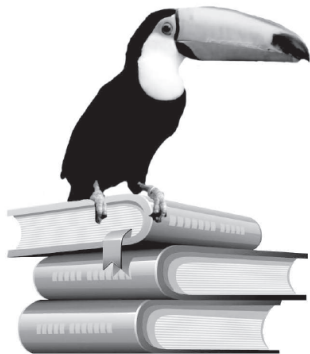
2024. No. 4 (69). pp. 196–200.

[14] Romanov A. A., Nabokova A. V. *Persons Controlling a Debtor: Legal Status and Its Specifics* // *Arbitration and Civil Procedure*. 2025. No. 3. pp. 35–40.

[15] Ryabov D. D. *Evidentiary Challenges in Disputes Regarding the Imposition of Liability on Persons Controlling a Debtor in Insolvency (Bankruptcy) Proceedings* // *Current Research*. 2025. No. 46 (281). Part III. pp. 50–54.

[16] Rekhtina I. V. *The Standard of Good Faith in Imposing Subsidiary Liability on Persons Controlling a Debtor* // *Economy and Law*. 2025. No. 10. pp. 9–25.

[17] Kirsanova A. V., Fedorova A. N. *Legal Presumptions and Judicial Discretion in Imposing Subsidiary Liability on a Person Controlling a Debtor* // *Jus strictum*. 2026. No. 1. pp. 15–22.



Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

ИКСАНОВ Аделя Рамилевич,
магистрант 2 курса Юридического факультета
Казанского (Приволжского) федерального университета,
e-mail: mail@law-books.ru

ОСНОВАНИЯ И ПРЕДЕЛЫ СУБОРДИНАЦИИ ТРЕБОВАНИЙ КОНТРОЛИРУЮЩИХ ДОЛЖНИКА ЛИЦ

Аннотация. В статье исследуются основания и пределы понижения очередности требований контролирующих должника и аффилированных с ним лиц. Рассматриваются компенсационное финансирование, недокапитализация, приобретение требований независимых кредиторов, причинение вреда кредиторскому сообществу и распределение бремени доказывания. Установлено, что субординация сохраняет обязательственное требование, изменяя его место в конкурсной очередности и объем процессуального влияния кредитора. Ее применение требует раздельной проверки контроля, имущественного кризиса, функции финансирования и последствий поведения кредитора.

Ключевые слова: несостоятельность (банкротство), контролирующее должника лицо, аффилированный кредитор, субординация требований, компенсационное финансирование, имущественный кризис, недокапитализация, очередность удовлетворения требований.

IKSANOV Adel Ramilevich,
2nd year Master's student of the Faculty of Law
Kazan (Volga Region) Federal University

GROUND AND LIMITS OF SUBORDINATION OF CLAIMS OF PERSONS CONTROLLING THE DEBTOR

Annotation. The article examines the grounds and limits for lowering the priority of claims held by persons controlling the debtor and affiliated creditors. It considers compensatory financing, undercapitalization, acquisition of independent creditors' claims, harm to the creditor community, and allocation of the burden of proof. The study concludes that subordination preserves the underlying obligation while changing its priority and the creditor's procedural influence in bankruptcy. Its application requires separate findings on control, financial distress, the economic function of financing, and the consequences of the creditor's conduct.

Key words: insolvency (bankruptcy), person controlling the debtor, affiliated creditor, subordination of claims, compensatory financing, financial distress, undercapitalization, priority of claims.

Введение

Субординация требований КДЛ учитывает различие рисков внешнего кредитора и лица, которое располагает внутренней информацией и влияет на финансовые решения должника. Поэтому требование КДЛ нуждается в проверке экономической функции финансирования.

Закон о банкротстве прямо не закрепляет субординацию требований КДЛ [1]. Ее усло-

вия систематизированы Пленумом Верховного Суда РФ от 23 декабря 2025 г. № 41 [3]. Разъяснения определили формы компенсационного финансирования, очередность и полномочия кредитора. Поскольку понижение приоритета затрагивает содержание права, базовые условия механизма нуждаются в законодательном закреплении.

В литературе субординация характеризуется как механизм конкурсного права и способ упорядочения реестра [10; 11, с. 8–28].

А. А. Яковенко связывает ее с ответственностью недобросовестного информированного кредитора [15, с. 109–122]. Этот подход применим при создании подконтрольного долга, сокрытии кризиса или причинении вреда. Компенсационное финансирование может повлечь понижение вследствие перераспределения предпринимательского риска без установления полного состава правонарушения.

Цель и методология исследования

Цель статьи — определить основания и пределы субординации требований КДЛ с учетом Постановления Пленума № 41 и практики 2023–2025 годов. Исследуются природа требований, признаки компенсационного финансирования, исключения и правила доказывания. Используются формально-юридический и системно-структурный методы.

Основания субординации требований

Субординация применима к действительному обязательственному требованию. Мнимый долг не включается в реестр, а исполнение за счет должника может исключать переход права. При компенсационном финансировании требование сохраняется с пониженной очередностью. Это разграничение определяет объем прав кредитора.

Первое условие связано с положением кредитора. Формальная аффилированность не предрешает спор: устанавливаются способность определять действия должника и влияние КДЛ на кредитора. В Определении от 25 сентября 2023 г. № 305-ЭС23-4897(2) Верховный Суд РФ указал, что заем подконтрольной компании сам по себе не становится корпоративным требованием [5]. Оцениваются цель, условия финансирования и поведение сторон. Договорная субординация по статье 309.1 ГК РФ связывает только согласившихся кредиторов [2] и не заменяет судебную квалификацию.

Второе условие — имущественный кризис в момент предоставления. Отдельная просрочка или возбуждение дела его не доказывают. Суд исследует платежеспособность, активы, прекращение расчетов и возможность продолжать деятельность. Для цессии учитывается момент приобретения требования, для поручительства — заключения сделки. Исполнение после кризиса не понижает требо-

вание, если поручительство возникло раньше.

Третье условие — компенсационная функция займа, отсрочки, отказа от взыскания, выкупа долга, исполнения за должника или обеспечения. Общий признак состоит в поддержании деятельности во время кризиса. При неудаче такого плана вложения возвращаются после расчетов с независимыми и зарегистрированными кредиторами.

Невостребование долга оценивается с учетом обычных условий оборота. Рыночная отсрочка исключает автоматическое понижение. Учитываются длительность просрочки, отказ от взыскания, необычная цена финансирования, осведомленность о кризисе и сокрытие долга [14, с. 89–91].

Скрытая поддержка возможна через выкуп требований и отказ от их предъявления. Верховный Суд РФ связал такую модель с видимостью финансового благополучия (Определение от 8 июля 2025 г. № 307-ЭС19-24552(11)) [9]. Уступка и последующая утрата контроля не повышают уже определенную очередность.

Недокапитализация имеет место, когда внутреннее заемное финансирование при заведомо недостаточном капитале переносит риск проекта на кредиторов. Последующая несостоятельность сама по себе этого не доказывает. Оцениваются бизнес-план, ожидаемые расходы, активы и структура финансирования по сведениям на момент решения.

Бенефициарный интерес ограничивает субординацию. Обзор практики за 2024 год исключает понижение требования кредитора, получившего контроль для возврата средств без расчета на прибыль должника [4]. Для банка отсутствие такого интереса презюмируется. Ковенанты, залог долей и согласование решений оцениваются по функции: обычный кредитный контроль не равен корпоративному.

Злоупотребление влиянием в процедуре образует отдельное основание. Покупка требований понижается, если направлена на обход правил о полном погашении и контроль над собранием кредиторов; цель доказывает заявитель. Продолжение убыточной деятельности по решению мажоритарного кредитора требует установления вреда. Убытки взыскиваются по самостоятельному основанию.

Согласованная санация ограничивает субординацию. При одобрении держателями более половины долговой нагрузки финансирование сохраняет обычную очередность при защите миноритариев. Их удовлетворение сравнивается с результатом немедленного конкурсного производства с учетом инфляции и сведений, доступных при предоставлении средств.

Очередность зависит от времени финансирования. Средства после введения первой процедуры относятся к текущим платежам; внесенные после возбуждения дела, но до процедуры, погашаются перед ликвидационной квотой. В период моратория действуют общие правила Пленума № 41.

Пределы субординации и процессуальные последствия

Материальный предел состоит в сохранении требования и статуса участника дела [4]. Верховный Суд РФ запретил прекращать производство после расчета с более приоритетными кредиторами при непогашенном субординированном долге (Определение от 30 июня 2025 г. № 307-ЭС22-25636(6)) [8]. Иначе возможно повторное банкротство.

Имущественное право включает мораторные проценты. Определение от 3 апреля 2025 г. № 305-ЭС24-22635 признало их по требованию о возврате компенсационного финансирования [7]. Понижение не изменяет природу долга, однако погашение процентов не требуется для прекращения дела после расчета по основным требованиям.

Кредитор вправе заявить требование, участвовать в деле и инициировать банкротство. Пониженное требование обычно не дает голоса до расчета с более приоритетными кредиторами. КДЛ не участвует в выборе управляющего; его возможности оспаривать сделки и инициировать субсидиарную ответственность ограничены. Исключения допустимы при конфликте групп КДЛ.

Обеспечение не восстанавливает приоритет. В Определении от 11 июля 2024 г. № 305-ЭС24-3389 Верховный Суд РФ указал, что залог по компенсационному финансированию не дает преимущества перед внешними кредиторами [6]. Он учитывается между субординированными требованиями; отступное

может быть оспорено.

Требование КДЛ, привлеченного к субсидиарной ответственности или возмещению убытков, не удовлетворяется до погашения вреда кредиторам. После исполнения обязанности расчеты продолжаются. Здесь понижение связано с установленным вредом; при компенсационном финансировании оно основано на принятии риска санации. Разграничение исключает повторный учет одного обстоятельства.

Бремя доказывания зависит от основания. После подтверждения контроля и финансирования в кризис КДЛ раскрывает источники средств, мотив и план восстановления. Косвенные признаки требуют проверки иных объяснений [16]. Для банка без бенефициарного интереса действует другая презумпция. Злоупотребительную покупку требований доказывает заявитель.

Субординация ограничена банкротством юридических лиц и не применяется к гражданам и индивидуальным предпринимателям. За ее пределами обычно остаются деликтные требования и долги из вынужденного продолжения снабжения, если не установлена иная экономическая функция. Эти кредиторы не принимали решение о финансировании.

Результаты исследования

Суд последовательно проверяет реальность обязательства, контроль или бенефициарный интерес, момент кризиса, функцию средств и согласование санации. Отсутствие права влечет отказ во включении, компенсационное финансирование — понижение действительного требования, доказанный вред — самостоятельную ответственность.

Предсказуемая оценка внутригрупповой задолженности сохраняет значение [12, с. 245–246; 13, с. 54–59]. Закон целесообразно дополнить понятием компенсационного финансирования, его очередностью, базовыми полномочиями кредитора и правилами доказывания. Судебные разъяснения могут конкретизировать признаки кризиса, бенефициарного интереса и обычных коммерческих условий.

Заключение

Субординация защищает независимых кредиторов от риска скрытой санации, сохра-

няя у КДП требование, мораторные проценты и часть процессуальных полномочий. Аффилированность дает основание для проверки, но не для автоматического понижения. Требуется установить связь между контролем, кризисом и функцией финансирования; последнее должно соответствовать доказанному риску или вреду.

Список литературы:

- [1] Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» // СЗ РФ. 2002. № 43. Ст. 4190.
- [2] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ // СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.
- [3] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.12.2025 № 41 «Об установлении в процедурах банкротства требований контролирующих должника лиц и аффилированных лиц должника» // Верховный Суд Российской Федерации. URL: <https://vsrf.ru/documents/own/35292/> (дата обращения: 30.07.2026).
- [4] Обзор судебной практики разрешения споров о несостоятельности (банкротстве) за 2024 год: утв. Президиумом Верховного Суда РФ 25.04.2025 // Верховный Суд Российской Федерации. URL: <https://www.vsrfr.ru/documents/all/34365/> (дата обращения: 30.07.2026).
- [5] Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 25.09.2023 № 305-ЭС23-4897(2) по делу № А40-174540/2021. // Верховный Суд Российской Федерации. URL: https://vsrf.ru/lk/practice/stor_pdf_ec/2292278 (дата обращения: 30.07.2026).
- [6] Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 11.07.2024 № 305-ЭС24-3389 по делу № А40-111595/2020. // Верховный Суд Российской Федерации. URL: https://vsrf.ru/lk/practice/stor_pdf_ec/2383876 (дата обращения: 30.07.2026).
- [7] Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 03.04.2025 № 305-ЭС24-22635 по делу № А41-33349/2024. // Верховный Суд Российской Федерации. URL: https://vsrf.ru/lk/practice/stor_pdf_ec/2453610 (дата обращения: 30.07.2026).
- [8] Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 30.06.2025 № 307-ЭС22-25636(6) по делу № А66-10018/2021. // Верховный Суд Российской Федерации. URL: https://vsrf.ru/lk/practice/stor_pdf_ec/2472772 (дата обращения: 30.07.2026).
- [9] Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 08.07.2025 № 307-ЭС19-24552(11) по делу № А56-11178/2016. // Верховный Суд Российской Федерации. URL: https://vsrf.ru/lk/practice/stor_pdf_ec/2474128 (дата обращения: 30.07.2026).
- [10] Родина Н. В. Субординация требований кредиторов в процессе несостоятельности (банкротства) юридических лиц: монография / под науч. ред. И. В. Фролова. М.: Юстицинформ, 2023. 192 с.
- [11] Ходаковский А. П. Реестр требований кредиторов и его формирование в процессе несостоятельности (банкротства). М.: Статут, 2023. 222 с.
- [12] Черкашина Н. В., Поляков О. С., Марков А. С. Субординация требований по конкурсному праву в делах о банкротстве // Право и государство: теория и практика. 2023. № 7 (223). С. 245–246.
- [13] Слонов Д. С. Позиция Верховного Суда РФ по вопросу включения в реестр требований кредиторов внутригрупповой задолженности посредством заключения договоров поручительства // Российское конкурентное право и экономика. 2023. № 1 (33). С. 54–59.
- [14] Чернышенко Н. Как добиться субординации требования фактически аффилированного кредитора // Банковское обозрение. Приложение «FinLegal». 2024. № 1. С. 89–91.
- [15] Яковенко А. А. Субординация требований недобросовестных кредиторов должника как форма гражданско-правовой ответственности // Хозяйство и право. 2025. № 2. С. 109–122.
- [16] Бикбулатов Р. К вопросу о прямых и косвенных доказательствах при субординации требований кредиторов // Образование и право. 2026. № 3. URL: https://zakon.ru/publication/k_

voprosu_o_pryamyh_i_kosvennyh_dokazatelstvah_pri_subordinacii_trebovanij_kreditorov (dama obrasheniya: 30.07.2026).

References:

[1] Federal Law No. 127-FZ of October 26, 2002, "On Insolvency (Bankruptcy)" // *Collected Legislation of the Russian Federation*. 2002. No. 43. Art. 4190.

[2] Civil Code of the Russian Federation (Part One), Federal Law No. 51-FZ of November 30, 1994 // *Collected Legislation of the Russian Federation*. 1994. No. 32. Art. 3301.

[3] Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 41 of December 23, 2025, "On the Establishment of Claims by Persons Controlling the Debtor and Affiliated Persons of the Debtor in Bankruptcy Proceedings" // Supreme Court of the Russian Federation. URL: <https://vsrf.ru/documents/own/35292/> (accessed: July 30, 2026).

[4] Review of Judicial Practice in Resolving Insolvency (Bankruptcy) Disputes for 2024: approved by the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation on April 25, 2025 // Supreme Court of the Russian Federation. URL: <https://www.vsrfr.ru/documents/all/34365/> (accessed: July 30, 2026).

[5] Ruling of the Judicial Collegium for Economic Disputes of the Supreme Court of the Russian Federation No. 305-ES23-4897(2) of September 25, 2023, in Case No. A40-174540/2021 // Supreme Court of the Russian Federation. URL: https://vsrf.ru/lk/practice/stor_pdf_ec/2292278 (accessed: July 30, 2026). [6] Ruling of the Judicial Collegium for Economic Disputes of the Supreme Court of the Russian Federation dated July 11, 2024, No. 305-ЭС24-3389, in case No. A40-111595/2020. // Supreme Court of the Russian Federation. URL: https://vsrf.ru/lk/practice/stor_pdf_ec/2383876 (accessed: July 30, 2026).

[7] Ruling of the Judicial Collegium for Economic Disputes of the Supreme Court of the Russian Federation dated April 3, 2025, No. 305-ЭС24-22635, in case No. A41-33349/2024. // Supreme Court of the Russian Federation. URL: https://vsrf.ru/lk/practice/stor_pdf_ec/2453610 (accessed: July 30, 2026).

[8] Ruling of the Judicial Collegium for Economic Disputes of the Supreme Court of the Russian Federation dated June 30, 2025, No. 307-ЭС22-25636(6), in case No. A66-10018/2021. // Supreme Court of the Russian Federation. URL: https://vsrf.ru/lk/practice/stor_pdf_ec/2472772 (accessed: July 30, 2026).

[9] Ruling of the Judicial Collegium for Economic Disputes of the Supreme Court of the Russian Federation dated July 8, 2025, No. 307-ЭС19-24552(11), in case No. A56-11178/2016. // Supreme Court of the Russian Federation. URL: https://vsrf.ru/lk/practice/stor_pdf_ec/2474128 (accessed: 30.07.2026).

[10] Rodina N. V. Subordination of Creditors' Claims in the Insolvency (Bankruptcy) Proceedings of Legal Entities: A Monograph / ed. by I. V. Frolov. Moscow: Yustitsinform, 2023. 192 p.

[11] Khodakovskiy A. P. The Register of Creditors' Claims and Its Formation in Insolvency (Bankruptcy) Proceedings. Moscow: Statut, 2023. 222 p.

[12] Cherkashina N. V., Polyakov O. S., Markov A. S. Subordination of Claims under Insolvency Law in Bankruptcy Cases // *Law and State: Theory and Practice*. 2023. No. 7 (223). pp. 245–246.

[13] Slonov D. S. The Position of the Supreme Court of the Russian Federation on the Inclusion of Intra-Group Debt in the Register of Creditors' Claims via Surety Agreements // *Russian Competition Law and Economy*. 2023. No. 1 (33). pp. 54–59.

[14] Chernyshenko N. How to Achieve Subordination of a Claim Held by a De Facto Affiliated Creditor // *Banking Review*. "FinLegal" Supplement. 2024. No. 1. pp. 89–91.

[15] Yakovenko A. A. Subordination of Claims Held by Unscrupulous Creditors of a Debtor as a Form of Civil Liability // *Economy and Law*. 2025. No. 2. pp. 109–122.

[16] Bikbulatov R. On the Issue of Direct and Indirect Evidence in the Subordination of Creditors' Claims // *Education and Law*. 2026. No. 3. URL: https://zakon.ru/publication/k_voprosu_o_pryamyh_i_kosvennyh_dokazatelstvah_pri_subordinacii_trebovanij_kreditorov (accessed: 30.07.2026).

ЮСУПОВА Мария Константиновна,
магистрант юридического факультета
Дальневосточного института (филиала) ВГУЮ (РПА Минюста России),
тел.: +7(924)115-10-49,
e-mail: marryiusuff@mail.ru

ПРЕКРАЩЕНИЕ ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО ПРОИЗВОДСТВА: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ПРАКТИКИ РАЗНЫХ СТРАН

Аннотация. В статье проводится сравнительный анализ оснований и процедур прекращения исполнительного производства в России, странах ЕС и США, также выявляются общие тенденции и национальные особенности правового регулирования.

Ключевые слова: исполнительное производство, прекращение исполнительного производства, исполнительное право, судебные приставы, правоприменительная практика.

YUSUPOVA Mariya Konstantinovna,
Far Eastern Institute (Branch) of the All-Russian State University
of Justice (RLA of the Ministry of Justice of Russia)

TERMINATION OF ENFORCEMENT PROCEEDINGS: A COMPARATIVE ANALYSIS OF PRACTICES IN DIFFERENT COUNTRIES

Annotation. The article provides a comparative analysis of the grounds and procedures for the termination of enforcement proceedings in Russia, EU countries and the USA. It also identifies common trends and national specificities of legal regulation.

Key words: enforcement proceedings, termination of enforcement proceedings, enforcement law, bailiffs, enforcement practice.

Исполнительное производство является целостным и относительно самостоятельным правовым образованием в системе российского права, регулирующим отношения, возникающие при исполнении судебных актов и актов иных органов, и, вряд ли, можно рассматривать его составной частью гражданского процессуального права [3].

Прекращение – это когда производство продолжается, продолжается и теперь его прекратили, т. е. судебные приставы прекратили исполнять. Окончанием исполнительного производства является закрытие дела судебным приставом, исполнение решений. Статьи 43, 44 ФЗ «Об исполнительном производстве» описывает случаи, при которых прекращается дело. Обычно это происходит в двух случаях, когда вопросы решаются судом, вопросы решаются судебным приставом-исполнителем. Таким образом исполнительное

производство исполнения судебных постановлений находится под контролем у суда, который принимает решение после чего судебный пристав-исполнитель его исполняет [1].

Прекращается исполнительное производство судом, когда смерть гражданина, смерть взыскателя, в пользу которого взыскивается, объявление его умершим, признание лица безвестно отсутствующим является основанием для прекращения исполнительного производства. Но не всего, только в том случае, либо требование, предъявленное взыскателем, либо обязанности должника не могут перейти к правопреемникам.

ГПК РФ определяет, что решение о прекращении исполнительного производства должен принимать именно районный суд общей юрисдикции. То есть по тому же населенному пункту или району, по которым действует территориальный орган ФССП. Основанием для

принятия судом решения служит поданное одной из сторон заявление.

Суд в течение 10 дней отменяет исполнительное производство. Суд извещает все стороны исполнительного производства и о дате и времени рассмотрения дела. Если же один из участников исполнительного производства не явится на заседание, данное обстоятельство не будет являться препятствием к принятию судом решения. После рассмотрения заявления судом выносится определение, направляемое взыскателю, судебному приставу и должнику.

Стоит отметить, что в соответствии со ст. 440 ГПК РФ стороны могут подать частную жалобу на выданное судом решение. Если находящийся на исполнении у судебного пристава исполнительный документ ранее был выдан арбитражным судом, то его отмена осуществляется той же судебной инстанцией. Либо арбитражным судом, находящимся в зоне исполнения судебным приставом исполнителем его обязанностей. Арбитражные суды привлекаются, если должником выступает юрлицо или прошедшее в ФНС регистрацию в качестве предпринимателя физическое лицо. Несмотря на прямое участие суда, точку в исполнительном производстве ставит именно судебный пристав [2].

С принятием в 1997 г. федеральных законов «О судебных приставах» и «Об исполнительном производстве» в исполнительной системе произошли существенные изменения. Судебная практика выявила недостатки Закона «Об исполнительном производстве», но это закономерно, поскольку абсолютно совершенного законодательства в мире не существует.

Большая часть исполнительных производств прекращается не в связи с непосредственным исполнением. Прекращение же исполнительного производства, вызванное не фактическим исполнением требований исполнительных документов, является одной из самых актуальных проблем в исполнительном производстве.

Допустим, вступило в силу законное и обоснованное решение суда по имущественному спору между двумя сторонами. Спор разрешен. Но достигнута ли цель лица, возбуждавшего процесс? Каким бы положительным ни было судебное решение для истца,

оно не имеет для него позитивной окраски до тех пор, пока не будет исполнено. От того, насколько быстро и полно исполняются судебные решения, зависит очень многое, от непосредственного соблюдения прав и интересов юридических и физических лиц до отношения общества к судебной процедуре как действенной форме защиты нарушенных прав и интересов. Можно сказать, что неисполнение судебных решений вносит значительную лепту в формирование правового нигилизма [3].

Следует заметить, что принудительное исполнение исполнительного документа может производить только служба судебных приставов, поскольку иные органы и организации органами принудительного исполнения не являются (ст. 5 Закона «Об исполнительном производстве»). В Законе «Об исполнительном производстве» зафиксированы обязательные требования ко всем исполнительным документам (ст. 13), а не только к исполнительным листам.

Исполнительный документ – это вынесенный судом или иным предусмотренным законодательством органом юрисдикционный акт, соответствующий обязательным требованиям, содержащий сведения о присуждении, подтверждающий наличие предусмотренных законом оснований и условий для возбуждения исполнительного производства службой судебных приставов и обязательный к исполнению для всех органов, организаций, должностных лиц, граждан на всей территории Российской Федерации.

На практике также возникает вопрос, в порядке гражданского или административного судопроизводства подлежат рассмотрению вопросы прекращения исполнительного производства по категориям дел, которые в настоящее время рассматриваются согласно Кодексу административного судопроизводства Российской Федерации, если исполнительный документ выдан на основании судебного постановления, принятого в порядке Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации.

Исполнение судебного постановления – это конечная стадия судебного процесса; в связи с этим вопросы прекращения исполнительного производства находятся в непосредственной взаимосвязи с видом судопроиз-

водства, в ходе которого судом был разрешен спор по существу.

Если спор был разрешен в порядке гражданского судопроизводства, то и вопрос прекращения исполнительного производства в рамках данного дела подлежит рассмотрению в порядке гражданского судопроизводства. В случае если заявление о прекращении исполнительного производства оформлено согласно требованиям Кодекса административного производства Российской Федерации, а подлежит рассмотрению в порядке гражданского судопроизводства или наоборот, то ранее такое заявление не подлежало принятию к производству суда.

Пленум Верховного Суда Российской Федерации подготовил постановление от 3 октября 2017 г. № 30 «О внесении в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации проекта федерального закона «О внесении изменений в Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации, Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации, Кодекс административного судопроизводства».

Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации», которым предусмотрен переход судом от одного вида судопроизводства к другому путем вынесения соответствующего определения.

В субъектах РФ судебная практика сформировалась так, что вопросы прекращения исполнительного производства рассматриваются исключительно судами общей юрисдикции. При этом суды опираются на отсутствие в ст. 440 ГПК РФ прямого указания на отнесение дел по заявлениям о прекращении исполнительного производства к компетенции мировых судей. Следовательно, вопросы прекращения исполнительного производства, начатого на основании исполнительного листа, выданного мировым судьёй, не входят в подсудность районных судов.

Сложным остаётся вопрос о том, каким судам, общей юрисдикции или арбитражным, следует рассматривать дела о прекращении исполнительного производства, возбуждённого на основании исполнительного документа, выданного органом, осуществляющим контрольные функции (пенсионными, налоговыми и иными), в случае смерти индивидуаль-

ного предпринимателя или главы крестьянского (фермерского) хозяйства.

В различных регионах России подведомственность таких дел определяется по-разному. Согласно п. 1 ч. 2 ст. 45 Закона «Об исполнительном производстве» приостановление и прекращение исполнительного производства арбитражным судом осуществляется лишь в случаях, прямо предусмотренных этим Законом, в отношении гражданина, ведущего предпринимательскую деятельность без образования юридического лица, либо организации.

Исходя из п. 5 ч. 1 ст. 12 указанного Закона, к исполнительным документам, направляемым судебным приставам-исполнителям, относятся акты органов, выполняющих контрольные функции (за исключением документов, указанных в п. 4.1 этой части), о взыскании денежных средств с приложением документов, содержащих отметки банков или иных кредитных организаций, в которых открыты расчётные и другие счета должника, о полном или частичном неисполнении требований этих органов вследствие отсутствия на счетах должника достаточных денежных средств.

Вопросы прекращения исполнительного производства, возбуждённого на основании исполнительного документа, выданного органом, осуществляющим контрольные функции, в случае смерти индивидуального предпринимателя или главы крестьянского (фермерского) хозяйства относятся к подведомственности арбитражных судов.

Вместе с тем ч. 1 ст. 327 АПК РФ предусматривает, что арбитражный суд вправе приостановить или прекратить исполнительное производство, возбуждённое судебным приставом-исполнителем на основании исполнительного листа, выданного арбитражным судом.

Поэтому, по нашему мнению, исходя из буквального толкования данной нормы, к компетенции арбитражных судов относятся вопросы прекращения исполнительного производства лишь тогда, когда оно возбуждено на основании исполнительных листов, выданных этими судами. Во всех остальных случаях такие вопросы относятся к ведению судов общей юрисдикции.

В настоящее время неправильное определение подведомственности спора служит основанием для отказа в принятии заявления к производству суда либо, если нарушение правил подведомственности выявлено уже в ходе рассмотрения дела, основанием для прекращения производства по делу. В результате заявителю приходится заново оформлять заявление и собирать необходимый пакет документов, а рассмотрение дела компетентным судом начинается с самого начала.

Действующее законодательство по вопросам подведомственности и подсудности дел о прекращении исполнительного производства требует дальнейшего совершенствования. В связи с этим особую важность приобретает работа Верховного Суда РФ по формированию единообразной судебной практики по вопросам прекращения исполнительного производства, обеспечению единства подходов при осуществлении правосудия, исключению возможности отказа в судебной защите при споре о подведомственности дела и установлению общих правил организации судопроизводства.

В Российской Федерации организация исполнительного производства строится с использованием нескольких подходов: публично-правового, частноправового и смешанного. Российская система принудительного исполнения при публично - правовом статусе службы судебных приставов допускается участие в ходе производства организаций различной организационно - правовой формы, что не всегда положительно влияет на ход производства и реализацию прав участников. Несмотря на выстроенную систему исполнительного производства, более 70% должников не привлечены к ответственности. Именно поэтому стоит изучить опыт зарубежных стран в розыске должников и их имущества для возможности сопоставления с системой исполнительного производства в России, выделении сильных и слабых сторон и анализе эффективности зарубежной системы.

Научно-практический интерес представляют системы исполнительно –принудительного производства судебных приставов, используемые в Китае, США, Финляндии, Германии и Беларуси.

Китай представляет собой весьма прогрессивную страну не только в сфере технических

изобретений, но и в разработке чётких правовых норм и их практической реализации. Способность упорядочивать процессы выделяет китайцев среди большинства других народов, благодаря чему их система принудительного исполнения демонстрирует высокие результаты. Ещё в древности при кредитовании китайцы оформляли договор с обязательным участием поручителя, взимали проценты с суммы займа, которые не могли превышать её величину. Залог имущества в Китае был распространённой практикой: если семья оказывалась неспособной погасить долг, заложенное имущество изымалось. При этом изъятие могло осуществлять лишь уполномоченное судьёй должностное лицо. Такая система оберегала обычных граждан от финансовой зависимости и гарантировала защиту их прав. В настоящее время исполнительная система Китая организована и включает несколько стадий производства. В социально-демократическом государстве порядок и закон занимают доминирующее положение, поэтому судебные приставы действуют осмотрительно, чтобы не выйти за пределы правовых норм. При рассмотрении банковских долгов граждан кредитор обращается к профессиональному юристу по взысканию задолженности, который, действуя в рамках закона, направляет должнику письменную претензию; если эта мера оказывается неэффективной, подаётся иск в суд. Следует отметить, что органом принудительного исполнения в Китае выступает Верховный суд Китайской Народной Республики, который чаще всего занимает позицию кредитора и накладывает арест на имущество должника. Счета должника также подлежат аресту; при невозможности погашения задолженности суд может признать должника банкротом, после чего его имущество реализуется на электронных торгах [7].

В США взысканием долгов, розыском должников и их имущества занимается Федеральная служба маршалов, тесно взаимодействующая с полицией, ФБР и иными правоохранительными органами. Служба маршалов уполномочена не только на взыскание долгов и розыск должников, но и на проведение исследований и осуществление оперативно-розыскных мероприятий. Согласно системе англо-американского права служба маршалов

действует от имени народа, тогда как в России служба судебных приставов действует от имени государства. Непосредственно розыском должников и их имущества в США занимается Федеральная свободная бригада по исполнению судебных решений. Исполнительная система построена на координации органов и служб^ на первом этапе свободная бригада по исполнению судебных решений проводит исследование и розыск имущества должника, если он его скрывает. После установления местонахождения имущества служба Прокурора США возбуждает производство по обращению взыскания. При умышленном сокрытии имущества должником либо представлении ложных сведений в отношении него может быть возбуждено уголовное дело. Кроме того, взыскатель вправе самостоятельно заниматься розыском имущества должника или привлечь адвоката. При этом единой системы в США не существует, поскольку вследствие деления на штаты отсутствует единый подход к юрисдикционным актам и их исполнению. В США действуют Верховный суд и суды штатов, а в каждом штате действуют собственные законы, что усложняет принудительную систему взыскания и нередко делает решение суда, вынесенное в одном штате, недействительным для другого. Обязанность исполнять решение суда, вынесенное в другом штате, существует, однако на практике такая система затрудняет производство. Тем не менее чёткое разграничение обязанностей в исполнительской системе США позволяет достигать результатов в розыске должников и их имущества.

Исполнительная система Финляндии во многом сходна с российской, однако её рассмотрение позволяет увидеть методы финских коллег, способствующие успешному исполнению судебных решений. Организационная структура органов принудительного исполнения в Финляндской Республике представлена государственной службой принудительного исполнения. С целью получения сведений о должнике и его имуществе производится допрос лиц, располагающих информацией о финансово-материальном положении должника. На допрос лицо, владеющее сведениями, вызывается посредством повестки в рамках исполнительного производства. В Финляндии действует Кодекс об исполнительном произ-

водстве, обязывающий должника предоставлять информацию об имуществе и активах судебному исполнителю по его требованию. Любые юридические лица, третьи лица, государственные и коммерческие организации, располагающие сведениями об имуществе и активах должника, обязаны сообщить эту информацию судебному исполнителю.

Германия как федеративное государство разделена на земли, в каждой из которых действуют собственные правовые акты, вследствие чего в стране отсутствует единый закон об исполнительном производстве. Принудительное исполнение судебных решений осуществляют регистраторы суда, приравненные к чиновникам. Непосредственно розыск должников и их имущества проводят органы полиции, а регистраторы исполняют вступившие в законную силу судебные решения. Для исполнения распоряжения суда об обеспечении иска орган принудительного исполнения либо задерживает лицо, либо налагает арест на имущество, либо непосредственно совершает действия, которые должен был совершить должник.

Законодательство Республики Беларусь об исполнительном производстве находится в стадии качественных преобразований, подтверждением чему являются принятые за последние несколько лет изменения в закон об исполнительном производстве. Отдельные новеллы в регулировании исполнительного производства в республике Беларусь в связи с модернизацией законодательства достаточно подробно проанализированы в ряде научных публикаций, подготовленных исследователями вопроса [4].

В Российской Федерации принципы исполнительного производства, зафиксированные в статье 4 Федерального закона «Об исполнительном производстве», охватывают законность, своевременность осуществления исполнительных действий и применения мер принудительного исполнения, уважение чести и достоинства гражданина, неприкосновенность минимума имущества, необходимого для существования должника и членов его семьи, а также соразмерность объёма требований взыскателя и применяемых мер принудительного исполнения.

В Республике Беларусь согласно статье 5

Закона «Об исполнительном производстве» закреплены законность, процессуальная экономия, равноправие, добросовестность, уважение чести и достоинства гражданина, баланс интересов взыскателя и должника, а также беспристрастность должностных лиц. При сопоставлении этих перечней заметны следующие расхождения: в российском законодательстве присутствует принцип своевременности исполнительных действий, отсутствующий в белорусском, тогда как в Беларуси закреплены принципы процессуальной экономии, добросовестности и беспристрастности, не отражённые в российском законе, а принцип равноправия указан в белорусском акте, но не назван в российском.

Оценивая различия в подходах к регламентации принципов исполнительного производства в двух государствах, можно заключить, что в России приоритет отдан началам, обеспечивающим равновесие интересов взыскателя и должника, а также защиту прав и законных интересов должника-гражданина, что проявляется в закреплении неприкосновенности минимального имущества, соразмерности мер принудительного исполнения и уважения чести и достоинства.

Белорусское же законодательство наряду с общими принципами уделяет повышенное внимание процессуальной стороне исполнительного производства посредством принципов процессуальной экономии, добросовестности и беспристрастности должностных лиц, что говорит об ориентации на достижение эффективности, справедливости и надлежащей организации процедуры. Различия в составе принципов могут объясняться историческими, правовыми и социально-экономическими особенностями двух стран. Российское регулирование, вероятно, в большей мере сосредоточено на охране прав и интересов должника, что обусловлено необходимостью преодоления правовых и фактических ограничений постсоветского периода.

В Беларуси акцент на процессуальной экономии и балансе интересов, по-видимому, связан со стремлением оптимизировать исполнительное производство и учитывать интересы всех участников. Отсутствие принципа равноправия в перечне, установленном российским законом, представляет собой пробел, который

целесообразно восполнить для обеспечения соответствия международным стандартам в сфере защиты прав человека.

В целом, сравнительный анализ демонстрирует, что при общности ряда ключевых принципов, законодательство двух стран отражает различные подходы к регулированию исполнительного производства, что может быть учтено при совершенствовании нормативной базы в этой сфере. Российское законодательство больше фокусируется на защите должника, а белорусское - на процессуальной эффективности и балансе интересов. Полученные выводы могут быть использованы при совершенствовании нормативной базы в этой сфере, в том числе в рамках интеграционных процессов между Россией и Беларусью. Возможна выработка согласованных подходов к регулированию принципов исполнительного производства [4].

Сроки в исполнительном производстве имеют определяющее значение, поскольку гарантируют оперативность и результативность исполнения судебных актов и иных исполнительных документов. Чёткое закрепление процессуальных сроков способствует поддержанию равновесия интересов взыскателя, должника и остальных участников процедуры.

Никонова Н.Н. в публикации «Процессуальные сроки в исполнительном производстве: проблемы правового регулирования» отмечает, что в белорусском законодательстве регламентация процессуальных сроков развития слабее, чем в российском, что уменьшает эффективность защиты прав участников [5, с. 8].

С позиции российского права, исходя из материалов указанной статьи, можно заключить, что регулирование процессуальных сроков в исполнительном производстве России построено более последовательно и системно, чем в Беларуси, и обеспечивает более надёжную охрану прав заинтересованных лиц.

В России существуют общие правила о восстановлении законодательно установленных процессуальных сроков, тогда как в Беларуси подобная регламентация отсутствует. Российский закон более подробно определяет порядок продления процессуальных сроков, что позволяет участникам производства эф-

фективнее защищать свои права. Российская трактовка отдельных сроков, в частности семидневного срока на добровольное исполнение, представляется более точной, поскольку рассматривает их как законодательно установленные, в отличие от белорусского подхода.

Доктор юридических наук Таранова Т.С. (БГЭУ, Минск) в работе «Срок исполнения исполнительных документов» подчёркивает, что одной из главных задач белорусского законодательства об исполнительном производстве выступает своевременное исполнение исполнительных документов. Однако действующие нормы Беларуси не устанавливают конкретных сроков исполнения исполнительных документов судебными исполнителями, в отличие от Казахстана и России, где такие сроки чётко определены [6, с. 346].

Автор полагает, что предоставление судебным исполнителям права самостоятельно определять сроки исполнения не способствует решению задачи своевременности. Законодательное закрепление сроков исполнения исполнительных документов способно повысить эффективность производства, усилить ответственность исполнителей и стать дополнительной гарантией оперативного восстановления нарушенных прав. В связи с этим предлагается дополнить белорусский Закон об исполнительном производстве новой статьёй, согласно которой требования исполнительного документа должны быть исполнены судебным исполнителем в срок, не превышающий четырёх месяцев со дня возбуждения производства.

Оба автора выявляют сходные недостатки в правовом регулировании сроков в исполнительном производстве Беларуси, однако предлагают различные способы их устранения. В обеих работах отмечается недостаточность правового регулирования процессуальных сроков в белорусском законодательстве по сравнению с другими государствами, прежде всего Россией.

Сравнительный анализ правового регулирования процессуальных сроков в исполнительном производстве России и Беларуси показал, что российское законодательство обладает более развитой и комплексной системой регулирования, включающей механизмы восстановления и продления сроков. В Беларуси наблюдается недостаточность правового регулирования в данной сфере, отсутствуют чёткие сроки исполнения исполнительных документов.

Таким образом, сравнение оснований и процедур прекращения исполнительного производства в России, странах ЕС, США, Китае, Финляндии, Германии и Беларуси показывает наличие как общих тенденций, так и существенных национальных особенностей правового регулирования. В России сохраняются проблемы подведомственности и подсудности дел о прекращении исполнительного производства, что требует дальнейшего совершенствования законодательства и формирования единообразной судебной практики. Российская модель в большей степени ориентирована на защиту прав должника, тогда как белорусское законодательство уделяет приоритетное внимание процессуальной эффективности, добросовестности и балансу интересов сторон. Зарубежный опыт демонстрирует высокую результативность систем, построенных на чёткой координации органов, широких полномочиях исполнителей, информационном обеспечении и социальных механизмах контроля. Для повышения эффективности российского исполнительного производства целесообразно учитывать положительные элементы зарубежной практики, а в рамках интеграционных процессов с Беларусью, вырабатывать согласованные подходы к регламентации принципов и сроков, что позволит обеспечить более надёжную защиту прав участников и своевременное исполнение судебных актов.

Список литературы:

- [1] Алексеева Э.П. Прекращение исполнительного производства // Интерактивная наука. 2022. №10 (75). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/prekraschenie-ispolnitelnogo-proizvodstva> (дата обращения: 15.09.2026).
- [2] Раджабова М.М. Проблемные вопросы прекращения исполнительного производ-

ства // Закон и право. 2021. №7. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemnye-voprosy-prekrascheniya-ispolnitelnogo-proizvodstva> (дата обращения: 15.09.2026).

[3] Анюров Е.Г. Отмена исполнительного документа: основания и последствия // Интерактивная наука. 2022. №10 (75). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/otmena-ispolnitelnogo-dokumenta-osnovaniya-i-posledstviya> (дата обращения: 15.09.2026).

[4] Иванова В.М. Сравнительный анализ правового регулирования отдельных аспектов исполнительного производства в России и Беларуси // Вестник права. 2024. №3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sravnitelnyy-analiz-pravovogo-regulirovaniya-otdelnyh-aspektov-ispolnitelnogo-proizvodstva-v-rossii-i-belarusi> (дата обращения: 15.09.2026).

[5] Никонова Н.Н. Процессуальные сроки в исполнительном производстве: проблемы правового регулирования / Н.Н. Никонова // Актуальные проблемы развития правовых институтов в контексте глобальных вызовов: Сборник научных статей. Гродно: Гродненский государственный университет им. Янки Купалы, 2024. – С. 164-167.

[6] Таранова Т.С. Срок исполнения исполнительных документов / Т.С. Таранова // Экономический рост Республики Беларусь: глобализация, инновационность, устойчивость: материалы XVI Международной научно-практической конференции, Минск, 19 мая 2023 года. Минск: Белорусский государственный экономический университет, 2023. С. 346-347.

[7] Канкулов А.Х. Исполнительное производство: опыт зарубежных стран // Право и государство: теория и практика. 2022. №2 (206). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ispolnitelnoe-proizvodstvo-opyt-zarubezhnyh-stran> (дата обращения: 15.09.2026).

References:

[1] Alekseeva E.P. Termination of Enforcement Proceedings // Interactive Science. 2022. No. 10 (75). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/prekraschenie-ispolnitelnogo-proizvodstva> (accessed: 15.09.2026).

[2] Radzhabova M.M. Problematic Issues Regarding the Termination of Enforcement Proceedings // Law and Right. 2021. No. 7. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemnye-voprosy-prekrascheniya-ispolnitelnogo-proizvodstva> (accessed: 15.09.2026).

[3] Anyurov E.G. Cancellation of an Enforcement Document: Grounds and Consequences // Interactive Science. 2022. No. 10 (75). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/otmena-ispolnitelnogo-dokumenta-osnovaniya-i-posledstviya> (accessed: 15.09.2026).

[4] Ivanova V.M. A Comparative Analysis of the Legal Regulation of Certain Aspects of Enforcement Proceedings in Russia and Belarus // Bulletin of Law. 2024. No. 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sravnitelnyy-analiz-pravovogo-regulirovaniya-otdelnyh-aspektov-ispolnitelnogo-proizvodstva-v-rossii-i-belarusi> (accessed: 15.09.2026).

[5] Nikonova N.N. Procedural Time Limits in Enforcement Proceedings: Issues of Legal Regulation / N.N. Nikonova // Current Issues in the Development of Legal Institutions in the Context of Global Challenges: A Collection of Scientific Articles. Grodno: Yanka Kupala State University of Grodno, 2024. – pp. 164–167.

[6] Taranova T.S. Timeframes for the Execution of Enforcement Documents / T.S. Taranova // Economic Growth of the Republic of Belarus: Globalization, Innovation, Sustainability: Proceedings of the XVI International Scientific and Practical Conference, Minsk, May 19, 2023. Minsk: Belarus State Economic University, 2023. pp. 346–347.

[7] Kankulov A.Kh. Enforcement Proceedings: The Experience of Foreign Countries // Law and State: Theory and Practice. 2022. No. 2 (206). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ispolnitelnoe-proizvodstvo-opyt-zarubezhnyh-stran> (accessed: 15.09.2026).



Дата поступления рукописи в редакцию: 05.09.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 14.10.2026 г.

DOI: 10.24412/3034-4395-2026-4-105-110

КОТЕЛЬНИКОВА Анастасия Александровна,
студентка 3 курса Российского государственного
университета правосудия им. В. М. Лебедева, г. Симферополь,
e-mail: mail@law-books.ru

Научный руководитель:
ШИГОНИН Александр Борисович,
кандидат юридических наук,
e-mail: mail@law-books.ru

УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА НЕЗАКОННУЮ ОХОТУ

Аннотация. В настоящей статье рассматривается актуальность борьбы с незаконной охотой ввиду увеличения такого количества преступлений. В статье сделан вывод о том, что основными причинами незаконной охоты являются несовершенство природоохранного государства, коррупция, правовой нигилизм и низкий уровень жизни населения. Минимизация причин незаконной охоты должна привести к уменьшению количества эпизодов таких преступлений.

Ключевые слова: незаконная охота; охота; природоохранное законодательство; предупреждение преступлений.

KOTELNIKOVA Anastasiya Aleksandrovna,
3rd-year student at the V. M. Lebedev Russian State
University of Justice, Simferopol

Academic Supervisor:
SHIGONIN Aleksandr Borisovich,
Candidate of Legal Sciences

CRIMINAL LIABILITY FOR ILLEGAL HUNTING

Annotation. This article examines the relevance of combating illegal hunting due to the increase in such crimes. The article concludes that the main causes of illegal hunting are the shortcomings of the environmental protection system, corruption, legal nihilism, and the low standard of living of the population. Minimizing the causes of illegal hunting should lead to a reduction in the number of such crimes.

Key words: illegal hunting; hunting; environmental law; crime control; environmental legislation; crime prevention.

Природные ресурсы издавна занимали центральное место в жизни любого государства, Россия не исключение. Согласно ст. 9 Конституции РФ природные ресурсы используются и охраняются в качестве основы жизни народов, проживающих на соответствующей территории. Богатство природных

ресурсов не означает их безграничность, потому они нуждаются в серьезной правовой защите. Одним из проявлений защиты выступает уголовная ответственность за незаконную охоту, закрепленная в ст. 258 УК РФ.

Незаконная охота, или браконьерство, наносит вред экономике и экологии одновремен-

но. По приблизительным подсчетам исследователей, ущерб от браконьерства в масштабах страны исчисляется миллиардами рублей [10, с. 318]. Страдает государственный бюджет, сокращается численность животных, отдельные виды оказываются на грани исчезновения, нарушается естественный баланс экосистем. Тема актуальна, поскольку находится на стыке уголовного и экологического права.

Цель работы состоит в рассмотрении уголовно-правовой характеристики незаконной охоты как экологического преступления с учетом истории развития соответствующих норм и в исследовании практических проблем квалификации деяний по ст. 258 УК РФ.

Охота как вид человеческой деятельности регулировалась задолго до появления современного уголовного законодательства. Отдельные исследователи, например Ф. А. Вестов и А. Джораев, обращают внимание на существование уже в досоветский период правовых норм, ограничивающих право на добычу диких животных [8, с. 43]. В 1892 году в России появилась норма, запрещающая транспортировку продукции охоты, причем вид транспорта значения не имел. Позднее аналогичное правило закрепили в Уголовном уложении 1903 года в статье 251, диспозиция которой почти не изменилась по сравнению с предыдущей редакцией.

Советский период стал переломным для развития института. Редакция Уголовного кодекса РСФСР 1922 года уже содержала статью 99, устанавливающую ответственность за охоту в запрещенных местах. Во второй половине 1920-х годов кодекс дополнили статьей 86. Она предусматривала наказание за производство охоты в запрещенных местах, в запрещенные сроки либо запрещенными способами или орудиями в виде лишения свободы, исправительных работ на срок до шести месяцев либо штрафа.

И. А. Уфимцев отмечает развитие законодательства в Уголовном кодексе РСФСР 1960 года, объединившем четыре нормы об ответственности за посягательства на животный мир в главе «Хозяйственные преступления» [9, с. 117].

Признак, связанный с применением транспортных средств при незаконной охоте, появился в законодательстве в связи с тех-

ническим прогрессом. По мере активного использования браконьерами автомобилей, снегоходов, катеров для выслеживания и добычи животных остро встал вопрос об усилении ответственности за указанные действия.

И. А. Уфимцев подчеркивает постепенное формирование квалифицирующего признака, отражавшее изменение технической оснащенности лиц, совершающих незаконную охоту [9, с. 118]. Современная редакция ст. 258 УК РФ, принятая в 1996 году, продолжает многолетнюю эволюцию норм.

Уголовный кодекс РФ не содержит развернутого определения понятия «незаконная охота». Законодатель ограничился перечислением признаков, при наличии которых охота признается преступной. Пробел восполняет Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 18.10.2012 № 21. Под охотой понимаются поиск, выслеживание, преследование охотничьих ресурсов, их добыча, первичная переработка, транспортировка. Охота признается незаконной при нарушении требований законодательства, например при отсутствии соответствующего разрешения, вне отведенных мест или сроков охоты.

Легальная и незаконная охота подлежат разграничению. Федеральный закон № 209-ФЗ «Об охоте и о сохранении охотничьих ресурсов» устанавливает порядок получения права на добычу охотничьих ресурсов, включая получение соответствующего разрешения. Охота с нарушением указанного порядка при наличии дополнительных признаков образует состав преступления по ст. 258 УК РФ.

Объект преступления, по мнению В. А. Власова, «обладает двойственной природой посягательства». Страдают общественные отношения по поводу соблюдения установленного порядка охоты. Параллельно нарушается экологическая безопасность в целом, включающая охрану животного мира и его рациональное использование [11, с. 87].

Позиция подтверждается содержанием Федерального закона № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды» и Федерального закона № 52-ФЗ «О животном мире». Указанные акты прямо указывают на сохранение биологического разнообразия в числе основ экологической безопасности страны.

Предметом незаконной охоты выступают

охотничьи ресурсы, объекты животного мира, используемые или могущие быть использованными в целях охоты согласно законодательству. Не любое посягательство на диких животных образует состав незаконной охоты. Незаконное завладение животными, содержащимися в неволе, квалифицируется по статьям о хищении или уничтожении чужого имущества. Законодатель разграничивает объекты дикой природы, имущество, находящееся в чьей-либо собственности. От проведения указанной границы зависит квалификация деяния.

Перед разбором отдельных признаков напомним, состав любого преступления традиционно раскрывается через четыре элемента. Объект, объективная сторона, субъект, субъективная сторона. Применительно к незаконной охоте объектом, как сказано выше, выступают общественные отношения в сфере охраны, рационального использования животного мира, предметом служат конкретные охотничьи ресурсы. Дикие звери, птицы, находящиеся в состоянии естественной свободы.

Указанные ресурсы образуют материальную основу посягательства, их изъятие из природной среды нарушает установленный порядок пользования животным миром.

Объективная сторона состава, предусмотренного ч. 1 ст. 258 УК РФ, устроена довольно необычно. Законодатель описывает деяние, перечисляет через союз «либо» четыре альтернативных признака. Наличие хотя бы одного признака уже дает основание говорить о преступлении. Первый признак, причинение крупного ущерба. Второй признак, применение механического транспортного средства, воздушного судна, взрывчатых веществ, газов, иных способов массового уничтожения птиц, зверей. Третий признак, охота на птиц, зверей, полностью запрещенных к добыче. Четвертый признак, совершение охоты на особо охраняемой природной территории, в зоне экологического бедствия, чрезвычайной экологической ситуации. Другими словами, для привлечения к уголовной ответственности вовсе не обязательно причинение крупного ущерба.

Достаточно, например, факта использования автомобиля для преследования животного, даже при незначительной добыче. Законо-

дательная конструкция охватывает несколько самостоятельных вариантов противоправного поведения, каждый из них способен образовывать окончанный состав при наличии соответствующих условий.

Сам признак крупного ущерба вызывает больше всего вопросов на практике. Согласно примечанию к ст. 258 УК РФ, крупным считается ущерб, превышающий сорок тысяч рублей, особо крупным признается ущерб свыше ста двадцати тысяч рублей. Размер ущерба рассчитывается по специальным таксам, утвержденным Постановлением Правительства РФ № 750, без произвольной оценки. Приведем простой пример. Незаконная добыча одного лося оценивается в 80 000 рублей, уже образует крупный ущерб, квалифицируется по ч. 1 ст. 258 УК РФ. Добыча двух лосей (160 000 рублей) переводит деяние в разряд особо крупного ущерба, соответственно, части второй указанной статьи. Само денежное выражение ущерба не единственный критерий. «Суды учитывают экологическую ценность животного, его редкость для конкретной местности, значимость для местной популяции» [10, с. 145].

Практика знает примеры, когда денежный показатель оказывается на границе между крупным и особо крупным размером, тогда решающее значение получают качественные характеристики объекта животного мира.

Субъект преступления общий. Любое вменяемое физическое лицо, достигшее 16 лет. Субъективная сторона характеризуется исключительно умышленной формой вины. Лицо осознает нарушение установленных правил охоты, желает совершить соответствующие действия. Неосторожное причинение вреда животному миру, строго говоря, не образует состава незаконной охоты в его классическом понимании. Вина здесь связана с незаконным изъятием охотничьих ресурсов, умысел охватывает противоправность деяния.

Часть 2 статьи 258 УК РФ содержит квалифицирующие признаки, существенно повышающие степень общественной опасности деяния, строгость наказания. К квалифицирующим признакам относятся совершение незаконной охоты лицом с использованием своего служебного положения, группой лиц по предварительному сговору, организован-

ной группой. Служебное положение усиливает опасность. Лицо использует властные, контрольные возможности для браконьерства. Предварительный сговор показывает согласованность действий, организованная группа свидетельствует о повышенной устойчивости преступной деятельности.

Разница в санкциях между частями заметна невооруженным глазом. По ч. 1 ст. 258 УК РФ максимальное наказание составляет лишение свободы на срок до двух лет, штраф до 500 тысяч рублей. По ч. 2 санкция значительно строже, вплоть до пяти лет лишения свободы, зачастую с дополнительным наказанием в виде лишения права занимать определенные должности. Логика ясна. Охоту организовала группа лиц, ее совершил, например, государственный охотничий инспектор, злоупотребив своим положением. Общественная опасность содеянного возрастает многократно. Наказание в данной ситуации выполняет повышенную карательную, предупредительную функцию.

Далеко не все исследователи согласны с безупречностью нынешней системы квалифицирующих признаков. Некоторые авторы предлагают выделить совершение незаконной охоты организованной группой в отдельный, особо квалифицированный состав, в отличие от многих других преступлений, где подобная градация давно предусмотрена. «На практике встречается ситуация, когда при объективно повышенной опасности групповых браконьерских действий суды назначают наказание, существенно не отличающееся от наказания за одиночное правонарушение» [10, с. 148].

По мнению И. А. Уфимцева, «вопрос назначения наказания за незаконную охоту во многом отдан на усмотрение судов, правовая регламентация остается недостаточно четкой» [11, с. 74]. Подобное положение снижает предупредительный потенциал уголовного закона, создает почву для различий в судебной практике.

Едва ли не самая острая проблема, с которой сталкиваются правоприменители, разграничение уголовной ответственности по ст. 258 УК РФ, административной ответственности по ст. 8.37 КоАП РФ. Критерий кажется простым. Крупный ущерб означает уголовное дело, его отсутствие означает администра-

тивное правонарушение. На практике грань между составами оказывается размытой [10, с. 145].

Еще одна группа сложностей связана с квалификацией незаконной охоты, совершенной в соучастии. Охота нередко проводится группами, где роли заранее распределены. Одни выступают в роли загонщиков, преследующих, отслеживающих животных. Другие выступают в роли стрелков, непосредственно производящих добычу. Как отмечается в литературе, «действия загонщиков образуют состав оконченного преступления еще до выстрела стрелков, поскольку все участники действуют совместно, осознанно» [10, с. 147]. При чем учитывается единство умысла. Один из охотников не знал о превышении другими участниками лимита добычи по разрешению. Его действия не могут расцениваться как соучастие в незаконной охоте [10, с. 147]. Для вменения соучастия значение имеют согласованность намерений, осведомленность о противоправном характере общего деяния.

Вопрос охраны особо ценных диких животных, занесенных в Красную книгу Российской Федерации, заслуживает отдельного рассмотрения. Т. М. Петрова обращает внимание на специфику ответственности за посягательства на подобные виды, поскольку ущерб от их истребления не сводится к денежному эквиваленту. «Речь идет о невосполнимой утрате для всего биологического разнообразия страны» [12, с. 118].

Похожие выводы делают другие авторы, указывающие на общие сложности привлечения к уголовной ответственности за незаконную охоту, от недостаточной четкости формулировок закона до низкой раскрываемости подобных преступлений в силу их высокой латентности [13, с. 119]. Краснокнижные виды обладают повышенной экологической значимостью, их изъятие подрывает устойчивость природных сообществ.

Подводя итог, можно сказать, незаконная охота представляет собой сложный состав преступления, находящийся на стыке уголовного, экологического права. Норма ст. 258 УК РФ прошла долгий путь исторического развития, от разрозненных досоветских запретов до современной четко структурированной статьи с системой квалифицирующих признаков.

Действующее регулирование все еще далеко от совершенства. Судебная практика демонстрирует противоречия при определении крупного ущерба. Вопросы квалификации соучастия, разграничения с административной ответственностью остаются предметом научных дискуссий. Представляется, дальнейшее

совершенствование законодательства связано с более четкой регламентацией критериев экологической ценности животных, уточнением правил назначения наказания за групповую незаконную охоту. Указанный путь способен повысить единообразие правоприменения, укрепить охрану животного мира.

Список литературы:

- [1] Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации [<http://www.pravo.gov.ru>], 04.07.2020.
- [2] Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 28.12.2024) // Собрание законодательства РФ. – 17.06.1996. – № 25. – Ст. 2954.
- [3] Федеральный закон от 24.07.2009 № 209-ФЗ «Об охоте и о сохранении охотничьих ресурсов и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (ред. от 31.07.2025) // Собрание законодательства РФ. – 27.07.2009. – № 30. – Ст. 3735.
- [4] Федеральный закон от 10.01.2002 № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды» (ред. от 28.12.2024) // Собрание законодательства РФ. – 14.01.2002. – № 2. – Ст. 133.
- [5] Федеральный закон от 24.04.1995 № 52-ФЗ «О животном мире» (ред. от 08.08.2024) // Собрание законодательства РФ. – 24.04.1995. – № 17. – Ст. 1462.
- [6] Постановление Правительства РФ от 10.06.2019 № 750 «Об утверждении такс для исчисления размера вреда, причиненного охотничьим ресурсам» (ред. от 26.10.2023) // Собрание законодательства РФ. – 17.06.2019. – № 24. – Ст. 3110.
- [7] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 18.10.2012 № 21 «О применении судами законодательства об ответственности за нарушения в области охраны окружающей среды и природопользования» (ред. от 15.12.2022) // Российская газета. – 31.10.2012. – № 251.
- [8] Вестов, Ф. А. Отдельные аспекты развития законодательства досоветского периода об уголовной ответственности за незаконную охоту / Ф. А. Вестов, А. Джораев // Базис. – 2023. – № 2 (14). – С. 42–46.
- [9] Уфимцев, И. А. Уголовная ответственность за незаконную охоту, совершенную с применением транспортных средств в истории законодательства России / И. А. Уфимцев // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. – 2022. – № 2. – С. 116–131.
- [10] Петрова, Т. М. Вопросы уголовной ответственности за преступления в отношении особо охраняемых диких животных / Т. М. Петрова // Вестник Уральского юридического института МВД России. – 2022. – № 3 (35). – С. 159–165.
- [11] Уфимцев, И. А. К вопросу о назначении наказания за незаконную охоту / И. А. Уфимцев // Вестник Уфимского юридического института МВД России. – 2022. – № 3 (97). – С. 71–77.
- [12] Климова, А. В. Проблемы привлечения к уголовной ответственности за незаконную охоту в Российской Федерации / А. В. Климова, И. А. Климова, Т. В. Шарова // Актуальные проблемы государственно-правового развития России. – 2023. – С. 117–123.

References:

- [1] Constitution of the Russian Federation (adopted by nationwide vote on December 12, 1993, with amendments approved during a nationwide vote on July 1, 2020) // Official Internet Portal of Legal Information [<http://www.pravo.gov.ru>], July 4, 2020.
- [2] Criminal Code of the Russian Federation No. 63-FZ of June 13, 1996 (as amended on December 28, 2024) // Collected Legislation of the Russian Federation. – June 17, 1996. – No. 25.

– Art. 2954.

[3] Federal Law No. 209-FZ of July 24, 2009, "On Hunting and the Conservation of Hunting Resources and on Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation" (as amended on July 31, 2025) // *Collected Legislation of the Russian Federation*. – July 27, 2009. – No. 30. – Art. 3735.

[4] Federal Law No. 7-FZ of January 10, 2002, "On Environmental Protection" (as amended on December 28, 2024) // *Collected Legislation of the Russian Federation*. – January 14, 2002. – No. 2. – Art. 133.

[5] Federal Law No. 52-FZ of April 24, 1995, "On the Animal World" (as amended on August 8, 2024) // *Collected Legislation of the Russian Federation*. – April 24, 1995. – No. 17. – Art. 1462.

[6] Decree of the Government of the Russian Federation No. 750 dated June 10, 2019, "On Approval of Rates for Calculating the Extent of Damage Caused to Hunting Resources" (as amended on October 26, 2023) // *Collected Legislation of the Russian Federation*. – June 17, 2019. – No. 24. – Art. 3110.

[7] Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 21 dated October 18, 2012, "On the Application by Courts of Legislation Regarding Liability for Violations in the Sphere of Environmental Protection and Natural Resource Use" (as amended on December 15, 2022) // *Rossiyskaya Gazeta*. – October 31, 2012. – No. 251.

[8] Vestov, F. A. *Certain Aspects of the Development of Pre-Soviet Legislation on Criminal Liability for Illegal Hunting* / F. A. Vestov, A. Dzhoraev // *Bazis*. – 2023. – No. 2 (14). – pp. 42–46.

[9] Ufimtsev, I. A. *Criminal Liability for Illegal Hunting Committed Using Vehicles in the History of Russian Legislation* / I. A. Ufimtsev // *Bulletin of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. – 2022. – No. 2. – pp. 116–131.

[10] Petrova, T. M. *Issues of Criminal Liability for Crimes Against Specially Protected Wild Animals* / T. M. Petrova // *Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. – 2022. – No. 3 (35). – pp. 159–165. [11] Ufimtsev, I. A. *On the Issue of Sentencing for Illegal Hunting* / I. A. Ufimtsev // *Bulletin of the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. – 2022. – No. 3 (97). – pp. 71–77.

[12] Klimova, A. V., Klimova, I. A., & Sharova, T. V. *Challenges in Imposing Criminal Liability for Illegal Hunting in the Russian Federation* / A. V. Klimova, I. A. Klimova, T. V. Sharova // *Current Issues in the State and Legal Development of Russia*. – 2023. – pp. 117–123.





**ЮРИДИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ЮРКОМПАНИ»**

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

КНЯЗЬКОВА Виктория Андреевна,
магистрант Крымского филиала
ФГБОУ ВО «РГУП имени В.М. Лебедева»,
Симферополь, Россия,
e-mail: womevic@mail.ru

ДИСКУССИОННЫЕ ВОПРОСЫ КРИМИНАЛИЗАЦИИ НЕЗАКОННОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА

Аннотация. В статье исследуются дискуссионные вопросы уголовно-правового противодействия незаконному предпринимательству в Российской Федерации. Анализируется современная модель криминализации предпринимательской деятельности, осуществляемой с нарушением требований государственной регистрации и лицензирования. Исследованы проблемы определения общественной опасности незаконного предпринимательства, законодательной конструкции крупного ущерба, влиянию цифровизации экономических отношений и распространению новых моделей предпринимательской деятельности. Рассматриваются вопросы обоснованности сохранения статьи 171 УК РФ в действующей редакции, возможные внесения изменения в действующее законодательство, а также проблемы правоприменения при установлении фактического характера экономической деятельности.

Ключевые слова: незаконное предпринимательство, криминализация, декриминализация, уголовная ответственность, лицензирование, государственная регистрация.

KNYAZKOVA Viktoria Andreevna,
Master's student of the
Crimean branch of the Federal State Budgetary
Educational Institution of Higher Professional Education
«Russian State University of Justice named after V.M. Lebedev»,
Simferopol, Russia

DISCUSSED ISSUES REGARDING THE CRIMINALIZATION OF ILLEGAL ENTREPRENEURSHIP

Annotation. The article examines controversial issues related to the criminal legal counteraction against illegal entrepreneurship in the Russian Federation. It analyses the current model of criminalising entrepreneurial activity carried out in violation of state registration and licensing requirements. The study examines the problems of defining the public danger of illegal entrepreneurship, the legislative framework for large scale damage, the impact of digitalisation on economic relations, and the spread of new models of entrepreneurial activity. The article addresses the issue of whether it is justified to retain Article 171 of the Criminal Code of the Russian Federation in its current form, possible amendments to the current legislation, as well as problems in law enforcement when establishing the actual nature of economic activity.

Key words: illegal entrepreneurship, criminalization, decriminalization, criminal liability, licensing, state registration.

Правовое регулирование бизнеса позволяет решать систему задач, поставленных государством: гарантировать свободу хозяйственной деятельности, отстаивать ин-

тересы потребителей и государства, способствовать развитию конкуренции, обеспечивать наполнение государственного, регионального, а также муниципального бюджетов за счёт

налоговых и иных обязательных отчислений, как того требует Бюджетный Кодекс РФ [2], а также не допускать ущерба законным интересам общества и государства, путем ведения незаконной предпринимательской деятельности. Поэтому государство закономерно стремится закрепить ряд обязательных условий для ведения отдельных видов деятельности.

При этом заинтересованность государства в контроле над предпринимательством не предполагает автоматического применения уголовно-правовых мер к любому отклонению от установленных законом правил. Отсюда вытекает ключевой вопрос криминализации незаконного предпринимательства, а именно необходимость определения рубежа, отделяющего хозяйственную деятельность с отклонениями от установленного порядка от административного правонарушения и от уголовно наказуемого деяния [5].

Эта проблема приобретает особую остроту в нынешних российских реалиях. Трансформация экономического поля — распространение цифровых платформ, рост дистанционной торговли, развитие института самозанятости, активное использование гражданами маркетплейсов и иных онлайн-сервисов, это все меняет привычные представления о предпринимательстве. В связи с этим возникает вопрос: отвечает ли такая модель уголовной ответственности за незаконное предпринимательство современной социально-экономической ситуации в Российской Федерации или же положения статьи 171 УК РФ необходимо доработать?

Действующая вышеуказанная статья указывает на то, что, незаконное предпринимательство, в частности, включает в себя ведение бизнеса без государственной регистрации без необходимой лицензии либо аккредитации, если последствиями этого будет выступать крупный ущерб для граждан, организаций либо государства [11]. Отягчающим обстоятельством в законе является совершение деяния в составе организованной группы.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что законодательство предполагает, что криминализация предпринимательской деятельности обусловлена совокупностью двух факторов: нарушением императивных норм хозяйственного оборота и достижением та-

кими действиями порога повышенной общественной опасности, необходимого для правильной юридической квалификации преступления.

Такой подход позволяет разграничить административное нарушение правил ведения бизнеса и уголовно наказуемое деяние.

В экономической сфере на вопрос криминализации преступления особенно важно обратить внимание, так как слишком большое количество законодательных норм в сфере уголовно-правовых запретов может не только служить защитой экономики, но и создавать угрозы её стабильного развития.

Предпринимательская деятельность изначально включает в себя для субъекта предпринимательства определенные риски: субъект предпринимательства, который занимается бизнесом действует в условиях неопределённости, то есть ему необходимо быстро анализировать рыночный спрос, количество издержек, рассчитывать количество инвестиций, которые понадобятся, а также перспективы получения доходов и вероятные потери [3]. Поэтому отклонение от отдельных требований не обязательно указывает на наличие той степени общественной опасности, которая характерна для преступного деяния.

Поэтому государству необходимо проводить грань между несоблюдением установленного законом экономического порядка и реальным причинением ущерба, который будет иметь существенный характер, для того, чтобы выявить сферу охраняемых законом общественных интересов. Регистрация субъекта предпринимательской деятельности, в первую очередь, необходима для формирования системы отслеживания хозяйственной деятельности, при реализации надзорных функций определенными уполномоченными органами, также для защиты поступления доходов в бюджет страны и для предотвращения развития «теневой экономики». Кроме того, выдача лицензий на определённые виды работ и постановка их в реестр лицензий направлена на то, чтобы минимизировать риски для потребителей, обеспечить соответствие предоставляемых услуг установленным стандартам и подтвердить квалификацию субъектов предпринимательства.

Риски для общества, которые могут быть

связаны с нелегальным предпринимательством, меняются в зависимости от типа выполняемых работ. Например, ведение бизнеса без регистрации в сферах, где стоит вопрос о влиянии на благополучие и безопасность граждан, несёт больше серьёзных рисков, нежели по сравнению с неофициальным предоставлением бытовых услуг, если они не причиняют фактически конкретного ущерба. Именно поэтому уголовная ответственность, применяемая за любое нарушение правил регистрации, не соответствовала бы принципу соразмерности наказания совершенному деянию.

Также дискуссионным вопросом в статье 171 УК РФ является понятие и сущность крупного ущерба. Для того чтобы закон был четким и понятным, необходимо установить конкретные критерии общественной опасности. Однако оценка лишь экономического ущерба не позволяет полностью охватить все негативные последствия, которые могут возникнуть в результате незаконной предпринимательской деятельности [4]. Например, деятельность может не привести к существенным финансовым потерям, но при этом создать реальную угрозу для неопределенного круга потребителей, чьи интересы были затронуты.

С другой стороны, нарушение порядка регистрации может привести к крупным финансовым последствиям для государства, но фактическая деятельность при этом может соответствовать требованиям безопасности и качества. В связи с этим, оценка общественной опасности незаконного предпринимательства, основанная исключительно на его материальном ущербе, не способна в полной мере отразить все негативные социальные последствия.

Сложность заключается также в том, что экономическая деятельность представляет собой систему определенных операций. Доход субъекта бизнеса, размер оборота денежных средств, сумма прибыли, сумма уплаченных налогов, размер обязательств перед иными лицами и фактический причиненный имущественный вред являются экономическими показателями, которые нельзя автоматически приравнивать. Поэтому уголовно-правовая оценка должна исходить не из формального объема денежных операций, а из фактического содержания вреда, причиненного охраняе-

мым законом интересам.

Еще более сложным является вопрос, касательно осуществления деятельности без лицензии. Лицензирование используется государством в основном в тех сферах, где такая деятельность связана с повышенными рисками для общественных интересов. Таким образом, игнорирование лицензионных условий несет в себе потенциально более высокий уровень общественной опасности, чем простое несоблюдение регистрационных правил. Соответственно, само по себе отсутствие лицензии не должно автоматически влечь за собой уголовную ответственность. Необходимо учитывать такие аспекты, как природа деятельности, ее масштаб, длительность, возникшие последствия и степень возможного риска.

Также высокую актуальность проблема незаконного предпринимательства имеет в связи с цифровизацией экономики. Устоявшаяся в обществе модель предпринимательства предполагает наличие офиса, магазина, производственного помещения, персонала, кассового оборудования и иных инструментов при осуществлении коммерческой деятельности. В цифровой экономике многие из этих признаков утрачивают значение.

Цифровая экономика открывает новые возможности для предпринимательства: товары реализуются через маркетплейсы, услуги предоставляются удаленно, а продвижение активно ведется в социальных сетях [1]. Платежи легко проходят через электронные сервисы, территории ведения предпринимательства становятся неограниченными (вести предпринимательскую деятельность можно и из другой страны). Стоит отметить, что предприниматель может успешно вести деятельность, не имея собственного сайта, офиса или даже постоянного рабочего пространства. В свете этих изменений возникает закономерный вопрос: насколько актуальны традиционные методы обнаружения незаконного предпринимательства в условиях столь динамично развивающейся цифровой среды?

Уголовно-правовая оценка должна опираться на реальное содержание экономической деятельности, а не на ее формальной организации. То, что деятельность осуществляется через цифровую платформу, не отменяет предпринимательский характер, но и

не является автоматическим подтверждением [8]. Для определения сути деятельности важен анализ таких факторов, как систематичность, самостоятельность, направленность на получение прибыли, наличие постоянных клиентов, рекламная активность, договорные отношения и движение денежных средств.

Несмотря на наличие проблем, полная декриминализация незаконного предпринимательства представляется поспешной.

Во-первых, отдельные виды предпринимательской деятельности объективно связаны с повышенными рисками. Если лицо систематически осуществляет такую деятельность без обязательного разрешения и при этом причиняет существенный ущерб, административных мер может оказаться недостаточно.

Во-вторых, незаконная предпринимательская деятельность может использоваться в качестве инструмента для совершения иных преступлений, то есть отсутствие легального статуса и государственного контроля способно скрывать экономические операции, имущество и доходы в целом [9].

В-третьих, уголовная ответственность выполняет не только карательную, но и превентивную функцию. Наличие уголовно-правового запрета означает наиболее опасную границу допустимого экономического поведения.

В-четвертых, статья 171 УК РФ разграничивает ответственность, ведь она позволяет применять разные меры ответственности в зависимости от ситуации. Закон не применяет уголовное наказание за каждое, даже незначительное, нарушение в предпринимательской деятельности. Уголовная ответственность возникает только тогда, когда есть дополнительные, действительно опасные для общества признаки. Поэтому, лучше не отменять статью 171 УК РФ полностью, а доработать ее содержание.

Одновременно существуют серьезные основания для ограничения уголовно-правового вмешательства в предпринимательскую сферу.

Во-первых, чрезмерная уголовная репрессия способна негативно влиять на хозяйственную деятельность. Экономический субъект должен иметь возможность исправлять нарушения без риска непропорционального уго-

ловного наказания, если его действия не достигли необходимой степени общественной опасности [6, с. 94].

Во-вторых, законодательство в сфере предпринимательства является сложным и динамичным. Нормативные требования постоянно изменяются, появляются новые разрешительные режимы и цифровые процедуры. В таких условиях ошибка предпринимателя не всегда свидетельствует о сознательном игнорировании закона.

В-третьих, существует риск разного применения статьи 171 УК РФ на практике. Различное толкование экономических показателей

и характера предпринимательской деятельности способно создавать ситуацию правовой неопределенности [10, с.2].

На основании проведенного анализа можно сформулировать несколько направлений совершенствования законодательства и правоприменения. Первое направление связано с тем, что предприниматель должен иметь возможность заранее понимать, какое нарушение может повлечь уголовную ответственность. Второе направление состоит в совершенствовании методики определения крупного ущерба. Необходим единый подход, исключающий автоматическое объединение оборота, дохода, прибыли и ущерба.

Третье направление связано с цифровизацией правового регулирования. Законодателю необходимо учитывать новые способы ведения бизнеса, при которых традиционные признаки предпринимательства утрачивают значение [7].

Вышеуказанное исследование позволяет сделать вывод о том, что проблема криминализации незаконного предпринимательства не может быть однозначно направлена на решение вопроса о необходимости существования либо отмены статьи 171 УК РФ. Современная российская модель в целом обоснованно исходит из разграничения ответственности. Само по себе нарушение порядка государственной регистрации или лицензирования не должно автоматически влечь уголовную ответственность. Для применения уголовно-правовых средств необходимо наличие дополнительных признаков, которые будут указывать на повышенную степень общественной опасности.

Действующая редакция статьи 171 УК РФ в этом отношении содержит важное ограничение уголовной репрессии посредством требования о причинении крупного ущерба и учета предусмотренных законом квалифицирующих обстоятельств.

Таким образом, перспективным направлением развития законодательства следует признать не механическое расширение либо

полную отмену уголовной ответственности за незаконное предпринимательство, а ее точечную оптимизацию. Необходимо сохранять уголовно-правовой запрет в отношении наиболее опасных форм незаконной экономической деятельности, одновременно исключая возможность уголовного преследования за нарушения, которые не достигают необходимого уровня общественной опасности.

Список литературы:

[1] Амирова Д.Р. Маркетинг социальных сетей: Новые возможности для бизнеса или реальность цифровой экономики // *Московский экономический журнал: электрон. журн.* 2020. №11. С. 723-730.

[2] Бюджетный кодекс Российской Федерации от 31.07.1998 N 145-ФЗ (ред. от 26.06.2026) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2026) // *"Российская газета" от 12 августа 1998 г.* N 153-154.

[3] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): Федеральный закон от 30 ноября 1994 г. № 51 -ФЗ // *Собрание законодательства Российской Федерации от 5 декабря 1994 г.* N 32 ст. 3301 ч. 1. – Ст. 2.

[4] Губарева А.В. Юридическая ответственность за незаконное предпринимательство // *Российское право: образование, практика, наука: электрон. журн.* 2019. №6 (114). С. 89-94.

[5] Дорожкин И. О. Криминализация правонарушений в сфере предпринимательской деятельности: проблемы законодательства и правоприменительной практики // *Юридический вестник Самарского университета.* 2020. №3. С. 66-71.

[6] Жестеров П.В. Роль уголовной репрессии в предупреждении социальных конфликтов в условиях финансово-экономического кризиса // *Философия права: электрон. журн.* 2017. №3 (82). С. 93-98.

[7] Информация "Конституционно-правовая защита предпринимательства: актуальные аспекты (на основе решений Конституционного Суда Российской Федерации 2018 - 2020 годов)" (одобрено решением Конституционного Суда РФ от 17.12.2020). // СПС Гарант. URL: <https://base.garant.ru/400239633/>. (дата обращения: 05.09.2026).

[8] Письмо ФНС России от 07.05.2019 N СА-4-7/8614 <О направлении обзора судебной практики по спорам, связанным с квалификацией деятельности физических лиц в качестве предпринимательской в целях налогообложения// «Учет. Налоги. Право» - «Официальные документы» от 11-17 июня 2019 г. № 22. // СПС Гарант. URL: <https://base.garant.ru/72249876/>. (дата обращения: 05.09.2026).

[9] Стулина Е. А. Преступления, совершаемые с использованием фирм-однодневок: механизм функционирования и меры предупреждения // *Вестник науки: электрон. журн.* 2026. №1 (94). С. 412-424.

[10] Троицкая И.В. Предпринимательский риск и риск предпринимателя в теории гражданского права // *Известия РГПУ им. А. И. Герцена: электрон.журн.* 2010. №120. С. 1-12.

[11] Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N 63-ФЗ // *Собрание законодательства Российской Федерации, N 25, 17.06.1996, ст.2954.* // СПС Гарант. URL: <https://base.garant.ru/10108000/>. (дата обращения: 05.09.2026).

References:

[1] Amirova D.R. Social network marketing: New business opportunities or the reality of the digital economy // *Moscow Economic Journal: Electronic. magazine* 2020. No. 11. pp. 723-730.

[2] Budget Code of the Russian Federation dated July 31, 1998 N 145-FZ (as amended on June 26, 2026) (with amendments and additions, entered into force on September 1, 2026) // "Rossiyskaya Gazeta" dated August 12, 1998 N 153-154.

[3] Civil Code of the Russian Federation (part one): Federal Law of November 30, 1994 No. 51-FZ // Collection of Legislation of the Russian Federation of December 5, 1994 No. 32 Art. 3301 part 1. – Art. 2.

[4] Gubareva A.V. Legal responsibility for illegal entrepreneurship // Russian law: education, practice, science: electron. magazine 2019. No. 6 (114). pp. 89-94.

[5] Dorozhkin I. O. Criminalization of offenses in the field of entrepreneurial activity: problems of legislation and law enforcement practice // Legal Bulletin of Samara University. 2020. No. 3. pp. 66-71.

[6] Zhesterov P.V. The role of criminal repression in the prevention of social conflicts in the conditions of the financial and economic crisis // Philosophy of Law: electronic. magazine 2017. No. 3 (82). pp. 93-98.

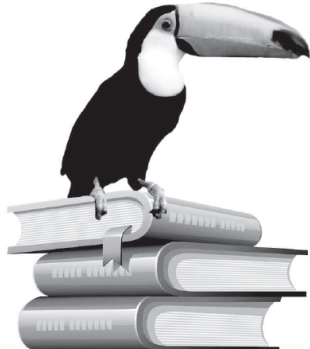
[7] Information "Constitutional and legal protection of entrepreneurship: current aspects (based on decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation 2018 - 2020)" (approved by the decision of the Constitutional Court of the Russian Federation dated December 17, 2020). // SPS Garant. URL: <https://base.garant.ru/400239633/>. (date of access: 09/05/2026).

[8] Letter of the Federal Tax Service of Russia dated 05/07/2019 N SA-4-7/8614 <On the direction of the review of judicial practice on disputes related to the qualification of the activities of individuals as entrepreneurial for tax purposes// "Accounting. Taxes. Law" - "Official documents" dated June 11-17, 2019 No. 22. // SPS Garant. URL: <https://base.garant.ru/72249876/>. (date of access: 09/05/2026).

[9] Stulina E. A. Crimes committed with the use of fly-by-night companies: mechanism of functioning and preventive measures // Bulletin of Science: electron. magazine 2026. No. 1 (94). pp. 412-424.

[10] Troitskaya I.V. Entrepreneurial risk and the risk of an entrepreneur in the theory of civil law // News of the Russian State Pedagogical University named after. A. I. Herzen: electronic journal. 2010. No. 120. pp. 1-12.

[11] Criminal Code of the Russian Federation dated 06/13/1996 N 63-FZ // Collection of Legislation of the Russian Federation, N 25, 06/17/1996, Art. 2954. // SPS Garant. URL: <https://base.garant.ru/10108000/>. (date of access: 09/05/2026).



Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, Е-Library.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

ГОЛУБЕВА Юлия Дмитриевна,
магистрант 3 курса, направление подготовки 40.04.01
Правосудие по уголовным делам
Ростовского института (филиал)
ВГУЮ (РПА Минюста России),
e-mail: juliagolubeva16@yandex.ru

ПРОБЛЕМЫ ВЫЯВЛЕНИЯ, РАСКРЫТИЯ И РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ С СОВРЕМЕННЫМ НАРКОБИЗНЕСОМ

Аннотация. В статье исследуются актуальные проблемы выявления, раскрытия и расследования преступлений, связанных с современным наркобизнесом. На основе анализа статистических данных за 2025 год и отдельных материалов 2026 года, судебной практики и сообщений средств массовой информации рассмотрены особенности дистанционного сбыта наркотиков, использования цифровой инфраструктуры, электронных средств платежа и межрегионального распределения преступных функций. Выявлены трудности установления организаторов, финансовых операторов и выгодоприобретателей наркобизнеса, а также объединения цифровых, финансовых и предметных доказательств. Предложено дополнить статью 154 УПК РФ специальным условием выделения уголовного дела в отношении отдельного исполнителя, ввести межведомственный паспорт цифровой наркосети и установить сроки обмена информацией между регионами. Обоснована необходимость проведения 90-дневной проверки восстановления выявленной преступной инфраструктуры после направления уголовного дела в суд. Сделан вывод о необходимости оценивать эффективность расследования не только по количеству задержанных лиц и массе изъятых наркотиков, но и по степени фактического разрушения организационных, цифровых и финансовых связей преступной сети.

Ключевые слова: наркобизнес, незаконный оборот наркотиков, расследование преступлений, цифровые доказательства, информационно-телекоммуникационные сети, организованная преступность, финансовые следы, судебная практика.

GOLUBEVA Yulia Dmitrievna,
3rd-year Master's student, field of study 40.04.01
Criminal Justice, Rostov Institute (branch) of the
All-Russian State University of Justice (RLA of the Ministry of Justice of Russia)

CHALLENGES IN DETECTING, SOLVING, AND INVESTIGATING CRIMES RELATED TO THE MODERN DRUG TRADE

Annotation. This article examines current challenges in the detection, solution, and investigation of crimes associated with the modern drug trade. Based on an analysis of statistical data from 2025 and select materials from 2026, as well as judicial practice and media reports, the study explores the specifics of remote drug distribution, the use of digital infrastructure and electronic payment systems, and the interregional division of criminal roles. It highlights the difficulties in identifying the organizers, financial operators, and ultimate beneficiaries of the drug trade, as well as the challenges of integrating digital, financial, and physical evidence. The author proposes amending Article 154 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation to include a specific provision for severing a criminal case against an individual perpetrator; introducing an interdepartmental "digital drug network profile"; and establishing clear timeframes for information exchange between regions. The

study substantiates the need for a 90-day follow-up review—conducted after a criminal case has been sent to court—to determine whether the dismantled criminal infrastructure has been restored. It concludes that the effectiveness of an investigation should be evaluated not merely by the number of individuals arrested or the quantity of drugs seized, but by the extent to which the organizational, digital, and financial links of the criminal network have been effectively destroyed.

Key words: *drug trafficking, illicit drug trade, crime investigation, digital evidence, information and telecommunication networks, organized crime, financial traces, judicial practice.*

Противодействие наркобизнесу остается одним из наиболее сложных направлений уголовного судопроизводства. Его современная модель соединяет незаконное производство и перемещение наркотиков, дистанционный сбыт, распределенную систему исполнителей, электронные расчеты и легализацию доходов. Поэтому задержание лица при непосредственном размещении или получении наркотического средства само по себе еще не раскрывает преступную инфраструктуру. Цель настоящего исследования состоит в выявлении основных следственных затруднений и разработке комплексной модели их преодоления. Используются формально-юридический метод, анализ официальной статистики за 2025 год и часть 2026 года, изучение судебных разъяснений и кейс-анализ резонансных дел, освещенных средствами массовой информации.

Масштаб проблемы подтверждается новейшими статистическими данными. В 2025 году в Российской Федерации зарегистрировано 214 770 преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков, что на 8,4 % больше уровня 2024 года и составляет 12,1 % всей зарегистрированной преступности. Из них 158 727 деяний были связаны со сбытом; их удельный вес достиг 73,9 %, а прирост – 17,6 %. С использованием информационно-телекоммуникационных технологий совершено 138 730 наркопреступлений, или 64,6 % их общего числа; количество фактов интернет-сбыта, учтенных по статье 228.1 УК РФ, возросло до 117 505 [1].

За тот же период при возбуждении уголовных дел изъято 40 т 170 кг наркотических, психотропных и сильнодействующих веществ и 46 т 283 кг прекурсоров. В структуре изъятых наркотических средств и психотропных веществ почти половину – 17,6 т – составили синтетические наркотики; 11,8 т пришлось на вещества каннабисной группы, 5,9 т – на

кокаин. Финансовый компонент также становится самостоятельным направлением: выявлено 474 преступления по легализации наркодоходов, а установленная сумма легализованных средств достигла 627,8 млн руб. В январе–июле 2026 года, то есть за неполный сопоставимый период, российская полиция изъяла более 13,2 т наркотических средств, психотропных веществ, их аналогов и сильнодействующих веществ [2]. Промежуточные данные нельзя механически сравнивать с итогами полного 2025 года, однако они подтверждают сохранение высокой нагрузки на органы расследования.

Региональная практика особенно наглядно показывает цифровую трансформацию рынка. По данным ГУ МВД России по г. Москве, в 2025 году в столице выявлено 17 897 наркопреступлений, изъято 3,089 т запрещенных веществ, перекрыт 401 оптовый канал, ликвидировано 11 лабораторий по производству синтетических наркотиков и 17 лабораторий по культивированию наркосодержащих растений. До 99 % незаконных операций, по оценке ведомства, осуществлялось через Интернет, «даркнет» и мессенджеры; выявлено 18,7 тыс. сайтов и интернет-магазинов, а к марту 2026 года — уже более 2 тыс. новых ресурсов [3]. Следовательно, интернет-среда выступает не просто способом связи, а пространством распределения функций, рекламы, контроля исполнения и расчетов.

Первой ключевой проблемой расследования является установление организатора и границ преступного сообщества при функциональном дроблении деятельности. Куратор, оператор интернет-ресурса, администратор серверов, поставщик, перевозчик, фасовщик, лицо, размещающее тайник, и получатель денежных средств могут находиться в разных регионах и не знать друг друга лично. Условное наименование роли в переписке не заменяет доказывания фактических действий,

осведомленности, устойчивости связи и единого умысла. Квалификация по статьям 210 и 228.1 УК РФ требует установить не только принадлежность лица к цифровому каналу, но и его осознанный вклад в организацию либо конкретный эпизод незаконного сбыта [4].

Показательно уголовное дело системного администратора крупнейшего русскоязычного наркомаркетплейса «Hydra» Бориса Губко. 6 октября 2025 года Дзержинский районный суд Ярославля назначил ему 21 год лишения свободы в колонии строгого режима и крупный штраф. По опубликованным данным, в 2012–2022 годах он обеспечивал администрирование, устойчивость, защиту от атак и скрытое размещение инфраструктуры площадки; в 2019 году на ней насчитывалось около 2,5 млн учетных записей, а объем операций оценивался приблизительно в 1,4 млрд долларов США [5]. Значение этого дела для методики расследования состоит в том, что участие в наркобизнесе может выражаться не в физическом обращении с веществом, а в обеспечении работоспособности цифровой инфраструктуры. В таких ситуациях решающим становится совокупный анализ серверных данных, полномочий учетных записей, длительности и характера администрирования, платежей и связи технических действий с конкретной преступной целью.

Вторая проблема – обнаружение, сохранение и атрибуция цифровых следов. Переписка, фотографии тайников, координаты, история входов, данные облачных хранилищ и сведения о криптокошельках изменяемы и могут находиться у зарубежного провайдера. Снимок экрана подтверждает лишь видимое содержание и не всегда позволяет установить автора сообщения, время его создания и целостность данных. Поэтому изъятие электронного устройства должно сопровождаться процессуальной фиксацией его состояния, идентификаторов и контекста обнаружения, созданием проверяемой копии, вычислением контрольных значений и документированием каждого этапа исследования. Вывод об использовании аккаунта конкретным лицом необходимо подтверждать сочетанием цифровых и традиционных доказательств: геолокацией, биллингом, видеозаписями, показаниями, обнаруженными упаковочными

материалами и финансовыми операциями.

Третья проблема связана с разграничением преступных действий и точным установлением направленности умысла. Верховный Суд Российской Федерации разъяснил, что квалифицирующий признак использования электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, включая Интернет, предусмотренный пунктом «б» части 2 статьи 228.1 УК РФ, относится именно к сбыту и не может автоматически переноситься на производство наркотика [6]. Следовательно, само наличие мессенджера в телефоне или сетевой координации не освобождает следствие от ответа на вопрос, при совершении какого конкретного действия использовалась сеть. Аналогично крупная партия и фасовка являются важными, но не изолированными индикаторами цели сбыта; они должны оцениваться вместе с перепиской, заданиями, способом размещения, платежами и другими обстоятельствами.

Четвертая проблема – исследование финансовой инфраструктуры. Сосредоточение только на изъятом веществе и непосредственном исполнителе оставляет вне уголовно-процессуальной проверки организаторов, контролирующих прибыль. Необходимо с начала расследования выявлять банковские карты и счета третьих лиц, электронные средства платежа, криптоактивы, точки обмена и обналичивания, а затем сопоставлять время и сумму переводов с заданиями и движением наркотика. Здесь важна не только фиксация отдельной транзакции, но и реконструкция полного цикла: поступление денег от покупателей, консолидация, конвертация, распределение вознаграждения и придание доходам правомерного вида. Данные 2025 года о росте числа выявленных фактов легализации подтверждают необходимость параллельного финансового расследования, а не его проведения после завершения работы по основному составу.

Пятая проблема обусловлена транснациональностью поставок и территориальной разобщенностью доказательств. В июле 2026 года средства массовой информации сообщили о пресечении в морском порту Санкт-Петербурга поставки из Эквадора 500 кг кокаина, скрытого в тушах замороженного тунца; был задержан предполагаемый организатор,

возбуждено дело о покушении на сбыт в особо крупном размере [7]. Данный эпизод демонстрирует, что предмет доказывания охватывает происхождение и маршрут груза, товаросопроводительные и таможенные документы, действия отправителя и получателя, контакты портовых посредников и конечное распределение. Эффективность зависит от раннего межведомственного обмена, согласованности оперативных и следственных действий, своевременного направления запросов о международной правовой помощи и сохранения логистических данных.

Перечисление предметных, цифровых, финансовых и ролевых направлений само по себе не образует научной новизны, поскольку соответствующие действия уже применяются на практике. Проблема состоит в отсутствии обязательного процессуального рубежа, препятствующего завершению расследования на уровне курьера при наличии данных о сетевой структуре. Для устранения этого пробела предлагается дополнить статью 154 УПК РФ частью 2.1 следующего содержания: «Если материалы уголовного дела о преступлении, предусмотренном статьями 228.1 или 229.1 УК РФ, указывают на использование информационно-телекоммуникационной сети и распределение ролей между двумя и более лицами, выделение уголовного дела в отношении отдельного исполнителя допускается с согласия прокурора. К постановлению прилагается мотивированное заключение о мерах, принятых для установления организаторов, лиц, контролирующих расчеты, и выгодоприобретателей, а также о сохранении относящихся к ним цифровых и финансовых данных» [8]. Такое правило не запрещает выделение уголовного дела, но делает проверяемым вывод о том, что оно не препятствует установлению всей преступной сети.

Второе предложение заключается во введении межведомственного паспорта цифровой наркосети, форма которого должна утверждаться совместным актом МВД России, ФСБ России, Следственного комитета Российской Федерации, Генеральной прокуратуры Российской Федерации и Росфинмониторинга. Паспорт должен формироваться не по каждому уголовному делу о хранении или разовом сбыте наркотиков, а при выявлении общего

интернет-магазина, криптовалютного адреса, банковского получателя, псевдонима оператора либо повторяющегося способа упаковки в двух и более преступных эпизодах.

Каждому выявленному объекту предлагается присваивать сквозной идентификатор. Обязательными реквизитами паспорта должны являться контрольная сумма цифровой копии, часовой пояс и время события, источник и правовое основание получения информации, номер уголовного дела, связанная финансовая операция, географическая точка и установленная роль участника. Совпадение идентификатора в разных субъектах Российской Федерации должно направляться следователям и надзирающим прокурорам в течение 24 часов. Вопрос о создании межрегиональной следственной группы либо соединении уголовных дел должен разрешаться руководителем вышестоящего следственного органа в течение трех суток с момента выявления совпадения.

Третье предложение касается оценки результатов расследования. После направления уголовного дела в суд подразделение, ведущее паспорт преступной сети, должно в течение 90 дней проверить повторное появление установленных аккаунтов, криптовалютных кошельков, телефонных номеров, доменных имен и схем расчетов. Итог проверки предлагается фиксировать в одной из трех форм: полное разрушение инфраструктуры, ее частичное восстановление либо продолжение преступной деятельности.

Такая оценка не является доказательством виновности и не включается в материалы судебного производства. Она должна использоваться для ведомственного контроля и решения вопроса о продолжении расследования в отношении организаторов, финансовых операторов и выгодоприобретателей. Тем самым показателем эффективности работы правоохранительных органов становится не только масса изъятого наркотического средства и количество осужденных исполнителей, но и фактическое прекращение деятельности цифровых, организационных и финансовых узлов конкретной преступной сети.

Предлагаемый подход согласуется со Стратегией государственной антинаркотической политики, ориентирующей государственные органы на противодействие орга-

низованной наркопреступности, пресечение интернет-ресурсов и легализации доходов [9]. Вместе с тем повышение эффективности не должно сводиться к расширению перечня запретов или усилению санкций. Приоритетом является качество доказывания: установление конкретного вклада лица, проверяемость цифрового материала, прослеживаемость финансовых операций и раскрытие связей между эпизодами.

Таким образом, статистика 2025 года и материалы части 2026 года подтверждают устойчивый переход наркобизнеса к цифровой, финансово распределенной и трансна-

циональной модели. Резонансные дела показывают два взаимосвязанных направления: расследование технической инфраструктуры онлайн-площадок и пресечение крупных международных поставок. Предложенный четырехблочный стандарт способен обеспечить переход от фиксации отдельного факта хранения или сбыта к реконструкции всей преступной системы. Его применение позволит точнее разграничивать роли и составы, выявлять организаторов и выгодоприобретателей, а также повысить допустимость и убедительность цифровых и финансовых доказательств.

Список литературы:

- [1] Доклад о наркоситуации в Российской Федерации в 2025 году. Москва, 2026. // Drugmap. – URL: https://drugmap.ru/wp-content/uploads/2026/08/Viderzhka_iz_Doklada_o_narkosituatsii_2025.pdf (дата обращения: 15.09.2026).
- [2] Информация о состоянии преступности в январе–июле 2026 года // МВД России: [по материалам ведомства] // Рамблер. 2026. – URL: <https://auto.rambler.ru/news/56971683-informatsiya-o-sostoyanii-prestupnosti-v-yanvare-iyule-2026-goda/> (дата обращения: 15.09.2026).
- [3] Более 3 тонн наркотических, психотропных и сильнодействующих веществ изъято в Москве в 2025 году – ГУ МВД // Интерфакс. 2026. – URL: <https://www.interfax.ru/presscenter/1077480> (дата обращения: 15.09.2026).
- [4] Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 04.08.2026) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.
- [5] «Гидре» отрубили последнюю голову. Системному администратору крупнейшего в мире наркотического маркетплейса дали 21 год // Коммерсантъ. 2025. – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/8117242> (дата обращения: 15.09.2026).
- [6] Обзор судебной практики по делам о преступлениях, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов (утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 26.06.2024) // Верховный Суд Российской Федерации: официальный сайт. URL: <https://www.vsrp.ru/documents/all/33761/> (дата обращения: 15.09.2026).
- [7] ФСБ обнаружила в порту Петербурга 500 кг кокаина из Эквадора в тушах тунца // Интерфакс. 2026. – URL: <https://www.interfax.ru/russia/> (дата обращения: 15.09.2026).
- [8] Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 26.07.2026) // Собрание законодательства РФ. 2001. № 52. Ст. 4921.
- [9] Указ Президента Российской Федерации от 23.11.2020 № «Об утверждении Стратегии государственной антинаркотической политики Российской Федерации на период до 2030 года» (ред. от 16.02.2026) // Собрание законодательства РФ. 2020. № 48. Ст. 7710.

References:

- [1] Report on the Drug Situation in the Russian Federation in 2025. Moscow, 2026. // Drugmap. – URL: https://drugmap.ru/wp-content/uploads/2026/08/Viderzhka_iz_Doklada_o_narkosituatsii_2025.pdf (accessed: 15.09.2026).
- [2] Information on the State of Crime from January to July 2026 // Ministry of Internal Affairs of Russia: [based on departmental materials] // Rambler. 2026. – URL: <https://auto.rambler.ru/news/56971683-informatsiya-o-sostoyanii-prestupnosti-v-yanvare-iyule-2026-goda/> (accessed:

15.09.2026).

[3] *Over 3 Tons of Narcotic, Psychotropic, and Potent Substances Seized in Moscow in 2025 – Main Directorate of the Ministry of Internal Affairs // Interfax. 2026. – URL: <https://www.interfax.ru/presscenter/1077480> (accessed: 15.09.2026).*

[4] *Criminal Code of the Russian Federation No. 63-FZ of June 13, 1996 (as amended on August 4, 2026) // Collection of Legislation of the Russian Federation. 1996. No. 25. Art. 2954.*

[5] *The Last Head of "Hydra" Has Been Severed: System Administrator of the World's Largest Drug Marketplace Sentenced to 21 Years // Kommersant. 2025. – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/8117242> (accessed: 15.09.2026).*

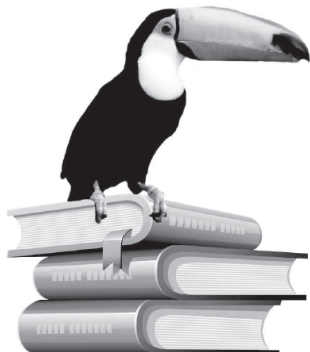
[6] *Review of Judicial Practice in Cases Involving Crimes Related to the Illicit Trafficking of Narcotic Drugs, Psychotropic Substances, and Their Analogues (approved by the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation on 26.06.2024) // Supreme Court of the Russian Federation: official website. URL: <https://www.vsrp.ru/documents/all/33761/> (accessed: 15.09.2026).*

[7] *FSB Discovers 500 kg of Cocaine from Ecuador Hidden in Tuna Carcasses at St. Petersburg Port // Interfax. 2026. – URL: <https://www.interfax.ru/russia/> (accessed: 15.09.2026).*

[8] *Code of Criminal Procedure of the Russian Federation No. 174-FZ of 18.12.2001 (as amended on 26.07.2026) // Collected Legislation of the Russian Federation. 2001. No. 52. Art. 4921.*

[9] *Decree of the President of the Russian Federation No. 733 of 23.11.2020 "On Approval of the State Anti-Drug Policy Strategy of the Russian Federation for the Period up to 2030" (as amended on 16.02.2026) // Collected Legislation of the Russian Federation. 2020. No. 48. Art. 7710.*





ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

НОВЫЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

*Ежеквартальный
научно-правовой
журнал*

№ 4

(октябрь-декабрь)

2026 г.

Подписано в печать 16.10.2026 г.

Формат 60х90/8. Тираж 100 экз.

Макет верстки разработан

в типографии издательства ООО «Юркомпани»
121596, г. Москва, ул. Горбунова, д. 2 стр. 3, офис В 218.